

Абдумаджид Шамирзаев родился в 1945 году в Ташкенте.

В 1968 году окончил восточный факультет ТашГУ им. В. И. Ленина. В течение нескольких лет находился в Объединенной Арабской Республике (ныне АРЕ) и Сирийской Арабской Республике, работал в группе советских специалистов.

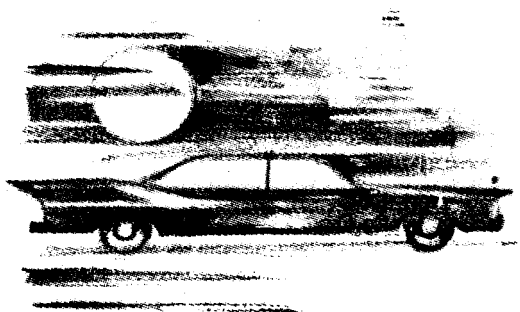
Первый рассказ А. Шамирзаева был опубликован в 1958 году в журнале «Гулхан». Он является автором книг рассказов для детей — «Назым-неженка» (1972), «Каирская тетрадь» (1973) и трилогии «Тревога», состоящей из романов «Якуб Товбис», «Один месяц у «ангела» и «Бегство из «рая».

А. Шамирзаев занимается и художественным переводом с русского языка, а также с арабского на узбекский язык.

*Абдумаджид
Шамирзаев*

ТРЕВОГА

РОМАН

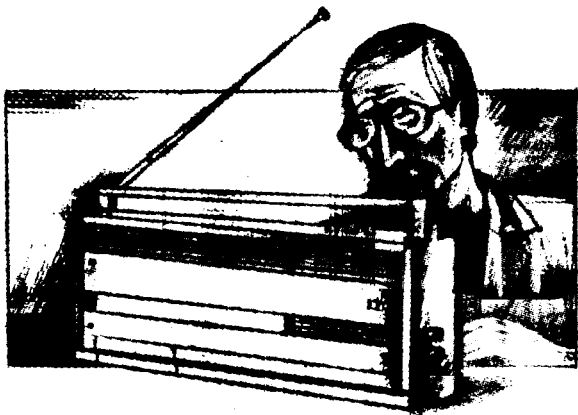
Ташкент
Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана
«Еш гвардия»
1990

Перевод с узбекского АБДУЛХАМИДА ИСМОИЛИ

Ш $\frac{4702570200-88}{356(04)-90}$ 32-90

ISBN 5—633—00478—7

- © Издательство «Еш гвардия», 1983 г.
- © Абдумаджид Шамирзаев, 1990 г.
- © Абдулхамид Исмоили (Хамиджан Исмайлов), 1990 г. (Перевод).

ПРОЛОГ

1968 год. Декабрь.

Разыгралась такая метель, что кажется, — не снежинки, а острые иглы вонзаются в лица прохожих, и как бы те ни кутались, холод такой, что пронизывает до костей. В новом районе Тель-Авива, на пустыре между зданиями, что поставлены вразброс (от этого они кажутся обиженными друг на друга), холод просто свирепствует.

И в этот мороз, на балконе двухэтажного особняка, выложенного из желтоватого камня, стоит в одной рубашке некий толстяк с огромными усами. Щеки его покраснелись донельзя, но он, не обращая внимания ни на что, кроме палатки напротив, дымит сигарой и пристально наблюдает за работой трех каменщиков. А те, одетые в несколько слоев галабия¹ и обернувши головы клетчатыми платками, зыркают исподлобья на этого «балконщика» и молча продолжают работать...

...Ветер, внезапно и шумно нагнавший с холмов, опрокинул палатку каменщиков и, закрутив ее, швырнул со всего размаха в фундамент дома. Потом, как бы упиваясь своими проделками, волчьим воем закрутился в смерче и вместе с поднятой пылью исчез в небе. Чело-

¹ Г а л а б и я — арабская верхняя длинная одежда. (Примеч. автора).

век, стоящий на балконе, хотел прикрыть лицо ладонью, но внезапно его взгляд упал на часы и он засуетился. Вот он с силой рванул дверь на себя и вошел в комнату. Прошел в полутьме к дивану-креслу, покрутил толстыми пальцами ручку радиоприемника. Комната наполнилась хрипом, похожим то ли на шум бурной реки, то ли на самую бурю. Выругавшись, мужчина стал крутить ручку настройки. Наконец, хрип исчез и голос из приемника произнес: «... теперь приведу некоторые факты, illustrating преступление сионистов».

На знаменитом Нюрнбергском процессе во время допроса Вислицена (один из помощников Эйхмана — начальника отдела IV-A-4 гестапо, непосредственно занимавшегося еврейской проблемой и ответственного за уничтожение во второй мировой войне пяти миллионов людей), он сказал следующее: «До 1940 года общим указанием реферата был плановый перенос еврейской проблемы из Германии и завоеванных ею областей в пределы Палестины. Второй этап: сбор в гетто евреев Польши и других восточных областей, завоеванных Германией, а также здешних, продолжался приблизительно до начала 1942 года. Так называемое окончательное решение еврейского вопроса, то есть полное истребление евреев в плановом порядке, было третьим этапом».¹

Этот план «окончательного решения» был утвержден 20 января 1942 года и об этом Гейдрих оповестил участников совещания в Тросс-Ванзее, в Берлине². Документ, относящийся к предмету обсуждения именно этого совещания высшего уровня нацистов и который явился одним из документов Нюрнбергского процесса, так и называется: «Ванзейский протокол о плане истребления одиннадцати миллионов евреев»...

Итак, знали ли сионисты о том, что эшелоны, набитые евреями, направляются из гетто в Освенцим или другие лагеря, специально приготовленные крематории? Я хочу ответить на этот вопрос словами депутата израильского кнессета, то есть парламента, Хаима Ландау. На симпозиуме, устроенном израильской газетой «Маарив», он сказал следующее: «То, что в 1942 году Еврейское агентство знало об истреблении евреев — это факт. Хотя, впрочем, и не знало масштабов этого истребления. Однако сам факт был известен как руководителям Ев-

¹, ² «Нюрнбергский процесс», 4 т., стр. 713, 692.

рейского агентства, так и кругам евреев в США. Правда состоит в том, что они не только хранили молчание об этом, но и заставляли молчать тех, кому было известно об этом»...¹

В 1952 году в Израиле был проведен суд над Рудольфом Кастнером, видным деятелем партии МАПАЙ², членами которой состояли Голда Меир и другие лидеры сионизма. В ходе процесса были выявлены новые свидетельства, изобличающие связь и сотрудничество сионистов с нацистами. А именно, представитель Еврейского агентства в Будапеште, руководитель «Комитета спасения евреев Венгрии» — Кастнер знал об отправлении пятисот тысяч венгерских евреев в Освенцим. Однако вместо того, чтобы предупредить этих евреев, Кастнер оказывал содействие Эйхману в конфискации их имущества и за счет этого добился разрешения на выезд из страны нескольких сотен сионистов и их сторонников — евреев-толстосумов.

О тесных связях сионистов и фашистов говорит множество примеров их совместной деятельности в Чехословакии и Польше...

Возникает вопрос: в чем же причина столь тесного единства в мыслях и действиях отъявленных антисемитов — гитлеровских нацистов и сионистов? Причина этого в классовом характере сионизма. Давайте сравним следующие факты: гитлеровцы, объявив о «нападении поляков» на немецкую радиостанцию, сделали это поводом к войне против Польши и таким образом начали вторую мировую войну. Первый премьер-министр Израиля Бен-Гурион в качестве доказательства «злодейского арабского антисемитизма» приказал сионистским агентам взорвать в Багдаде синагогу — место поклонения евреев...

У входа в израильский кнессет есть надпись на древнееврейском языке: «Иудей, твоя земля от Нила до Евфрата». Ясно, что это не болтовня выживших из ума отдельных сионистов, это политика государства Израиль. А ведь и гитлеровцы некогда мечтали о создании Великой Германии»...

¹Ma'ariv . 24.4.1966.

² Сионистские партии МАПАЙ. «Ахдут Хаавода», РАФИ и МАПАМ в 1968 г. объединились и создали объединенную рабочую партию Израиль.

В последнее время сионизм приобрел новое качество — качество бесценное с точки зрения апологетов современного империализма. Это качество — откровенный антисоветизм и антикоммунизм. Свою очередную передачу мы посвятим этой теме...»

Радио на мгновение замолкло и тут же раздался голос диктора: «Сегодняшнюю передачу на тему: «Обыкновенный фашизм и обыкновенный сионизм» вел наш политический обозреватель, кандидат исторических наук — Якуб Товбис...»

Не успел диктор договорить фразу, как в полутемной комнате на столик обрушился тяжелый кулак. И тут же рука, с надетым на палец змеевидным перстнем, нервно дернувшись, выключила приемник. Одновременно раздалось сопение, и хриплый голос произнес: «Проклятье! Будь ты даже плоть от плоти моей, все равно бы вырвал твой вонючий язык. «Обыкновенный фашизм и обыкновенный сионизм». Что, других тем что ли не нашлось?! — Усатый мужчина вздохнул. Потом, как будто жалуясь кому-то, стал ныть: — Твоя прошлая передача была причиной страшного шума! Хорошо, что никто еще не знает здесь о том, что ты наш сын. По крайней мере мы с твоей матерью подозреваем... Не дай бог, узнают... Тогда не только волосы, но и борода моя поседеет. — Он вздохнул. — Не сегодня, так завтра узнают... И чего это я проговорился о тебе твоей матери Цире? С тех пор она твердит без умолку: «Якуб Товбис — мой сын», как заладила с тех пор, так прожужжала все уши. Гм, — он усмехнулся, — и ей плевать на град камней, летящих на голову Израиля, на слова, подмачивающие репутацию сионистов. Дескать, «приедет сюда и образумится...» Вот и теперь все суетится, хочет чтобы я разыскал тебя и хоть из-под земли привез в Израиль. Увы, я не знаю ни твоего места жительства, ни кто ты на самом деле. И все же несмотря ни на что, — он проскрежетал зубами, — Цира все равно заставит меня поехать. Не она, так другие... Но... даже и приеду в Советский Союз, как тогда я смогу найти тебя в столь огромном городе, как Ташкент? А, сынок?..»

А в это время в «Старом городе» Ташкента, в доме с широким двором стоял мужчина и, пощелкивая пальцами, радостно приговаривал: «Молодец, сынок, молодец! Сколько материалу собрал я, интересуюсь государ-

ством Израиль и сионизмом, а многого, оказывается, не знал. Молодец, сынок! Мать, а мать, — обратился он к женщине, вошедшей в дом, — жалко, ты немного не успела. Только что по радио говорил наш сын, Якубджан...»

И в это же время в центре Ташкента в одной из квартир многоэтажного дома щупленький человек вытер рукавом прослезившиеся глаза и погладил приемник. Потом медленно обернулся и улыбнулся девочке, сидящей у ножки стола и пытающейся «накормить» свою куклу. Шагая к ней, он не мог скрыть улыбки и проворчал:

«Доченька, как я рад, что твой отец понял — сионизм и фашизм произрастают из одной почвы. Я и сам мог бы рассказать многое об этом, но... Если я обмолвлюсь об этом, то придется рассказывать и о проклятой Цире — мертвой для твоего отца, но любимой мною до сих пор, твоей бабушке, сломавшей мне всю жизнь. Но я не хочу этого. Из-за тебя, из-за отца твоего не хочу. Э-э, тоже мне хозяйка, гляди, повсюду рассыпала крошки, а?..»

ЯКУБ ТОВБИС

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РАДОСТЬ И ГОРЕЧЬ

Директор техникума. — Аронбаев с черным нутром. — «Рискованная тема».

До полного расчета с зимой есть еще некоторое время — пока стоит лишь февраль. Обычно в такое время уже чувствуется дыхание весны. Но в этом году все не так. Снег, валивший несколько дней и даже в новогоднюю ночь, снег, закрывший на несколько дней школы, никак не хочет расставаться с морозом. Да и небо порой нахмурится и вся округа начинает темнеть... Иногда вдруг начинается метель, налетает пурга. Но порой и небу надоедают вьюги и холода, и тогда оно начинает плакать. И тогда крупные слезы дождя начинают гнать людей под навесы и затевается «барабанное пиршество» жестяных крыш.

Но высокий, строгий парень, радостный и возбужденный Якуб — преподаватель истории техникума, совершенно не обращал на это внимания. Он посмотрел в сторону, где обычно сидел сторож, чтобы поздороваться с ним, но никого там не увидел. Тогда Якуб взбежал на второй этаж, на ходу расстегивая пуговицы своей кожанки. Идя по коридору, невольно замедлил ход. Ему стало неловко от мысли, что он отвлекает преподавателей, ведь когда он вел свои занятия, каждый шаг в коридоре мешал ему самому. И все же к концу коридора он прибавил шаг...

Войдя в приемную, Якуб поздоровался с секретаршей и нетерпеливо постучал в дверь с табличкой «Директор».

— Войдите, — раздался солидный, полный достоинства голос.

Якуб открыл дверь и вошел. Директор техникума — Узбекхан-ака Атаев — недюжинного сложения богатырь, некогда знаменитый на всю страну, и парторг — сухощавый, поджарый, с бородкой клинышком старичок — Иван Александрович — стояли у окна.

— Э-э, ты что ли? Мог бы входить и без стука, сынок! — сказал богатырь и осанисто повернулся в его сторону. — Хорошо, что пришел. Я тут рассказывал Ивану Александровичу, что хотел заехать к вам домой и забрать вас. Пусть, думаю, мать увидит и обрадуется.

Парторг, улыбаясь, снял очки, вскинул широкие, белесые брови и отечески посмотрел на Якуба. Отвечая на его приветствие, Якуб протянул руку навстречу. Атаев же направился к своему столу в глубине кабинета. Но тут же остановился, и, как только что проснувшийся человек, зажмурил глаза и покачал головой. Потом опять посмотрел на Якуба.

— Что случилось? Чего ты такой бледный?

— Я бежал по лестнице, — объяснил Якуб, прежде чем сообщить причину своей радости. — Может быть, поэтому...

— Ну, если спортсмены станут бледнеть от бега... — Атаев широкими шагами подошел к нему и взял за локоть. — Все в порядке? Как Цилия?

— Не тревожьтесь, папа. Внучка ваша уже поправилась. Видимо, ваша невестка перекормила ее... Но меня можете поздравить, — сказал он не без гордости. — Получил письмо из Москвы, от своего руководителя. — Он достал конверт из внутреннего кармана кожанки и протянул директору. — Одобрели мою научную работу...

— Ну-у, сумасшедший! — Узбекхан-ака облегченно вздохнул и взял письмо. — Так бы сразу и сказал, а то... сердце зашло. Вчера мать твоя принесла странное известие. Потому я и подумал, что с дочерью твоей случилось неладное.

Атаев прошел к окну и, спустив на сплюснутый нос очки, вынул письмо из конверта и начал читать. Якуб, глядевший на директора, видел как с каждым мигом светлеет его лицо.

— О-о, вот это здорово! — сказал директор, прочитав письмо, и протянул его Ивану Александровичу. — Поздравляю, сынок! — Пощелкивая пальцами, он подошел к Якубу и, притянув его к себе, поцеловал в лоб. — Теперь и душа моего руководителя Симонова будет спокойна. — Из глаз Атаева потекли слезы. Он резко обернулся, дабы не показать своих чувств Якубу, и прошел в самую темную часть кабинета. Затем достал носовой платок и, как вспотевший человек, приподнял тубетейку, чтобы провести рукой по выбритому затылку, темени и глазам.

Прочитав письмо, и Иван Александрович поздравил Якуба.

— Да, кстати, Якубджан, ты ведь, кажется, давал

свою научную работу на ознакомление Зальмону? — спросил внезапно Атаев. — Он прочел?

— Да-да, — ответил Якуб, вскидывая свои белесые брови над голубыми, как небо, глазами: он весь был занят письмом. — Но мнения своего он еще не сказал.

— Интересно, он не ушел? Если еще здесь, послушаем его все вместе. Вы не против, Иван Александрович?

— С удовольствием выслушаю, — кивнул тот и прошел к дивану, стоявшему между двух окон. Севший рядом с ним Якуб удовлетворенно смотрел на Атаева, вызвавшего через секретаршу заместителя по учебной работе. В то же время защемило сердце от атаевского «Теперь и душа моего руководителя Симонова будет спокойна» и от слез, показавшихся в его глазах. «Спасибо вам, папа, за то, что вы настояли на таком важном деле — теме моей докторской!» — подумал Якуб и подался с места. Но увидев, как Атаев смотрит задумчиво в окно, не решился ничего сказать.

Якуб посмотрел в окно: небо, набрякшее тучами, хмурилось... Не уразумев, чем так очарован Атаев, он пожал плечами и сел на место.

В это время распахнулась дверь и вошел заместитель директора Зальмон Акилович.

— Вызывали, Узбек Атаевич? — спросил он, кивая в сторону Ивана Александровича и Якуба.

— Да. Хотел поделиться с вами радостной вестью. Можете поздравить Якубджана. Его руководитель разрешил поставить докторскую работу на обсуждение.

— Э, вон оно что, — сказал Аронбаев и протянул кончики пальцев Якубу. — Поздравляю, Якуб Изяевич!

Сухость заместителя задела Атаева. Но не выдавая чувств, он предложил им всем сесть.

— Якубджан говорит, что давал вам на ознакомление эту работу, — произнес Атаев, присаживаясь рядом с Аронбаевым. — Я как историк очень заинтересован его темой. Если вам не трудно, то выскажите свое мнение о работе, а мы с Иваном Александровичем послушаем.

— Руководитель просит исправить целую кучу недостатков и даже переписать некоторые параграфы, — сказал простодушно Якуб. — Если и вы назовете слабые места, то заодно, когда буду перерабатывать...

— Говорите. — Аронбаев прервал его хитрой улыбкой. — Если ваш руководитель указал на недостатки, к тому же крупные, то нам, наверно, ничего и не остается делать.

— У кого есть, тот несет цветы, у кого нет — тот головку лука, — сказал Узбекхан-ака, подчеркивая каждое слово. — И вы можете помочь своими замечаниями. Сказать «Но!» — и то лошади подмога. Как-никак, он взялся за трудную тему.

— Гм... — Аронбаев почесал усы, стекающие к подбородку, и уставился в окно, на ветви дерева, стоявшего под окном. Его заставила задуматься сама интонация слов Атаева: «Директор, видимо, близок с Якубом. Еще до того как я пришел сюда работать, говорили, что кандидатура Якуба выдвигалась на мое место — замдиректора... Но почему он говорит в таком тоне? Взяться, дескать, за трудную тему... Может быть, он хочет сказать за рискованную тему? Ага... Атаев многое видел, многое знает. Может быть... — его глаза на мгновение загорелись, — он, не смея предложить «изменение темы», сам... Нет, вряд ли... Тем более, что если пришло уже письмо об обсуждении, умрет, а такое вряд ли скажет... Рисковая тема... А-ха... Атаев наверняка не читал этой работы. Хоть и историк, хоть и интересуется, но вот со временем у него туговато. А раз так, откуда ему знать, о чем написано, что там сказано... Да... Самое верное, надо сделать вид, что я из добрых чувств хочу предостеречь Якубджана от неверного пути и поговорить насчет рискованности темы... Вот тогда я достигну своей цели...»

— Гм... — сказал он еще раз, переводя взгляд на Якуба. — Я прочел ваш труд в первые же дни. Но... не знал как и выразить вам свое мнение. А вот сейчас, коль зашел откровенный разговор... Словом, как человек, проносивший на два-три костюма больше вас, то есть как ваш коллега, защитивший кандидатскую диссертацию по экономике одной зарубежной страны, хочу остановиться вот на чем. Хочу сказать, в конце концов, думая о вашем же будущем. Поэтому, если получится резковато, то, пожалуйста, не обижайтесь, хорошо?

— Нет, нет, ничего. Чем больше недостатков вы назовете, тем лучше, — сказал Якуб и взял со стола Атаева лист белой бумаги, чтобы записывать замечания.

— Я не знаю на какие недостатки указал вам ваш руководитель, но, на мой взгляд, есть одна чрезвычайно большая ошибка в вашей научной работе, а именно — выбор темы. Вы неправильно выбрали себе тему. Не знаю, куда смотрел ваш руководитель и совет, который ее утверждал. — Атаев сверкнул при этом глазами.

Якуб побледнел. Даже Иван Александрович, вскинув очки на лоб, удивленно смотрел на Зальмона. А тот, как бы не обращая внимания на окружающих, встряхнул волосами, упавшими на плечи, и продолжал: — Если смотреть с одной стороны, то ваша работа посвящена важной, актуальной теме. Но это, если смотреть поверхностно. На самом деле, если говорить словами Узбекхана Атаевича, тяжелая, вернее рискованная тема, очень рискованная. Может случиться даже так, что весь ваш труд будет брошен на ветер.

— Простите, Зальмон Акилович, — перебил Якуб, не сдерживая своего удивления, — но по письму видно, что мнение руководителя совершенно противоположное.

— Я говорю вам свое мнение, — сказал Аронбаев несколько обиженно. — Если понадобится, я могу высказать это мнение и на более высоком уровне. Гм... Якуб Изяевич, будь я на вашем месте, то взял бы тему поменьше, скажем, историю одного колхоза или совхоза и просто-напросто обобщил бы. И пользы от этой работы будет больше. К примеру, нашему народному хозяйству. Я это говорю, переживая за вас, дружище. Я сам защищался по зарубежной стране, и помню, как затянулась защита...

— Ну... Якубджану не совсем нравится заниматься экономическими проблемами, — сказал Атаев с иронией. — А потом, он хочет оставить свой собственный след, поэтому и взлететь решил повыше.

Аронбаев отнес иронию на счет Якуба и потому перевел ее в шутку.

— А, впрочем, есть ведь и эта сторона. Но это похоже на то, как парашютист, решивший прыгать с самолета, вдруг в самолете обнаружит, что парашют остался на земле. — Он сделал вид, что сказанные слова понравились ему самому, и засмеялся. — По-моему, вам лучше выбрать в качестве темы не политическую жизнь современной Палестины, а хотя бы ее историю, что ли. Многое бы выиграли. А при нынешней ситуации тема весьма рискованная. А потом и сам стиль написания совсем не научный: то ли предания, то ли сказания о битвах... Еще, может быть, вам скажут и ваши оппоненты, но работа ваша написана слабо, мелко...

Якуб закусил губы и сел, обхватив кромку стола, втянув шею в плечи и подавшись вперед. От этого напряжения его тело, натянутое как струна, казалось телом спортсмена, приготовившегося к старту. Но... он

не сдвинулся с места, не стал даже возражать, а как будто говоря: «Ну давай, давай!» — устоял на Аронбаева.

Атаев кашлянул в кулак и бросил сердитый взгляд на Якуба. Заметив это, Аронбаев почувствовал в душе удовлетворение: «Ага, кажется, и Атаев на моей стороне. Если теперь скажу, что работа никуда не годится, и он, может, добавит пару слов. А тут и парторг присоединится. Тогда будет порядок». Подумав об этом, Зальмон Акилович расцвел. Воодушевленный, он говорил о том, что только «лучшие» побуждения заставили его сказать об этом, а ведь есть еще стилистическая, техническая сторона работы...

...Узбекхан-ака и впрямь был сердит на Якуба. Но не потому, что его работа была «слабой или мелкой». А потому, что, не прервав Аронбаева сразу же, тот сидел, как ребенок, проглотивший язык... К тому же, он был сердит и на себя, и на своего заместителя.

Богатырь, вернувшись с войны, достиг своей заветной цели: несмотря на «солидный возраст», продолжил свое неоконченное обучение на факультете востоковедения САГУ... Кончив на отлично отделение истории стран Ближнего и Среднего Востока, сделал документы в только что образованную аспирантуру при факультете и по предложению знаменитого советского востоковеда А. А. Симонова он выбрал темой историю создания и политический строй государства Израиль. Однако окончить аспирантуру не сумел — был направлен на партийную работу. Работал сначала в райкоме, потом в обкоме партии, в Министерстве высшего образования. А пять лет назад по его собственной просьбе назначили в этот отстающий по всем статьям техникум директором... Где бы ни работал Атаев, не забывал своей научной работы, собирал материал. Но заниматься всерьез не было времени. А время бежало стремительно. И возраст был уже не тот... Когда Якуб защитил кандидатскую диссертацию, он предложил свою тему Якубу. Отдал все собранные материалы... Узнав в первые дни прибытия Аронбаева в техникум, что и его диссертация посвящена зарубежным странам, посоветовал Якубу дать ему почитать. А в результате...

«Аронбаев несколько раз повторил, что тема рискованная. Потому что на политическую тему, что ли?.. Неужели Симонов ошибся, предлагая в свое время эту тему мне? Неужели... и я сам ошибся, предложив эту

тему Якубу?.. Нет, сейчас это особенно актуально. Тогда почему он... А может быть, между ними пробежала черная кошка?..»

Атаев услышал голос Якубджана, воскликнувшего: «товарищ Аронбаев», встрепенулся и посмотрел в его сторону. Якуб уже встал в полный рост и с усмешкой смотрел на Аронбаева.

— Я, — продолжил Якуб, — когда давал вам прочесть работу, чтобы выразить свое мнение по некоторым фактам, говорил о том, что все специалисты, рассматривавшие ее с точки зрения важности темы, изложения, научных особенностей, уже давным-давно ее одобрили. Поэтому я не хочу спорить с вами по поводу «слабости», «мелкоты». Но я не понимаю, почему вы не высказали ни одной дельной мысли по поводу тех проблем, которые подняты в прочитанной вами рукописи, почему, наконец, вы называете работу рискованной. Я не понимаю вашего совета написать на тему истории Палестины. Это все равно, что выдрать с корнями посаженную мной яблоню и на ее место посадить урюковое деревце...

— А чего вы не понимаете, товарищ Товбис? — как бы посмеиваясь, спросил Аронбаев. — Какую пользу советскому обществу, советской науке может принести научная работа о далеком государстве Израиль? Найдется ли вообще кто из научных работников, кого интересует это? Неужели вы не понимаете? — и неожиданно серьезным тоном добавил: — Рискованность вашей темы в том... Гм... Ученый должен хотя бы немного разбираться и в политике. А политика партии, нашего государства — политика сотрудничества со всеми странами. А раз так, то к чему все это, об истории, строе, политике другого государства?..

«Это же откровенная глупость! Неужели Аронбаев не понимает, что он говорит?» — подумал Атаев, испытывая сильное раздражение. Он сорвал с головы тубетку и стал сбивать щелчками с нее пыль, потом надел ее углом вперед.

— Зальмон Акилович, — прервал он со злостью заместителя. — Вы очень крупно ошибаетесь в одном. А именно, историк не обязан изучать историю только своей страны. Возьмите хотя бы произведения отца истории Геродота или же «Историю Древнего мира» знаменитого советского историка-востоковеда Авдеева. Вы, надеюсь, понимаете значение этих произведений? Вы, наверное, знаете еще, что издательства нашей стра-

ны печатают многотысячными тиражами книги по политике, экономике, этнографии и другим проблемам современных государств и что эти книги предназначены широкому кругу читателей. Да вы и сами... защитились на такую же тему, посвященную зарубежному государству... — Атаев посмотрел на него, как бы спрашивая «правильно?» — Стало быть, и работа Якуба принесет пользу науке и найдет свой круг читателей.

— Если же говорить о политике, Зальмон Акилович, — как бы продолжал мысль Атаева молчавший до сих пор Иван Александрович, — вы твердо усвойте для себя, что мы можем сотрудничать со странами другого строя — капиталистического в культурной сфере, в спорте, торговле. Однако в идейной борьбе, в нравственности и морали мы никогда с ними не сойдемся. Марксизм-ленинизм — идеология революционного пролетариата и она никогда не сольется с буржуазной идеологией.

— Очень правильно вы сказали, Иван Александрович. Но ведь есть и такие понятия, как время и пространство... Если даже строй в Израиле изменится целиком, то история всегда останется историей. А значит, работа Якубджана будет полезна всякому, кто будет интересоваться в будущем историей Израиля, его строем и политикой со дня его образования до 1967 года... Ну что ж, если никаких сто... — Узбекхан-ака думал сказать «стоящих мыслей», но не желая обидеть Аронбаева, смягчил: — других соображений у вас нет, давайте на этом закончим.

— Я... Товарищ Атаев... — Зальмон Акилович искренне считавший, что директор его поддержит, теперь несколько растерялся от его резких, остужающих слов. Но потом, решив, что его поставили на ту колею, из которой он, может быть, несколько выбился, сказал: — В основном я хотел высказать эти соображения.

— Ну и хорошо, — Атаев встал с места. — Поговорили достаточно. Хватит. И время уже позднее.

Встал и Иван Александрович.

Аронбаев уставился на Атаева, как бы не поняв, что он сказал. Еле встал. А когда выпрямился, глаза его заблестели. «Э, так он меня, кажется, выпроваживает. А-ха... ничего, придет время и я вам еще покажу кто есть кто».

Проходя к двери, он с усмешкой посмотрел на Якуба,

а потом на Атаева: и хотя глаза его улыбались, в них чувствовались и злость, и гнев, и враждебность...

— Я сказал все откровенно, все, что есть, товарищ Атаев! И все равно я сказал, думая о Якубе, с сожалением о проделанной им работе!

— Спасибо за заботу, — отрезал холодно Якуб, положив на директорский стол чистый лист бумаги.

Зальмон Акилович вышел.

Иван Александрович покачал вслед ему головой и, усмехнувшись, сказал:

— Ну и ну, никак с молодостью не расстанется! — и, утешая Якуба, тоже направился к двери.

— Не обращай внимания на слова Зальмона, — сказал Атаев, когда они остались в комнате одни. Он опять щелчком сбил пыль с тюбетейки и водрузил ее на голову, глянув на сидящего понуро Якуба. — Честно говоря, виноваты мы сами, вернее я. Были мнения ученых, специалистов по твоей работе, а ему, видимо, не следовало ее давать. Э, кстати, — директор, взглянув на настенные часы, направился своей медвежьей походкой к столу, — забыл начисто. Дома, наверное, мама ждет-не дождется. Сейчас с, приберу бумаги, возьмем такси и съездим к тебе. — Он, как бы забыв недавний неприятный разговор, опять довольно пощелкал пальцами. — И заказной господин-плов, наверно, каждой рисинкой уже шепчет: «Ну-ка, ну-ка, берите, пока не остыл», — и Узбекхан-ака с какой-то молодой проворностью стал убирать со стола бумаги.

У Атаева была интересная привычка: не обращать внимания на всякие мелочи да пустяки. Его девизом было: «Указал вовремя на недостаток, заставил его исправить, ответил вовремя, как полагается, и ладно, об остальном забудь!» И теперь, поскольку богатырь подумал: «Этим бессмысленным словам Аронбаева по достоинству ответил и я, и парторг, да и Якубджан, так и поставим на этом точку!» Однако он не мог представить, что слова Зальмона Акиловича нестерпимо саднят тонкую душу Якубджана.

— Папа... это... — осекся Якуб, думая о том, что не сможет расслабиться, даже поехав к Атаеву, — это... может быть, господин-плов перенести на два-три дня...

— Что? Почему? — Богатырь тяжело поднял голову, свел свои сросшиеся брови на переносице и удивленно посмотрел на Якуба. — Ты что, из-за этих бессмысленных слов хочешь поехать домой и рыдать, что ли?

— Да нет же, папа, — Якуб усмехнулся. — Вы ведь сами говорите: «Собачка лает, а караван идет». Я хочу, пока горячо, подумать еще над некоторыми мыслями руководителя. А потом и Цилия не совсем еще здорова...

— Не оправдывайся. В таком состоянии ты изведешь дома и Изю, и жену свою. Лучше поехали домой. Мама хоть обрадуется, увидев тебя, — сказал он. — Надо часто навещать родителей, особенно мать... Я приехал вчера, а мать чуть не плачет, говорит, не видела Якубджана уже пять дней. Ты ведь как-никак самый младший в семье пострел. А самый младший, — теперь ты и сам отец, сам постепенно узнаешь, — самый сладкий из всех детей. Знаю, — сказал богатырь, видя, как у Якуба дрожат ресницы и он пытается и не может что-то сказать, — все равно будет по-твоему, ты не поедешь. Ладно. — Атаев встал с места и неискоренимым военным языком отрывисто заговорил: — Передай привет Изе, невестке. Поцелуй дочь. Иди!

Якуб, не зная, что ответить, медлил:

— Не обижайтесь, папа... Если объясните маме... Она поймет... А потом... — он вдруг оживился, — в воскресенье мы нагрянем всей семьей во главе с самой младшей вашей внучкой...

Атаев громоподобно расхохотался.

— Ох же ты, ну и негодник!.. Знаешь мою слабость! «Во главе с вашей самой младшей внучкой!» ...Ох же, ты! — Богатырь вытер тыльной стороной ладони набежавшие слезы. Потом сказал серьезным тоном: — Я не в обиде на тебя, сынок... Я просто вспомнил слезы твоей матери и поэтому сказал. Мать есть мать! Ну теперь иди, не задерживайся. В воскресенье жду вас всех вместе.

Якуб попрощался с Атаевым и вышел из комнаты.

— Ну и хитрец, ну и пострел, — проговорил он, — смотри какие слова нашел: «Во главе с вашей самой младшей внучкой», — и улыбнулся. — В детстве он, помнится, таким не был...

Так, бормоча и перебирая рассеянно бумаги на столе, Атаев представлял себе, как он войдет один во двор и тут же его жена Сарвинисо спросит о Якубджане, и Атаеву уже не мил был этот заказной «господин-плов». Потом... его мысли понеслись далеко-далеко...

ГЛАВА ВТОРАЯ

БИОГРАФИЯ

Письмо из Ташкента.— «Старик».— Заботливые.

...Имя Якуба Атаев услышал впервые на фронте, в конце лета 1942 года, когда шли бои не на жизнь, а на смерть. Вернее, тогда он прочитал это имя в письме. Жена, провожавшая его на фронт, прижимая к себе трех малышей, в конце своего письма, рассказывавшего о том, как вся их махалля встречает эвакуированных, писала: «Мы тоже освободили большую комнату и поселили туда женщину по имени Олеся с двумя детьми. Но я об этом уже писала в прошлом письме. Очень приветливая, добрая, открытая женщина. Сама родом с Украины, из города Киева. Чуть раньше, до войны, они приехали из Египта. Двое ее детишек, один слаще другого — Якубчик и Изабелла, родились там. Мы им дали уже узбекские имена: Якубджан и Зулфия, а Олеся стала Олияхон...» (Эта часть письма впоследствии всю жизнь хранилась у дяди Якуба — Моши, когда же началась наша история, она в качестве бесценной реликвии перешла к отцу Якуба — Изе).

Если бы Атаев не попал тогда же в санбат, то наверняка эти имена стерлись бы из его памяти.

...Тогда, в тот самый день Атаеву было приказано во что бы то ни стало взять из занятого немцами хутора «языка» из числа штабников. Задание было ответственным — от его выполнения зависели военные действия полка на ближайшие дни. Была проведена соответствующая подготовка, командованием полка отобраны самые смелые, испытанные разведчики. Когда они собирались уже в дорогу, приехал для последнего инструктажа сам полковник — начальник отдела разведки полка.

— Знакомьтесь, сержант Моша Товбис. Пойдет в разведку с вами, — сказал он, закончив инструктаж и представив им человека скромного, среднего роста, неказистого, но с огненными глазами, глядевшими из-под бесцветных бровей.

Сержант с виду был не очень стар, правда, волосы, выбивавшиеся из-под пилотки, были седые, поэтому один из разведчиков в шутку присвоил ему кличку «Старик».

— Как договорились, пойдете в разведку не всемером, а ввосемером... Вот так, — сказал полковник и, как

бы раздумывая, добавил: — Сержант на фронте с самого начала войны. Опытный разведчик. К тому же отлично владеет немецким. Дважды ранен. И сейчас прямо из госпиталя. Но очень рвется в разведку... Вот так... — Полковник взглянул на молчащего сержанта и, обернувшись к Атаеву, прошептал: — Учитывайте, он только что из госпиталя.

...Они подошли к «объекту» по окружной, но более безопасной дороге через незнакомый лес, когда уже было за полночь.

«Объект» — штаб, охраняемый двумя часовыми (кроме еще одного, что стоял перед самой дверью), казался недоступной крепостью. Но все еще пьяные от побед в самом начале войны, самодовольные фашисты то ли из-за своей беспечности, то ли оттого, что их клонило уже к предутреннему сну, то ли из-за хорошей подготовки разведчиков никак не помешали успешному проведению «операции»: все трое часовых распрощались с этим светом почти одновременно — их места заняли одетые в гитлеровскую форму разведчики. Ринувшиеся было по плану внутрь «Старик» и Атаев вдруг наткнулись на здоровяка с котелком, и тогда Атаев пожалел, что скептически отнесся сначала к Товбису: «Старик» мгновенно бросился на здоровяка и вместе с ним упал навзничь... Уже в штабе, когда Атаев спешно сгребал бумаги со стола, он услышал шепот «Старика»:

— Товарищ командир, потайная дверь!

Задняя стенка шкафа, в котором висело военное обмундирование, была неприметной потайной дверью без замка, а потому при первом же прикосновении руки неслышно отворилась... Атаев вошел в узенькую комнату: на маленьком столике стояла бутылка недопитого шнапса, кое-какая закуска, а рядом, на кровати спал приличного возраста грозной наружности гитлеровец. Из-под его подушки торчал уголок полевой сумки, а на спинку стула, стоящего у изголовья, был брошен полковничий китель...

И лишь войдя глубоко в лес, атаевцы, ликвидировавшие четырех фашистов и прихватившие с собой офицера, услышали за собой взрыв заминированного ими штаба...

Непредвиденное случилось уже тогда, когда они благополучно вышли из леса по наикратчайшей дороге и переходили линию фронта — поле шириной в два километра: они еще не достигли середины поля, как

вдруг стали разрываться вокруг снаряды засекавших их гитлеровцев.

Когда перестрелка кончилась, стало ясно, что один из разведчиков убит, «Старик» получил легкое ранение в бедро, и осколком снаряда оторвало ухо Атаеву...

Уже в части разведчики отправили в санбат и «Старика», и Атаева. Там, обработав раны, их уложили. И вот тогда Атаев стал мысленно переигрывать то, что из-за опасности, казалось, длилось часами, а на самом деле — три-четыре минуты: происшедшее в гитлеровском штабе. Оценивая действия каждого из разведчиков, вдруг обратился к «Старику»:

— Сержант, откуда тебе пришла в голову мысль открыть шкаф?

— И сам не знаю, — усмехнулся Товбис. — Наверное, здание, что казалось снаружи продолговатым, внутри оказалось тесным, что ли? Вообще-то меня удивил шкаф, вделанный в стену. А потом, хотя бы из-за документов... и форму в шкафу надо было поискать, — заключил он равнодушно.

Отдавая должное зоркости Товбиса, Атаев вспомнил, как, выходя из штаба, он наткнулся глазами на того фашиста, что был вдвое здоровей «Старика» — тот лежал с ножом в груди, всаженным по самую рукоять: он удивился тогда мощи сержанта, который, казалось, качался на ветру. Атаев не стал этого скрывать:

— А ты, сержант, глянь какой смелый оказался! Оставайся после выздоровления среди моих ребят.

«Старик» долго не отвечал. Потом, присев на кровать, с печальной улыбкой сказал:

— Вы говорите, что я смелый. А знаете, товарищ командир, в детстве, да и в юности боялся крови. А теперь?! Теперь, как увижу фашиста, так и хочу его убить. Почему? Наверно, любой человек, приведись ему видеть зверства фашистов, которые видел я, был бы точно в таком состоянии, — сказал он и голос его задрожал. — Вот один из них...

Это было в ночь на Новый год в прошлом году. Товбис вышел на «охоту» с армянином Андроником. Задача была выполнена, но друг погиб... Один, ведя по лесу пленного со связанными за спиной руками, он вдруг услышал звук, похожий на скрип пилы. Разведчик удивился: «Странно, кто это пилит дерево в полночь в лесу?» Когда он, крадучись, подошел поближе и посмотрел, то увидел, как четыре фашиста пилят электропилой

тела женщин, детей, стариков и складывают их в штабеля. Он не выдержал. Забыв о приказе, диктующем немедленно возвращаться после выполнения задания в часть безо всякой встречи с врагом, он открыл огонь по фашистам. Все четверо упали ничком. Но фашистов оказалось значительно больше... Они выбежали из палатки, стоящей поодаль. Товбис соображал мгновенно. Он пристрелил пленного, ринувшегося к фашистам, и сам бросился бежать. Ему тогда повезло. Фашисты его не нашли...

А семь месяцев назад... Товбиса послали в разведку для выяснения состояния вражеских сил на один из хуторов. Когда он вышел к центру хутора, чтобы узнать, где комендатура... то застал ужасающую картину: фашисты на свирепом морозе бросали в колодец нагих женщин и детей, и тогда нервы Моши Товбиса, некогда получившего кличку «Железный» за участие в революционных действиях в Польше, за негибаемую волю, сдали. Голова загудела, в глазах помутилось и, забыв про все на свете, он бросился с единственным своим оружием — кинжалом. Во всяком случае, одного фашиста он прикончил... Потом попал в концлагерь. Тысячу раз фашисты заставили его проклясть день, когда он появился на этот свет. Выдирали ему по одному каждый ноготь, приставляли к двум вискам провода и пропускали электрический ток... Но и тогда не выудили из него ни одного слова... Не суждено было ему умереть. Его спасло совпадение фамилии и имени, вписанных в его документы, с фамилией и именем мужа одной из женщин, брошенных тогда в колодец... И хуторяне «опознали» в Товбисе «мужа убитой Веры». Это случилось благодаря чьей-то помощи, видимо, кого-то из советских, среди администрации лагеря. Кроме того... поступок объяснили и гражданской одеждой и тем, что, кроме кинжала, ничего при нем не нашли, словом, его не пристрелили, как собаку. Затолкали в ряды тех, кого отправляли в Германию. Оттуда он бежал...

Заканчивая свой рассказ, Товбис пристально посмотрел в глаза Атаева и сказал:

— Товарищ командир, тот «госпиталь», о котором говорил полковник, когда представлял меня перед заданием, и был этим концлагерем...

— Да, — произнес Атаев, сжимая кулаки, и задумчиво продолжил: — у того, кто испытал эти ужасы, да

что там испытал, слышал о них — ненависть к врагу, наверняка, не должна знать границ.

— Но причина моей ненависти к врагу не только в этом, — сказал Товбис в ответ. — У меня нет никого. Ни родни, ни семьи... Единственный родственник — двоюродный брат, жил до войны за границей, но, как началась война, и от него ни писем, ни весточки... Вся моя семья — жена, Олеся, дочка, утешение моей старости — Изабелла, сын моего двоюродного брата — Якуб, которому имя дал я сам, попали под бомбежку при эвакуации из Киева... Теперь их нет... Из-за этих проклятых фашистов я теперь один-одинешенек. Умру и некому вспомнить, некому даже оплакать...

— Бог с тобой, сержант, — вдруг рассердившись на настроение такого волевого человека, сказал Атаев, одновременно слясь вспомнить, где слышал эти имена. — Говоришь, никого нет? А боевые друзья, а наш народ, который делит с нами печаль, ждет нашей победы?..

В это время вошла медсестра с медикаментами и разговор прервался.

Начавший скучать Атаев принялся было перечитывать письмо жены и вдруг закричал:

— Сержант Моша, как ты назвал своих детей?

— Зачем это? — вздохнул «Старик». — Жену зовут Олеся, дочь — Изабелла, племянника — Якуб...

Сердце Атаева заколотилось захлеб и он прервал «Старика»:

— А ты в Арабистане был?

«Старик» чуть не привскочил с места:

— А вы откуда это знаете, товарищ командир? Это только... только в штабе... — Атаев, пощелкивая пальцами, подошел к нему и схватил за плечи:

— Дети-то твои, оказывается, живы, а ты их, сержант, зачисляешь в мертвые.

— Что?! Что? Это правда? Товарищ командир, это правда? — «Старик» оцепенел на мгновение и вдруг на его глазах показались слезы радости. Это состояние передалось и Атаеву.

Потом богатырь прочел письмо, переводя его на русский...

— Товарищ командир, когда мы переходили через линию фронта, вы спасли меня от смерти, хотя и сами были ранены, — расчувствовался Моша Товбис, — когда бы не вы, разве бы я отделался пустяковой раной в ногу? Наверняка был бы уже на том свете. А теперь...

Теперь вы спасли меня еще от большей смерти, от безнадежности... Отдайте мне на память это письмо...

Вот так начиналась дружба Атаева с Товбисом.

После выздоровления они воевали до последних дней войны, до самого Берлина бок о бок...

Кончилась война и, некоторое время спустя, Атаев вернулся домой, в родной Ташкент, а Моша Товбис остался служить в рядах Советской Армии.

...Переступив порог своего дома, Атаев вместе со своими «цыплятами» прижал к своей груди и прибежавших с криком «па-па» детей Моши: но жене его Олесе — Олияхон, увы, он не сумел передать ни письма, ни привета...

— Такая, знать, у бедняжки судьба, она с таким нетерпением ждала победы, приезда своего мужа, но, как видно, не суждено было дождаться. Три месяца назад она умерла, — вздохнула тетушка Башорат, когда гости уже разошлись и они остались с сыном-фронтовиком одни. — Дыхание было неважное, от этого и умерла бедная, оставив детишек. — Тетушка Башорат приложила к глазам кончик белого платка из марли. Потом, погладив изрезанный морщинами лоб, улыбнулась: — Сначала называла меня как-то по-своему, а потом все же научилась по-нашему, называла меня «ойи», матушкой, будь ей земля пухом. А когда благодаря тебе нашелся ее муж и от него пришло письмо...

— Когда умерла Олияхон, — протягивая пиалу чая, прибавила жена богатыря, Сарвинисо, сидящая у самовара, — нашлись советчики, которым, видите ли, силы не хватило молчать. — Она добрым взглядом посмотрела на свекровь. — Тогда мама...

— Будь проклят этот советчик, — прервала невестку тетушка Башорат, откладывая в сторону глиняную пиалу, поднесенную было к губам. — И что он говорит, думаешь. Дескать, из-за войны толстое растягивается, тонкое рвется. Мол, зачем себе морочить голову, сдайте детей Олияхон теперь в детдом и все. Я прогнала тут же этого «добродетеля».

— Тогда и помутнело зрение мамы. К тому же работа в артели, и не один, не два, а целых пять несмышленишей...

— Хей, невестка, сколько раз я просила вас не говорить об этом! Бедные детишки, разве косточки не слаще самого урюка, милая? — Тетушка Башорат смолкла и пристально посмотрела на сына. — Да,

и вправду я смотрела не за одним, а за пятерыми. Стегала одеяла для артели. Как и все, шила телогрейки для солдат. Подумай сам, мой сокол, когда этот — будь проклят и на том свете! — Гитлер затеял войну против всего народа, разве я могла бы сказать, что я старуха, разве могла я не растить твоих детишек?! Нет. Ей-богу, и не по-человечески, и не по-божески... Но и жена твоя — молодец. Вся в меня, они вместе с Олияхон стали будто сестры, ели вдвоем одну изюминку... Одна — председатель в артели, другая — домком, а все равно, чуть улучат минутку, прибегут домой, перестирают, наготовят, где уж тут «твое — мое»...

Атаев узнал из разговора, что Олияхон, как и говорил Моша, умела хранить тайну. Как бы они ни были близки, она ни разу не обмолвилась ни Сарвинисо, ни тетушке Башорат о том, кто она, кто ее муж, чем они занимались раньше, кто настоящие родители Якуба. Оттого, гордясь за своего боевого товарища, Атаев, все больше и больше удивляя женщин, стал рассказывать историю его жизни — о том, как, родив Якуба, умерла его мать, а Олияхон, вместе с только что родившейся дочерью Изабеллой, вскормила и Якубджана.

Впрочем, не удивительно, что точно так же, как Моша Товбис знал о предыдущей жизни Атаева, об его учительской биографии, о том, как он был до войны домкомом, а по праздникам выходил на борцовский ковер, так и Атаев знал, как свои пять пальцев, всю довоенную жизнь седого до последнего волоска «Старика», его семейное положение, жизненный путь. Оттого, что они так сблизились в те смертельные боевые дни и что их объединили и семьи, отношения узбека и еврея были в тысячу раз теснее, чем просто родственные или братские...

Потом, месяц-другой спустя, вернулся со службы и Моша Товбис. Поначалу он приготовился было увезти детей на родину, на Украину. Но потом, видимо, не решился расстаться с памятью любимой жены, с местом ее захоронения и решил остаться в Ташкенте...

А потом из-за границы вернулся и отец Якубджана — Изя Товбис. Так встретились отец с сыном и двоюродные братья. Как никак, а семья пополнилась...

Хотя двоюродные братья жили почти в противоположном конце Ташкента, в доме Моши, но Изабелла и Якуб часто навещали своих «бабушек и папу», оставаясь у них иногда неделями. Словом, и Якуб — Якуб-

джан, и Изабелла — Зульфия росли на глазах Атаева. Выросли они людьми справедливыми, совестливыми. Изабелла стала учительницей. Вышла замуж за своего коллегу. Сейчас они работают на целине. Три года назад защитил кандидатскую диссертацию Якуб. Вот уже почти готова и докторская... Но брат с сестрой во многом отличались. Тоненькая, красивая Изабелла, как и ее отец Моша, была весела, не лезла за словом в карман. Осанистый же Якуб был основательней, тяжелей на подъем. При случае и он мог тонко сострить, но в то же время был чересчур совестливым и хоть внешне не показывал того — очень чувствительным парнем...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«ВАША МАМА НАШЛАСЬ, МАМА!»

«С вас подарок за благую весть, подарок!» — Прощества с Ирмой. — Нервотрещики.

Выйдя из кабинета директора, Якуб наткнулся на своего ровесника преподавателя математики Сарсена Ефимовича Закирова, любившего прихвастнуть своей интернациональной семьей.

— Э, так и вы здесь, — обрадовался встрече Сарсен. — А я-то думал, что во всем здании нет никого кроме дяди Исака и преподавателя математики Сарсена. Скажите правду, наверно, не можете спать спокойно, если не посетите техникум даже когда нет занятий?

— Точно так же, как и вы...

Они, перешучиваясь, спускались по ступенькам, когда заметили дядю Исака, смотревшего на них каким-то подозрительным взглядом из-под вскинутых бровей. Голова его склонилась к плечу, отчего он напоминал какую-то испуганную птицу.

Когда Сарсен с Якубом поравнялись с ним, густобородый, с удивительно редкими волосами на голове, крепко сбитый, кривоватый дядя Исак улыбался широким ртом. Потом, не меняя своего положения, он подмигнул Якубу.

Заметивший знаки дяди Исака, Сарсен подтолкнул Якуба и зашептал:

— «Старичок» зовет. Желаю вам терпения, а уху вашему благоденствия.

Дядя Исаак, отвечавший лишь на вопросы и молчавший целыми днями, иногда мог позвать к себе понаправившегося ему человека и независимо от того, занят ли он, спешит ли на урок, затевал долгие беседы. Сарсен намекал на это.

Якуб посмеялся шутке друга, попрощался с ним и поздоровался с дядей Исаком.

Дядя Исаак внезапно воскликнул:

— С вас подарок за благую весть, подарок!

— Дядя Исаак, бог с ним, с этим подарком! Неужели кандидатура дяди Самуэля, представленная в академию, утверждена? — взволнованно спросил Якуб.

— Э, — махнул рукой дядя Исаак, — оставьте этого скопидома. Весть гораздо важнее. Матушка ваша нашлась, матушка!

— А? — вены на руках Якуба вздулись, и он ощутил дрожь.

— Ну да! Главное, что я имею вам сказать, ваша мать, которую вы считали мертвой, оказалась живой.

От этой вести голова Якуба закружилась. Он, невольно садясь на табуретку, опустил голову на ладонь и прошептал:

— Неужели? Неужели моя мама жива?..

Дядя Исаак расчувствовался от слов Якуба. На его глаза набегали слезы и он почти прохрипел:

— Ваша мама, оказывается, чуть ли не тридцать лет ищет вас.

Якуб поднял голову.

— Правда? Так где же она? Откуда... Откуда вы... знаете, что мама... мама жива? Кто вам это сказал? Скажите, и я пойду ему кланяться в ноги!

— Главное, что я имею вам сказать, — произнес еще раз дядя Исаак, — я видел вас, когда вы входили в комнату директора. Смотрю, вдруг она прибежала почти задыхаясь, ноги в руках, спросила вас. Говорит, позови, и все тут. Подхожу к двери и прислушиваюсь...

— Кто она? — нетерпеливо спросил Якуб, привстав с места: он был готов услышать имя этого человека и полететь к нему как на крыльях.

— Кто-кто? Ирма!..

— Ирма? — Якуб побледнел. — Отку... откуда она знает?

— Год назад Авраам, вы его знаете, брат Ирмы, да нашего замдиректора Зальмона, уехал в Израиль. Вот он и написал в письме, — дядя Исаак прошептал, словно

объявляя страшную тайну. — Ровно час она ждала вас и только что ушла. «Что за дело у тебя к Якубу?» — спрашиваю ее, а она все смеется, а ну ее в гроб. Целый час прятала от меня такую радость, и сказала перед самым уходом, еди ее мураши в гробу. А то бы я немедля донес вам. Главное, что я имею вам сказать...

Покрытый испариной, Якуб уже не слушал дядю Исака, закусив губу, он повторял про себя: «Ирма. проклятая Ирма! Значит ты выдумала такую хитрость. и даже не хитрость — а месть...»

Ирма в прошлом была одноклассницей Якуба...

...Когда Якуб учился в десятом классе, к ним в класс перешла девушка из соседней школы. Это и была Ирма. Она не отличалась особой красотой. Звонким, как хрусталь, голосом, улыбчивостью, смазливостью она сразу же понравилась Якубу, как, впрочем, и другим одноклассникам. Только отставание ее в учебе никак не гармонировало с ее прелестью: по всем предметам она еле вытягивала на «тройки». Якуб истолковал все это по-своему: «Видимо, из-за того, что она без родителей. Зальмон же, по ее словам, никогда не был ей настоящим братом. Поскольку, говорила Ирма, он жадина из жадин, к тому же грубиян и хам. Жена его и того хуже, как будто вся из желчи.

Вот и мечется бедная девушка: присматривает за их дочерью Шейлой, дабы не выслушивать упреков, а поэтому, наверное, и не остается времени на уроки...»

Якуб по-юношески пылко чувствовал жалость к ней и радовался от души, когда ему удавалось хоть в чем-то ей помочь. Якуб, учившийся на пятерки, находил время и для работы по дому, и для занятий в секции бокса. Несмотря на такую занятость, он задумал выделить один день в неделю для помощи Ирме по ее домашним делам. Когда он попытался было сказать ей об этом, получил категорический отказ. Тогда Якуб предложил ей оставаться в школе, выполнять домашние задания после уроков. Ирма с удовольствием стала задерживаться в классе, но всякий раз, открывая учебник, начинала зевать. Якуб считал, что это от усталости. Но такая картина повторялась изо дня в день. К тому же Ирма стала выкидывать и другие фокусы: когда Якуб горячо объяснял заданные уроки, Ирма начинала тереть за-сыпающие глаза. Проклинала своего брата и его жену. Жаловалась, что не может сходить ни в кино, ни в театр. Якуб, простодушно слушавший это, искренне жалел

девушку, продумывал планы освобождения Ирмы из-под гнета ее брата и невестки, обсуждал с ней эти планы. Ирма же только вздыхала: «все это бесполезно!». В такие минуты Якуб, чтобы хоть как-то поднять дух девушки, отдавал ей свою тетрадь — переписать домашнее задание.

Но и это продолжалось недолго. Все это кончилось в какие-то два-три месяца. А причиной тому стал совместный поход в кино. Там, на улице, а еще больше в самом кинотеатре, он узнал, сколь легкомысленна и избалованна эта девочка Ирма...

После того похода, вплоть до самого окончания десятого класса, Ирма не раз пыталась восстановить свои отношения с Якубом. Но Якуб остыл к ней окончательно. А потом...

Еще не окончив школы, Ирма оказалась беременной, а потому ее брат, не долго думая, выдал ее за того, кто ходил за ней, как тень. Он даже свадебные расходы взял на себя. Но семейная жизнь Ирмы продлилась недолго. После случившегося выкидыша они разошлись.

Тогда Ирма опять стала преследовать Якуба, караулила его возле института, где он учился, но общего языка с бывшим одноклассником не нашла. После того, как разбилась и вторая ее семья, она еще раз попыталась встать на его пути...

В дни, когда Якуб защитил кандидатскую, он женился на однокурснице по институту Рите... Шли последние дни медового месяца. Пьяные от счастья, молодожены как-то вышли на вечернюю прогулку в парк Пушкина, и вдруг, словно из-под земли, выросла Ирма. Якуб хотел было пройти мимо, но не получилось.

— Эй, Дон-Жуан, нашел себе новую кралю и не хочешь узнавать старых подруг, да? — сказала приятным голосом Ирма. — Даже здороваться не хочешь. Или ослеп от своей ослепительной?

Якуб хотел было ответить так же резко, но тут же осекся... Ведь он, и вправду, много лет не виделся со своей одноклассницей. А потому, сдерживаясь, сказал:

— Здравствуй, Ирма! Знакомься, это моя жена, Рита.

Рита, бледная от голоса Ирмы и еще больше от спокойствия Якуба, вскинула тонкие брови, попыталась улыбнуться и поприветствовать едва заметным кивком. Но Ирма не сочла нужным поглядеть в ее сторону.

— Слышала, что ты женился на этой... — сказала

Ирма, как бы жалея Якуба. — Я все мечтала увидеть убившую Якуба наповал. Вот, наконец, и встретились. — Она резко обернулась к дрожащей Рите и смерила ее презрительным взглядом: — Взгляни-ка на меня, красотка. Дай-ка посмотрю, чем это ты лучше...

— Ирма, прекрати цирк, — сказал рассерженно Якуб. — Идем, Рита, отсюда!

От резкого движения Якуба Ирма отскочила в сторону. Но тут же, опомнившись, вцепилась в Риту.

— Ну-ка, постой, краля! Я еще не насмотрелась — на что позарился Якуб. — Она рванула руку Риты на себя. — А у тебя губа не дура, Якуб. Только вот тощая больно твоя краля.

— Пошла! — прохрипел Якуб, вырывая Риту из ее рук. — Чтобы я больше...

Рита, освободившись, даже не оглянулась на мужа и бросилась бежать со слезами на глазах. Якуб кинулся за ней. Но через мгновение остановился и вернулся к довольной, посмеивающейся Ирме.

— Ты зачем оскорбила мою жену?

— Что, задело? — видя горящие от гнева глаза Якуба, Ирма невольно попятилась. — Пусть знает, что она у тебя не первая...

— Сволочь! — не сдерживая гнева, сказал Якуб. Рука его, сжатая в кулак, поднялась, и Ирма закричала:

— Караул! Люди, помогите! Убивают!

Якуб, ошарашенный от такого крика, понял, что если сейчас не уйдет, то эта баба соберет вокруг себя кучу народа и ничего, кроме позора, он отсюда не вынесет. Он опустил кулак, но весь свой гнев вложил в последнее слово:

— Шлюха!

Якуб быстрыми шагами заспешил вслед за своей женой... Ирма продолжала вопить:

— Милиция! Помогите! Бьют женщину!

После этой истории покой и благоденствие покинули семью Якуба на несколько недель. И все же, то ли Рита поверила словам Якуба, то ли сама выяснила, кто такая Ирма, то ли по причине вмешательства Атаева и его жены Сарвинисо, но вскоре их семейная жизнь наладилась.

С тех пор Якуб не видел ее и не слышал о ней...

— Вы ведь знаете о непорядочности этой шлюхи Ирмы, — дрожал от гнева Якуб, ошарашив тем самым

дядю Исака, начавшего было о том, какое счастье жить со своей родной матерью. Вот, дескать, и он сам все детство провел в сиротстве, — и неужели вы могли поверить ей?

— Ну-ну-ну, о чем вы говорите? Главное, что я имею вам сказать, я сам видел письмо от Авраама. Я сам...

— Все одно — что шлюха Ирма, что этот Авраам!.. А ну вас! — Якуб махнул рукой и вышел вон.

«И почему некоторым доставляет удовольствие мотать нервы другим? — думал с горечью Якуб, спеша к остановке.— То этот брат Ирмы— Зальмон, ни «бе» ни «ме», а принялся чернить его докторскую?.. То Ирма... Неужели дядя Исак не знает своих бывших соседей — ни Ирму, ни Авраама? Прекрасно знает. А туда же, начинает рассказывать о сиротстве, как будто не видел, как и с кем я рос... Мать, дескать, нашлась... — Якуб заскрежетал зубами и вдруг загрустил. — Если мама была бы жива, если бы не умерла при моем рождении, разве взялась бы за мое воспитание Олеся? Ведь вон, Рита ни на минуту не отходит от Цили? Да что Рита, а я сам?! Хотя и мужчина, а все равно, день не вижу малышки и уже места себе не нахожу... Нет, если бы мама не умерла, вряд ли она отправила меня с дядей на Украину, а сама осталась за границей... Словом, странный сегодня день. Особенно эти самые «главные слова» дяди Исака... Постой... постой... — шаги его замедлились. Он даже остановился, ошарашенный своей мыслью. — Определенно зная о смерти матери, ты, балбес, еще поверил словам этого старика?! И еще на него же обижаешься!?»

Якуб улыбнулся, думая о своем простодушии, доверчивости, и вдруг увидел трогающийся с остановки автобус. Он побежал, но не успел. Разозлился еще больше. Сердитый, он стал прохаживаться по остановке. Потом его мысли опять сбились на мать и он стал совсем по-детски рассуждать: «А что если, ну чудо какое?.. И мать вдруг окажется живой. И объявится! Интересно, узнает меня? Наверняка, нет! Она ведь помнит меня всего-навсего двухмесячным! Но отец бы обрадовался! Наверно, до разрыва сердца. Ведь из-за матери он не женится до сих пор. Интересно, а мать похожа на меня? По словам и дяди, и отца, глаза ее, как у меня, голубые, а брови и волосы черные».

«По красоте, доброте и любви к детям она не уступа-

ла ни бабушке Башорат, ни твоей маме Сарвинисо», — говорил отец. И дядя Моша признался однажды: «Она улыбалась точно как ты». Но тогда отец почему-то нахмурился и недовольным взглядом посмотрел на дядю, хотя ничего и не сказал. Как бы то ни было, а оживи мама, войди она в мой дом, ей богу, до конца жизни бы на руках ее носил...

Налетев сходу на стояк остановки, Якуб вдруг опомнился и, думая: «заметил ли кто-нибудь», огляделся по сторонам, чуть не рассмеявшись своей мгновенной рассеянности. Но приложив ладонь к губам, он сделал вид, что зевнул.

Он представил себе и то, как в начале последнего года войны бабушка Башорат, сама чуть не мертвая от голода, отдавала последний кусок хлеба им, и то, как прошла свадьба в том дворе, где прошло его детство — Узбекхан-ака устроил настоящую узбекскую свадьбу! С пловом, со множеством гостей, а Сарвинисо приготовила приданое Рите, воспитаннице детского дома, и принимала ее от соседей как и положено с песней «ёр-ёр». И хоть недавно он отказал Атаеву в его приглашении, ему вдруг захотелось увидеть маму Сарвинисо.

И, пропуская подъехавший автобус, он направился на троллейбусную остановку...

...Запершись в своем кабинете, Аронбаев вспоминал с обидой слова Атаева и думал: «Придет еще время и я покажу кто есть кто. Нет, товарищ Атаев, не говори «гоп», пока не перепрыгнешь. Аронбаев не такой простачок, чтобы допустить защиту Якуба, чтобы он занял мое... а то и директорское кресло. Я вам такое устрою, что оба вы завертятся, как на сковородке... Начну с педсовета. Достаточно сказать, что тема рискованная и... Это собьет с Якуба спесь, поставит на место... Нет, лучше накатаю анонимку... Прямо в Москву... И на пару лет, глядишь, задержат. А там еще посмотрим. К тому времени я сам стану директором. Тем более со своим человеком в министерстве...»

Богатырь закрыл на ключ дверь своего кабинета, прошел тяжелыми шагами по пустому и глубокому коридору — все это слышал Аронбаев, сидя у себя и вглядываясь в далекую точку за окном. Когда шаги затихли, он встал и на цыпочках подошел к окну. Проводил Атаева с торжествующей улыбкой и вдруг спешно вернулся на место. Поставил на стол портфель, открыл

и вынул поллитровую. «За такую идею обязательно стоит выпить! Не только здесь, но и на людях!» — подумал он и налил полную пиалу водки. Выпил и, облизывая губы, стал копаться в портфеле, выискивая помидоры...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ТРУДНЫЙ ДЕНЬ

**Причина рассеянности.— Почему Атаев был недо-
волен Якубом? — Сердце человека.**

Прошла весна, капризная как молоденькая невестка. Кончилась летняя сессия, лишавшая покоя преподавателей и учащихся. Прошел и прощальный вечер с выпускниками техникума. Часть преподавателей ушла в отпуск. Остальные руководили учащимися на ремонтных работах в самом техникуме. Работали и летние спортивные секции, утвержденные на последнем педсовете.

Наступила середина лета, чилля.¹

В воздухе духота. Ни ветерка. Пыль от сносимых глиняных домишек под многоэтажные современные дома, как будто зависла в небе. От нее свербит в носу, щиплет в горле, эта пыль заставляет всякого кашлять. От нее еще душней. Особенно трудно старикам и женщинам на сносях. А какие очереди у будок с газ-водой!

Прилегшее на западе солнце все еще пылает. Пышет огнем во все стороны, будто желая выжечь все кругом. От жестяных крыш идут спирали зноя. Вода, брызжущая из водопроводных кранов, из шлангов, надетых на них, едва лишь коснется растрескавшейся за день земли, как тут же испаряется...

А земля и впрямь растрескалась как такыры. Во дворах лениво прилегли коровы и бычки, изредка отгоняющие хвостами мух и бесконечно жующие жвачку. Не видно детской забавы — кошек и собак. Тоже прячутся в этот час где-то.

Растаявший за день асфальт покачивается как желе под колесами машин. Смола липнет к ногам...

Даже центральная улица, всегда переполненная

---

¹ Чилля — период наибольшей жары, продолжающийся от 25 июня до 5 августа.

людьми, сейчас пуста. Акации по двум сторонам улиц застыли, превратившись в безразличных наблюдателей: не шевельнут листом. А на саженцах, появившихся здесь этой весной, листья и вовсе свернулись. Никнет пожелтевшая трава. Дорожка вся испещрена каблучками порадовавшихся здесь женщин, она похожа на рябое лицо.

Человек, идущий внутрь техникума по этой дорожке, вдруг ощущает иное. В лицо его бьет свежий ветерок. Он свободно вздыхает. Это место столь прохладно то ли оттого, что здание техникума окружено со всех сторон густыми кронами деревьев, или же оттого, что за техникумом протекает речка Бозсу... Но как бы то ни было, здесь прохладнее. А что говорить о прохладе спортзала, оборудованного кондиционерами. Благодать! Человек, застоявшийся здесь, начинает мерзнуть. И несмотря на это, преподаватель истории, а в эту минуту тренер секции бокса — Якуб — взмок от пота...

Да, сегодняшняя тренировка давалась необыкновенно тяжело. Как ни старался он взять себя в руки, мысли разбегались и останавливались на отце. Взгляд его беспокойно соскальзывал к настенным часам здесь, в зале. А стрелки, как назло, почти не шевелились... Он раскраснелся, не находя себе места. Жарился как на сковороде... в собственном соку...

Когда Якуб взглянул на часы в последний раз, до конца тренировки оставался ровно час. «Нет, не вытерплю до конца тренировки, — подумал он. — Отец лежит в таком состоянии, а я здесь... Какой я сын после этого... еще полчаса... и отпущу ребят...»

Якуб обычно занимался с ними долго: пояснял ошибки атак или защиты, и пока движения ребят не получались почти автоматическими, не кончал занятия. Правда, иногда ребята из его секции жаловались на непомерную требовательность и жесткость и даже обижались, но эта обида улетала до следующего занятия как ветер. Потому что после занятий тренер обращался с ними как со сверстниками и, рассказывая всякие истории, возвращался с ними через скверик домой. По дороге он заходил в гастроном и не забывал купить своей девочке плитку шоколада.

Девочка была вся в папу, полненькая, гладкая, а глаза, как два озерца, — голубые-голубые; острый прямой носик, широкий лоб, черные брови... Только волосы как у матери: жесткие и курчавые. Волосы Якуба мягкие, нежные, рыжеватые. И еще — девочка, как и мать. III

когда не перестает улыбаться. Ей нет еще и двух. Но это уже целый мир. Как только Якуб появляется в дверях, малышка бежит к отцу с раскрытыми объятиями. Он берет ее на руки и она обхватывает ручонками шею. Крепко-крепко. А получит сладость, начинается звонко смеяться. И стремится поскорее спуститься на пол, потом бежит в сторону комнаты деда...

Дед... Вот уже три дня как отец Якуба болен. Заболел он внезапно: пришел с улицы бледный, еле поздоровался и, войдя в конату, лег на кровать. Особенно мучило Якуба то, что отец перестал разговаривать. Когда Якуб подходил к нему, тот совсем нехотя обращивался и почти не отвечал на вопросы сына. Этот внезапно проснувшийся в отце «характер» измучил Якуба.

Вот уже три дня как все мысли Якуба заняты отцом. На сердце тесно от ощущения какой-то неведомой обиды. К тому же странные слова говорил и врач, всегда приезжавший к отцу, этот непомерно болтливый при осмотрах Александр Леви. Он, как будто хмурясь, взглянул поверх очков на Якуба и на Риту и сказал: «Старик излишне перенервничал. Это пройдет. Но не усугубляйте его состояния разными разговорами. Тем более, он болен и астмой... Словом, случись что с нервами опять, то едва ли он подымет-ся...»

Именно в это мгновение открылась дверь. Как обычно обходивший все вечерние секции Атаев вошел в зал пригнувшись, дабы не задеть головой косяка, и вдруг остановился. Потом откашлялся, снял с головы тубетейку, стал щелчками сбивать с нее пыль и опять водрузил на голову уголок вперед: он был расстроен двумя обстоятельствами: сидящим, уронив голову в ладони, Якубом и угрюмостью ребят. Директор внимательно оглядел каждого из них.

Ученики, занимавшиеся нехотя какими-то упражнениями, стали подходить к директору и здороваться. Якуб поднял голову и, как будто застигнутый врасплох, вдруг покраснел.

— Здравствуйте! — с достоинством отвечал Атаев. — Ну как, дети мои, познаете тайны бокса? Ну молодцы, молодцы. А кто покажет свое мастерство, нет, то есть искусство? Ты, Алишер? Ну-ка...

Крепко сбитый паренек вышел вперед и вдруг, закружившись в боксерском танце с серией имитирован-

ных ударов, оказался прямо возле директора, так, что тот невольно воскликнул:

— Эй, эй, смотри и меня не забоксуй, а то еще пошлешь в нокаут, — и несколько подался назад. Он говорил это серьезным и несколько испуганным тоном, так что парни дружно расхохотались. Обрадовавшись своей шутке, вместе со всеми хохотал и Атаев.

Смеясь с ребятами и прищелкивая при этом пальцами, (в радостные минуты он не мог отказать себе в этой давней привычке), он думал и о другом: «Что за черт попутал моего Якубджана? Видать, не на шутку расстроили ребята...»

— Проходите, папа, — сказал Якуб, вставая ему навстречу. — Только что хотел сделать втайне от вас дело, да вот попался. — Он через силу улыбнулся.

— Ах вот как? Захотевший обмануть сам попадает на лжи. Это закон жизни. А потом, сынок, ты из категории праведных, прямых людей, — сказал Атаев, пожимая ему руку, — а прямой человек и захочет — не сумеет соврать... — С этими словами он пристально посмотрел на бледное лицо и красные опухшие веки Якуба. Потом, садясь на стул у его стола, с отцовской заботливостью спросил: — Что с тобой, сынок? Бледный какой-то... Нездоров, что ли?

Якуб помотал головой. И печально добавил:

— Нет, сам как бык. Старику плохо, слег...

— Кто? Изя, что ли? А что, простыл?

— Не знаю, — подавленно ответил Якуб. А потом виновато уставившись в землю, продолжил: — Три дня как лежит. Не ест, не пьет, не разговаривает. Доктор говорит, что перенервничал.

— Перенервничал?

И хотя Атаев произнес это тихо и задумчиво, Якубу показалось, что в этом вопросе прозвучал упрек, дескать, сам во всем виноват. И он, как бы оправдываясь, дрожащим голосом сказал:

— Ума не приложу, почему доктор сказал так... Не припомню, чтобы в последнее время что случилось... Может, так сильно переживал смерть дяди Моши... Голова идет кругом.

— Не переживай, сынок, — сказал назидательным тоном Атаев. — Если только перенервничал, пройдет. Проклятая война многим покалечила судьбы. Скорее всего это ее отголоски. Ведь и Изя участвовал в войне, отведал «прелестей» концлагеря. Так что, сынок, — он

улыбнулся и продолжил: — Может быть, ты и не знаешь об этом, но твой отец не из тех, кто рассказывает все направо и налево. Да и сам я узнал об этом совсем недавно и, можно сказать, случайно, когда он вдруг решил раскрыть свое сердце. Да, когда и я вспоминаю те страшные дни, то места себе не нахожу...

Он задумался о чем-то и замолк. Якуб же совсем расстроился. И даже не потому, что услышал от Атаева эти слова о своем отце, а скорее оттого, что ему подумалось: «А не растравил ли я старые раны Узбекхану Атаевичу?» Но как бы то ни было, он решил перейти на откровенность. Смущенно улыбаясь, он посмотрел в большие глаза Атаева и сказал:

— Поэтому... Из-за того, что беспокоился об отце... их, — Якуб кивнул в сторону учеников, — хотел отпустить пораньше и думал пойти домой, но...

— Но вдруг вошел я и застал тебя за преступлением, не так ли? — продолжил его слова полусерьезно богатырь.

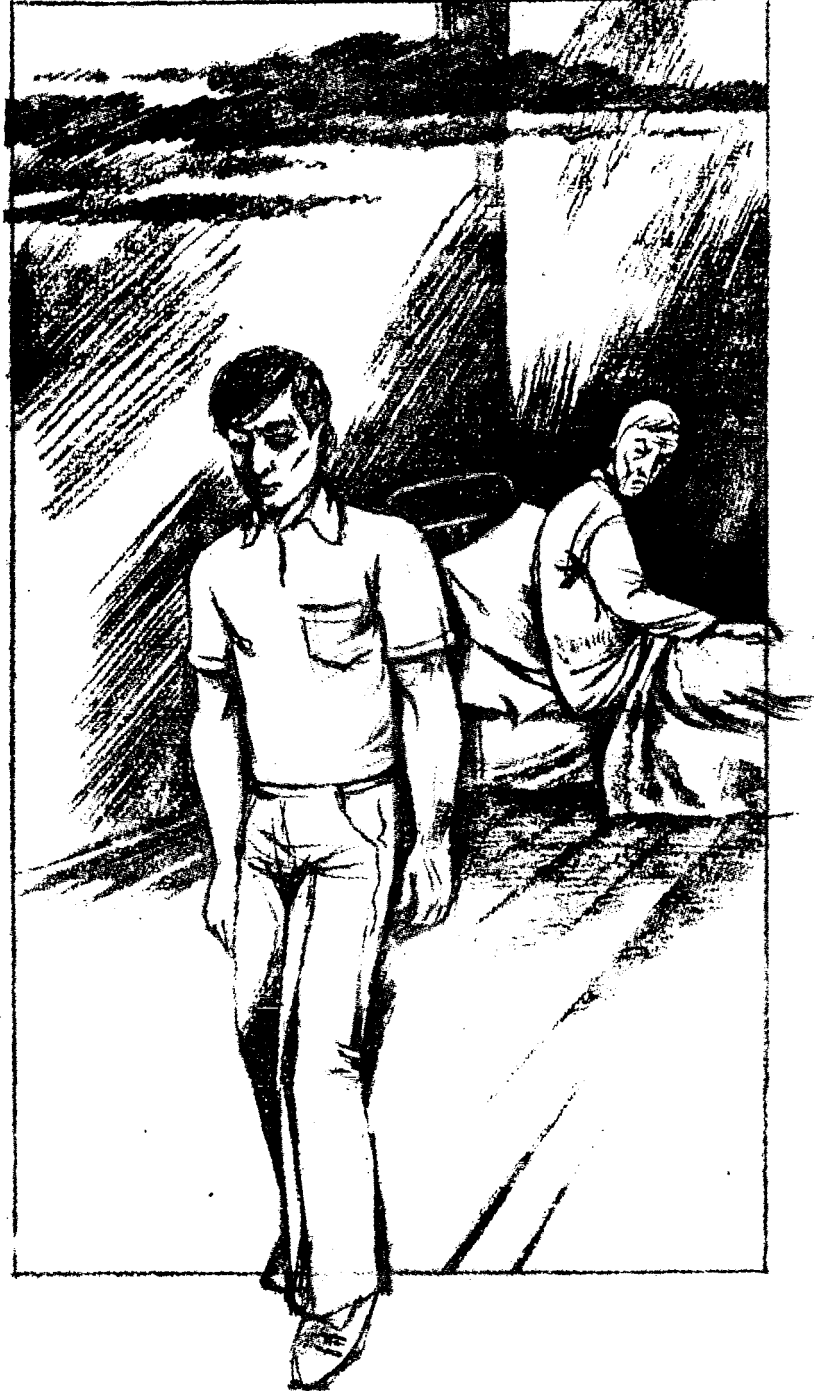
— Да... Если отпущу ребят, — сказал пристыженно Якуб, — кто знает, чем они станут заниматься от безделья. Тем более в каждом сила бьет через край...

— Ах, вот оно что?! Говоришь, не решился бросить детей?! — богатырь удовлетворенно посмотрел на Якуба, потом бросил взгляд в сторону ребят и задумчиво произнес: — Очень верно ты сказал. Думать о чужой судьбе — это самое доброе человеческое свойство. Не каждый способен на это. Вот за это я и люблю тебя, сынок. Но...

Он снял тубетейку, сбил щелчками с нее пыль, и опять надвинул ее углом вперед. Якуб заерзал. Он прекрасно знал эту привычку директора: когда тот был чем-то недоволен, он поступал именно так. Якуб с беспокойством посмотрел на богатыря. Но тот начал разговор не сразу. Казалось, он взвешивал: «Говорить или не говорить сейчас? Ведь Якуб весь как на иголках, может и не так воспринять, обидится... Нет, — подумал богатырь, — говорить сейчас бесполезно. Пусть пройдет день-другой, пусть Изя встанет на ноги, да и он сам развеется, вот тогда и поговорить можно».

Подумав так, он решил встать, но взгляд его опять наткнулся на ребят и он передумал: «Якуб ведь был отменно волевым парнем! Никогда я не видел его таким подавленным. Странно... Если из-за болезни отца он

может обидеть ребят, то что случится, если посерьезнее... Нет, надо не допускать этого, а вовремя...»

— Но, сынок, — пристальный взгляд Атаева стал серьезным, — ни твое настроение, ни настроение твоих ребят мне, честно говоря, не нравится. Ну хорошо, ты переживаешь из-за болезни отца. Это понятно. Но почему же ты обижаешь ребят? Они что, на хвост тебе, что ли, наступили? Или если человеку трудно, то надо обязательно срывать свою злость на ком-то. Так, что ли? Такие люди, говоря по-стариковски, обижены богом. Ты ведь знаешь, что такое репей? Приблизись к нему, он или проткнет тебя, или же вцепится в одежду, порвет ее. А тот, кто срывает свою обиду на других — он как этот репей. Встретишься с таким — или языком проткнет, или поведением испортит настроение...

Якуб, пристыженный, не мог поднять головы. И впрямь, последние две-три тренировки он вел себя странно: шпынял тех, кто всегда занимался прилично и наоборот, хвалил тех, кто был «не очень-то боксером». Некоторые из его сообразительных учеников стали удивленно поглядывать на него, отчего он раздражался еще больше. Теперь Узбек Атаев, как будто сам видел все это, высказывает ему.

Атаев, кажется, заметил, что хватил через край. Якуб от стыда полез чуть ли не под стол. Директор на мгновение замолк, а затем продолжил мягким голосом:

— Хочу тебе сказать, что уместное слово — камень разбивает, а неуместное — голову: непомерная ретивость и строгость, проявленные не к месту и не вовремя — все во вред. Особенно в нашей, требующей нервов работе. Ведь ученики — еще дети... Э-э, дорогой, никак не ожидал от тебя такого. Разве можно по пустякам гневаться и брызгать слюной. Да, кстати — пусть эти слова тебя не обижают, сынок. Просто из жалости к твоим ученикам сказал все, что подумал.

— О чем вы, Узбек Атаевич! — воскликнул молчавший до сих пор Якуб и поднял лицо. — Я несколько не обижаюсь на ваши слова. — Он потер широкий лоб и, глянув на богатыря исподлобья, хитро улыбнулся. — А потом вы сами говорили: «Откровенное слово — что горькое лекарство», — поэтому этого больше не повторится.

Якуб с благодарностью посмотрел на Атаева.

Странная штука — человек! Если он честен, прям и прост, то даже в минуты печали или забот его не

оставляет жажда правдивого слова. Такой — услышит похвалу, заведомо предназначенную для поддержки — измучится больше прежнего. Ну а если из-за личных неприятностей он ошибочно переносит их на других людей, и если это сумеет объяснить, то даже и ругань идет ему на пользу, как бы вскрывая нарыв на его душе.

И Якуб был сейчас в таком состоянии. Отцовская «взбучка» Атаева несколько отдалила его от тягостных дум.

Атаев еще раз взглянул на ребят, которые, пользуясь занятостью тренера, шумели в стремлении к первенству, и сказал:

— Ну да ладно. Поговорим как-нибудь потом обо всем. — Он достал из кармана брюк часы на золотой цепочке и добавил: — И время уже позднее. Что ж, отпуская своих ребят... — Якуб изменился в лице и глаза его вопросительно посмотрели на Атаева. Узбек Атаевич усмехнулся: — Значит, не хочешь расставаться с ребятами? Гм-м, ты прав, сынок. Еще есть время до конца занятий. Но ты иди. Я сам посижу, посмотрю за твоими ребятами.

— Спасибо, папа, — сказал расцветший Якуб. — Пусть ребята не остаются без присмотра.

— За это можешь не беспокоиться. Передай Изе от меня привет. Будет время, сегодня или завтра навещу. А ты немного отдохни!

— Хорошо, папа, — сказал по-детски радостно Якуб. — Привет ваш передам отцу обязательно. Он очень обрадуется. Если получится, то приходите сегодня. Увидев вас, может быть, он и выздоровеет побыстрее. Обязательно приходите! Будем ждать. — Якуб, радостный, поспешил к своим ученикам.

Многое написано о человеческой душе, еще многое будет написано. Это о ней сказано, что «тверже камня и нежнее цветка». Но все уподобления и сравнения, изящные словеса едва ли что значат перед тем, что человеческое сердце, как нищий — перед добрым сладким единственным словом.

ГЛАВА ПЯТАЯ

РУКА СО ЗМЕЕВИДНЫМ ПЕРСТНЕМ

Бестолковый «Ночной директор». — «Я вам привез привет от Авраама». — Парень слова. — Тени. — Мечта дяди Исака.

...Когда Атаев вошел в спортзал, некий человек в черной соломенной шляпе, в белой сорочке с короткими рукавами, в черных очках, при развесистых усах и при отвисшем животе стоял, уставившись на вывеску техникума. «Гм-м, — думал он. — Ну вот, наконец, дорогая, я встречу сегодня с ним. Но... Если не считать нашей встречи с Изей, то неделя моего пребывания в Ташкенте — насмарку. Вся надежда была на брата Авраама — Зальмона и на его проклятую сестру Ирму. Где я их только не искал!.. Точно так же и с этим Исаком, которого не отыскать в закоулках... В общем, мало сведений о сыночке... Интересно, в кого он пошел — в тебя, в меня или в Изю?.. Если, по словам Авраама, он и впрямь похож на Изю — дела плохи. Тогда тебе, моя принцесса, его не увидеть...»

Он опасливо посмотрел на молодого человека, курившего под деревом и беззаботно провожавшего взглядом прохожих — и вошел в дверь, прошел несколько шагов и остановился. Затем постучал о ладонь узорчатой тросточкой и осмотрелся.

— Вам кого необходимо, уважаемый?

Усатый обернулся на голос. С левой стороны неподалеку от дверей, держа одной рукой пиалу, а другую забросив на спинку стула, смотрел на него небритый дядя Исак. Усатый направился в его сторону. Дядя Исак отставил пиалку на столик рядом и, не меняя позы, снова спросил:

— Вам кого необходимо, уважаемый?

«По носу и бровям типичный сафардит¹, — подумал усатый. — Но физиономия не совсем соответствует белой рубашке и глаженным брюкам. Во всяком случае, так сидят и так разговаривают люди весьма состоятельные в Советском Союзе...»

— Простите, вы здесь будете работать? — спросил он, но с украинским акцентом.

¹ Сафардиты — евреи, выходцы из Испании, Азии, Африки.

— Да, а что?— Дядя Исак взял висящую за ухом веточку райхона¹ и сладостно вдохнул. — Чем могу быть полезен, уважаемый?

— Гм, простите, но я бы хотел знать, кем вы приходитесь быть? Потому...

— Наша должность, что ли? Ночной директор.

— О, это прекрасно. Значит я спрошу у вас, и вы мне ответите. Думаю, вы всех своих, кто подчиненные, знаете по имени?

— Всех подчиненных? — то ли слова усатого обидели, то ли польстили дяде Исаку, но он хихикнул, потом, еще раз понюхав райхон, хитро улыбнулся: — Нет, уважаемый, вы не так поняли. Сразу видно, что вы не из Ташкента. Я ночной директор, то есть сторож...

— Э-э, вон что. Что же вы мне не сказали? — сказал усатый, постукивая тросточкой по ладони. — А я подумал по вашей рубашке, что вы настоящий директор.

Дядя Исак опять хмыкнул. Поднял руку со спинки стула.

— Ну вы даете! Вы настоящий человек, с которым мне бы поговорить, — сказал, обрадовавшись собеседнику, дядя Исак, уже начавший было скучать. — Ну-ка, пожалуйста, садитесь вот сюда. Будьте моим дорогим гостем. Попейте чаю.

Дядя Исак наскоро выпил из пиалы горячий чай, затем снял с чайника полотенце, налил в пиалу чай и протянул усатому. Подождал, пока тот не отставил свою тросточку на пустой стул и не взял пиалу. Потом горестным тоном продолжил:

— Я вырядился так потому, что, знаете, младший сын мой ни дня не болел и вдруг скончался, — он протер глаза ладонью, — только что кончились поминки. А когда вышел на работу, то старуха говорит, мол, теперь можете и бриться, и в баню сходить, ну хотя бы одеться поприличественнее, и вырядила меня². Но у вас просто хороший вкус! — дядя Исак, сладко зажмурившись, хихикнул. — За один взгляд и разгадали меня. Действительно так, если уж не директором, то хоть бы чуть пониже деятелем... я бы справился, да вот возраст мой не...

— Ничего, если, я вам скажу, судьба, то возраст не помеха, — сказал усатый, отхлебывая чай.

---

¹ Райхон — базилик.

² У бухарских евреев принято после поминок по близкому человеку не бриться и не мыться месяц.

— Вот именно. Именно это в канесо¹ мне говорил мулло².

— Вы ходите в канесо?

— А то как! 39 книг прочел³. Главное, что я вам хочу сказать: нашу священную Тору⁴ знаю как свои пять пальцев. Мулло поэтому мной доволен, — похвалился дядя Исак. — Есть еще один человек. Изя Товбис. Он тоже знает все наизусть. И может истолковать. Но произношение у него плоховатое...

— Изя Товбис? Да, кстати, вы не знаете, парень такой, Якуб Товбис, не здесь работает?

— Это, что ли, сын Изи Товбиса, Якуб? Здесь работает...

— Какой он из себя?

— О-о, очень толковый, с открытым сердцем человек. Главное, что я вам имею сказать, в Ташкенте таких называют цветочками среди парней. Скоро он станет большим ученым — дохтуром. Хи-хи-хи... Вспомнил, это интересно. Я вам скажу, четыре месяца назад это было. И в тот день я как раз дежурил. В один прекрасный момент прибегает Ирма — стерва, вы ее, наверно, не знаете: еще до землетрясения — когда она еще училась в школе, она жила со мною по-соседству, стена к стене, у брата; а стервой ее назвал я сам, с самого детства была крикливой. Короче, прибегает Ирма-стерва и говорит: «Мне хоть как, а надо увидеть Якуба. Позовите!» И не отстает. Пришлось пойти к директору — там было совещание. Дверь была немного открытой и я услышал, как замдиректур говорил: «Дохтурская про Израиль сейчас не пойдет. Политика не та». — Услышав эти слова дяди Исака, усатый, разглядывавший до сих пор цветы на пиале, вдруг уставился ему чуть ли не в рот и даже подался вперед. — А потом, охо... главное, что я имею вам сказать, директор наш Атаев — сильный человек, — он так отделал Зальмона...»

«Значит, Якуб занимается докторской, и, судя по

---

¹ Канесо — молитвенный дом.

² Мулло — священник.

³ Каноническая Библия, принятая официально иудейством, в своем Ветхом Завете содержит 39 книг и подразделяется на Тору, Деяния пророков и сборник летописей и трактатов.

⁴ Тора — текст Ветхого Завета, состоящий из Пятикнижия пророка Моисея: Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие. Для христиан считается священной и вторая часть Библии — Новый Завет. Для иудеев — лишь первая часть.

словам этого болвана, по какой-то политической теме. Вероятно, по политическому строю современного Израиля. Если так, то, безусловно, надо остановить это дело... Тем более, у него есть и противники. Противники... Гм... Первый — это заместитель директора... Это очень хорошо... Это можно использовать. Можно воспользоваться и вот этим — он во многом может помочь», — думал Усатый и продолжал разглядывать пиалу, пока не услышал знакомое имя. И тогда он опять уставился своими жабьими глазами на дядю Исака. Тот понял это по своему и тут же прокомментировал:

— Так зовут нашего замдиректура. Да, брат той самой Ирмы. Я вам скажу, если бы на месте Зальмона был другой, то давно бы сам написал заявление за те слова. А потом, главное, что я вам имею сказать, я рассказал это все своему сыну...

— А у этого самого Зальмона есть брат по имени Авраам, который уехал в Израиль год назад? — спросил Усатый, перебивая дядю Исака и протягивая ему пиалу.

— Да, — ответил тот, все еще занятый мыслью о том, как он рассказывал о докторской работе Якуба своему сыну, и не обративший внимания на дрожь руки, протягивающей пиалу, и на осекшийся голос. — Ирма — сестра этого негодяя Авраама, а Зальмон — брат, из одного с ним живота...

— Что он из себя представляет, этот Зальмон? — нетерпеливо спросил Усатый, вытирая платком шею и подбородок; если бы на месте дяди Исака был кто повнимательней, то он, наверняка, заметил бы, что Усатый нервничает. Он же, чтобы не высказать свое недовольство столь пристальным интересом Усатого, налил полную пиалу чая и, держа ее между двух ладоней, подул на нее, затем отпил. Потом, взглянув на собеседника, с обидой сказал:

— Ничем не лучше этого проклятого Авраама. Главное, что я вам имею сказать — его кличка — Лягушка. Из-за его внешности, слов, повадок...

Усатый вынул сигарету из бокового кармана и, прикуривая от зажигалки, с улыбкой повернул разговор в другую сторону.

— Так говорите, воровато услышав разговор...

— Не воровато, — сказал дядя Исак, вытаращив глаза.

Потом, как обычно, склонил голову на плечо и с подозрительностью, исподлобья посмотрел на Усатого, на

его сигарету и зажигалку с детскую ладонь.— Так вышло.

— Я так и говорю, — усмехнулся Усатый. — А что сказал ваш сын?

— Он сказал то же, что и Атаев, — глухо произнес дядя Исак. — Сказал, что Зальмон неправ... Я, говорит, прочитал рукопись Якуба. Очень правильные слова там сказаны. Если она выйдет книгой и ее прочтут наши соплеменники — они как в зеркале увидят Израиль, какая у него политика. — Дядя Исак, почувствовав интерес к его словам, все сильнее возбуждался. — Главное, что я вам имею сказать, наш сын Самуэль очень сильный человек. Дохтур физики, техники, чуть ли ни академик. Скажи Самуэль Маллаев, и весь мир узнает его...

— Говорите Самуэль Маллаев? — Усатый удивленно посмотрел на него.

— Да, профессор Самуэль Исакович Маллаев...

— Постойте, постойте, — Усатый попридержал пиа-лу в руках, — так вы не дядя Исак, который работает в этом техникуме электромонтером?

— Да, — сказал гордо дядя Исак. — Год назад был электромонтером. Два десятка лет проработал в этой должности. А вышел на пенсию, и Атаев мне дал «ночную директорскую», все полегче...

Усатый, не дослушав до конца, расхохотался.

— Вот так встреча! — и он, встав с места, стал хлопать дядю Исака по плечу. — Я неделю не мог найти ваш дом...

— Вы искали мой дом? — забеспокоился дядя Исак. — Зачем? А сами вы, простите, кто будете?

— Я? О-о! Приехавший к вам издалека гость. — Усатый протянул руку дяде Исаку. — Меня зовут Лейзор Гольдман. Я привез вам привет от Авраама.

— От Авраама?! — ошарашенный дядя Исак вскочил с места... — Вы... Вы оттуда... Из Израиля?! — прошептал он, оглядываясь по сторонам.

— Да.

— Тогда почему... почему вы пришли сюда? Почему вы искали мой дом? — совсем уже перепугавшись, шепотом спросил дядя Исак. Потом вдруг склонил голову набок и уставившись сверлящими глазами в змеевидный перстень Гольдмана, прохрипел: — Я не знаю никакого Авраама! И с вами я знаться не хочу! Уходите! — Он показал Лейзору на дверь.

— Что с вами случилось? — удивился перемене в дядя Исаке Гольдман. — Я ведь говорю вам...

— Я не знаю никакого Авраама и знать не хочу, — упрямо повторил дядя Исак.

— Станный вы человек, — сказал, ощущая чувство неловкости, Гольдман. — Только что...

— Ну и что, если говорил? — прервал его дядя Исак. — Это другой Авраам, другая стерва — Ирма... — И хотя он говорил шепотом, но, как будто боясь быть подслушанным, опять огляделся по сторонам.

Наблюдавший за ним Гольдман усмехнулся.

— Да бросьте! — сказал он. — Взрослый человек, ведете себя как маленький. — Он сам огляделся вокруг и сел на прежнее место. — Никто не видит, что вы разговариваете со мной — с иностранным гражданином. А потом, хоть и иностранец я, но друг вашей страны. Я приехал в СССР с дружественным визитом, по торговым делам с советскими компаниями...

— У нас нет никаких компаний, — пробурчал дядя Исак, по-обычному склонив голову набок, глядя с подозрением на Гольдмана.

«Вот упрямый старикашка!» — подумал Гольдман и, хмыкнув, продолжал:

— Как они у вас называются-то... Да, с советскими торговыми представительствами приехал заключать договор. Так что можете меня не пугаться.

— А чего мне вас пугаться? — сказал пришедший в себя дядя Исак, держа прямо голову. — Сюда входить никому из посторонних нельзя. Потому я и говорю вам, идите отсюда. Если сейчас выйдет директор и увидит вас, то обидится на меня.

— Так что, Атаев еще здесь? — Гольдман хоть и беспокоился, но виду не подал и спросил это с деланным равнодушием. — По словам Авраама... он очень жесткий, жестокий человек, так?

Дядя Исак еще раз подозрительно посмотрел на Гольдмана. Потом нехотя ответил:

— С плохим — жесток, а с хорошим — лучше его не найдешь...

— Якуб ведь рос у него? Он тоже такой же?..

— Не знаю, — сказал уже раздраженно дядя Исак.

— Так сядьте вы, — почти приказал Гольдман стоящему до сих пор дяде Исаку. — Я тороплюсь. А с вами у меня есть важный разговор. Вы ведь сами сказали — «Будьте дорогим гостем», — а сами...

Дядя Исак невольно присел из «уважения к гостю». Гольдман стал спешно рассказывать о том, как Авраам по приезде в Израиль открыл парикмахерскую в Иерусалиме, — он заметил как загорелись глаза дяди Исака, когда тот услышал это, — и что теперь он один из самых богатых и состоятельных людей. Дядя Исак, слушавший «гостя» краешком уха, не заметил, как проговорился от досады, услышав, что Авраам не пошел раббоном¹, когда его пригласили в синагогу:

— Балбес... Неужели отказался от такой священной работы?..

Гольдман выдержал паузу и, кивая головой, подумал: «Все, что говорил Авраам, и вправду подтверждается. Этого упрямого старикашку можно наставить на путь только разговорами о религии... Если мне удастся убедить в сказанном, то его сын Самуэль со своими открытиями, точно так же, как Самсон перед Далилой встал на колени², окажется в моих руках...»

— Вы все же, видимо, наш человек, — заметил он, взяв протянутую дядей Исаком очередную пиалку чая. — Вам можно доверить один разговор. — Он огляделся по сторонам и прошептал: — Когда этот самый Якуб, которого воспитал Атаев, сказал, что уедет в Израиль, Изя ему отказал.

— Да ну?! — привскочил дядя Исак. — Навряд ли? Я его знаю, он не верит в религию, даже запрещает отцу ходить в канесо. Да, у нас, у стариков, которые верят, совсем другая дорога. Все думаем, как бы конец жизни посвятить молитвам, посещению святынь. Но молодые, особенно такие, как Якуб, ай-ай-ай...

— В этом отношении вы говорите правду, — заключил Гольдман. — Молодые не оценивают святынь. И откуда им знать цену? Вот если такие, как вы, побывают в священном Иерусалиме, на земле предков...

— Вот это да! — дядя Исак даже выбросил райхон, который он нюхал до сих пор, подвинул стул к пришельцу и заговорщицки зашептал: — Говорите, говорите! Вы нащупали мое сердце. — И в это же время он увидел выходящего из ворот техникума Якуба, и, выпрямясь, сказал: — Вон уходит Якуб, которого вы

---

¹ Раббон — раввин, священник.

² Самсон и Далила — библейские герои. Далила, узнав, что вся сила Самсона в его волосах, остригла его и тем самым лишила сил богатыря.

спрашивали... — И вдруг стал его звать: — Якуб, эй, Якуб!

Но Якуб, то ли не услышав его, то ли не обратив внимания, не обернулся. Вскочивший Гольдман протянул пиалу дяде Исаку и, переспросив: — «Так это тот самый Якуб?» — побежал за ним следом.

А дядя Исак остался страшно недоволен Якубом, который прервал разговор на самом главном...

* * *

...Наспех умывшийся и быстро одевшийся Якуб поручил своих учеников Атаеву и вышел из техникума, когда солнце уже ложилось за домами.

Якуб спешил в аптеку. Во время обеда он навестил своего отца и жена вручила ему несколько рецептов: врач Леви приходил смотреть старика и, сказав, что тот еще не пришел в себя, выписал эти лекарства...

Якуб вышел из аптеки и метнулся к такси. Но вдруг, то ли с неба, то ли из-под земли — Якуб и не разобрал откуда — вырос некто незнакомый лет пятидесяти-пятидесяти пяти, в черных очках, с сигарой высшего качества в зубах — тот самый Гольдман.

— Простите, не вы будете Якубом Товбисом? — спросил он, оглядывая Якуба.

— Да, я... — сказал Якуб, смотря на него удивленно.

— Сын Изи Товбиса, не так ли?

— Да. А что?

— Вы не могли бы уделить мне час времени?

— Нет, очень тороплюсь.

— Вижу, — сказал Гольдман. — Увы... Но я думаю, что на полчаса, или хотя бы на четверть часа вы все же найдете время. У меня к вам очень важный разговор, господин.

Якуб опешил. Он видит этого человека впервые. А раз так, то какой важный разговор может быть у человека, произношение которого, да еще это «господин», выдает в нем иностранца?

— Я вас не узнаю, — сказал он, пожав плечами. — Может быть, вы ищете другого Якуба? Ведь Якубов...

— Нет, нет, — сказал Гольдман и, как бы теряя добычу, вцепился ему в рукав. — Я искал именно вас, сына Изи Товбиса, родившегося в Каире...

И видя, что Якуб собирается ему ответить, с несвойственной его годам ретивостью затарахтел:

— Гм, простите. Я не представил вам себя. Сейчас познакомлю. Только сперва давайте в какой-нибудь ресторан... Чашечку кофе или рюмку виски, а за ней и посидим, побеседуем. Я надеюсь, вы не пожалеете о времени, проведенном со мной...

Якуб, не зная как поступить, пробурчал:

— Всегда все навыворот, особенно когда торопишься, — и задумался. Потом кивнул: — Хорошо. Я готов, но...

— Вот это другое дело, — улыбнулся облегченно Гольдман. — Bravo! Ну, идемте.

— Нет, погодите. Только с таким условием: сегодня у меня важное дело. Завтра я свободен, если хотите, завтра в это же время здесь и встретимся. А потом сколько хотите, столько и будем беседовать.

Гольдман взглянул на пачку таблеток, которые Якуб только что купил в аптеке и даже не удосужился положить в портфель, и усмехнулся:

— Ну что поделаешь? — При этом он картинно развел руками. — Силком не заставишь. Я согласен, господин Якуб.

Раздраженный словом «господин», Якуб хотел было что-то сказать, но тут же понял, что это затянет разговор, а потому, покосившись на иностранца, сел в подкатившее такси.

Гольдман, пуская клубы дыма, пробурчал вслед такси:

— Эге, какой раздражительный! Видать, твердый орешек...

* * *

В эту ночь, когда звезды высыпали на небе как жареная кукуруза, из ворот техникума вышли двое, и их тени на некоторое время слились: один из них — повыше, скашивал голову на правый бок, а второй — пониже ростом и более плотный, потрясывал своей тросточкой и шлепал губами.

Два огромных карагача у дорожки то плескали ладошками-листьями, то нежно перешептывались... Но на мгновение ветер затих в листьях и послышался шепот этих теней.

— ...Да, вот так, господин Исак, Изя, вступив на путь предательства, выдал столько наших соплеменников фашистам. Он один из тех, кто, обманув таких же, как вы, верующих евреев, которым ни до кого дела не

было, присвоил их богатства, а самих отправил в камеру смерти.

— Так, так, уважаемый...

— Вот это и донесите до Якуба. Расскажите другим. Пусть этот младенец узнает, кто на самом деле тот человек, кого он зовет отцом.

— Будет сделано, домулло.

— А что касается вас, после того, как узнаете об открытии Самуэля, то убедите своих детей ехать вместе с вами, наставьте их на путь истинный. Как только придет письмо из Израиля, то тут же напишите заявление и готовьте документы. А там и на земле обетованной станете хоровом¹.

— Дай бог, чтобы все это сбылось. Аминь!

— Аминь! Но как договорились: ни я вас не видел, ни вы меня... Пока...

— Дай бог, и вам возвратится за ваше добро к нам. Бог с вами!

Малорослая тень прикоснулась рукой к шляпе (видимо, натянула поглубже), затем резко обернулась и пошла по дорожке между деревьев, как бы покачивавших головами. Длинная тень вдруг безумно возопила, вскидывая руки к небу: «Слава господину Исаку-хорову! О Боже, Всевышний, господин Исак-хоров...»

Именно в это время с неба сорвалась звезда. Увидев ее, тень чуть ли не пригнулась. Потом она опять заговорила, но теперь уже негромко и вяло: «О, Всевышний, помоги достичь земли наших пророков! И да будет погасшая звезда к добру!» — С этими словами тень нырнула в дверь. Послышался лязг дверных цепей.

Но свет в будке у самых ворот горел до самого утра.

Да, опьяненный словами Гольдмана, дядя Исак не спал всю ночь. Хоть и тревожила краешек его сердца та самая сорвавшаяся звезда, но мысль увлекала его в совершенно иные пределы. Вот он по приезде в Израиль стал немедленно хоровом в огромной синагоге. Сколько прозелитов шли по его стопам. Он наставлял их на путь истинный. Это принесло ему такой авторитет, что несмотря на его отговорки о возрасте и о том, что в стране он еще новый, его назначили хоровом всего Израиля...

Есть общая черта у всех властолюбивых людей: их снедает мысль о руководстве все большими и большими массами, при этом они совершенно не задумываются,

---

¹ Х о р о в — религиозный высший сан в канесо.

а могут ли управлять хотя бы собственной семьей. Такие на своем пути не отказываются ни от чего — если понадобится, то отринут и родного отца, и даже родившую их мать. Однако вернемся к нашему рассказу.

... Словом, дядя Исак, добравшись до земли обетованной, стал жить во дворцах царской жизнью. Наслаждался он райскими цветами, ел райскую пищу. И даже в одно из прекрасных мгновений отказался от своей старушки, с которой прожил сорок лет. Но, потом, фу, к черту... отказался от этой мысли. Отказался, но все равно попытался подыскать оправдание в святых книгах: «Рабби Элиезер¹ говорит, что муж может отречься от жены, когда захочет. Для этого можно придумать пустяковый повод. А его святейшество рабби Акиба² утверждает, что для этого достаточно понаравившейся женщины». Самое главное, он поверил, что разбирается в священных книгах на уровне хорова, а то и главного хорова, что при случае он сумеет истолковать их как следует.

...Неделю назад в канесо произошел такой случай. Когда кончилась служба, кто-то спросил у священника: «В чем причина того, что, как утверждают Священные книги, человеческое тело не попадает в поле зрения бога в целом виде, то есть таким, каким оно рождается от матери, а только лишь лишенное кончика плоти, то есть после обрезания, оно оказывается в поле зрения бога?» Мулло начал было: «Кровопускание приятно богу, ибо в Сефар Торе³ сказано, что...», — но на этом и кончил. И даже больше того, вдруг, вскинув брови, уставился на вопрошающего. Видя, что тот продолжает ждать ответа, он сморщил лоб и даже рассердился. Показалось, что лисье его лицо еще более вытянулось. Потом он с достоинством сказал: «Это одна из тайн веры. Не отягощайте грехом лжи ни мой язык, ни ваше ухо».

Дядя Исак долго размышлял над этим вопросом. В эту же ночь, внезапно, он нашел ответ. (Разве же это не божественный знак, не предзнаменование будущих религиозных успехов его?) Месяца два назад один из друзей его сына Самуэля, врач по профессии, на семейном угощении сказал, что, по современной медицине,

---

¹ Рабби Элиезер — Элиезер бен Харсом, упоминаемый в книгах хоров.

² Рабби Акиба — священник, живший в I-II веке н. э.

³ Сефар Тора — Тора.

обрезание полезно. «Только подумать, — размышлял дядя Исак, — книга, посланная нам с небес, Тора, предвидела медицину нашего времени, боже! Не потому ли эта книга священна?!»

Самуэль однажды принес то ли книгу, то ли журнал, подвергавший сомнению божественное происхождение Торы, и прочел об этом отцу, а потом, несмотря на раздражение отца, он стал поддерживать мысли какого-то древнего писателя¹, утверждавшего, что в книге, ниспосланной богом Яхве пророку Моисею, множество противоречий и несуразиц. Дядя Исак попытался вспомнить теперь несколько вопросов, заданных тогда ему Самуэлем (ведь и в Израиле могут найтись еретики, задающие такие же бессмысленные вопросы. Так не лучше ли подготовиться заранее?!) Тогда сын спросил его:

— Не правда ли, что Ной спасся во время всемирного потопа благодаря милости божьей?

— Так. И не один спасся, а с разнообразной парной тварью, сын мой, — ответил дядя Исак.

Сын разгорячился:

— Почему же бог Яхве спас только Ноя? Ведь он, подобно всем своим современникам, грешил. Например в «Бытии» говорится, что Ной был пьяницей.

Дядя Исак нашел свой ответ и на этот вопрос. А на другие... он решил ответить на месте (а там сам бог судья).

Дядя Исак, встретивший рассвет в сладостных мечтаниях, несмотря на острое желание поскорее рассказать все это старухе, все же поставил чай — ведь привычка, как говорится — вторая натура. Заварил. Пока стал наливать — подошел его сменщик. На удивление ему, он оставил чай нетронутым и поспешил домой. Ведь каким был дядя Исак... После сдачи дежурства обычно садился, чтобы отвести душу за медленным и долгим разговором, пока чай не кончался весь. А сегодня...

Пришел домой — старухи нет. Рассердился не на шутку. Не зная, с кем поделиться радостью, он изо-

---

¹ Речь идет о первом из рациональных критиков Торы — Хиви Хабалки (родившемся в IX веке в городе Балхе на территории современного Афганистана). Им написан труд, приводящий двести несоответствий и противоречий в Торе. Этот труд был сожжен на костре. Шестьдесят шесть из возражений Хиви удалось восстановить лишь теперь. Эти возражения впервые изданы на русском языке в сборнике «Проблемы религии и атеизма» Института истории АН СССР (№ 6 за 1958 год и № 8 за 1960 год).

шелся. Обозвал свою старушку за глаза «бродяжкой», затем сел к накрытому столу и стал перекусывать. Наконец, взял себя в руки и решил рассказать все сыну. Только потянулся к телефону, телефон зазвонил сам. Оказалось, его старушка. Узнала о том, что внучек простыл, и с утра уехала на Чиланзар.

— Возьми с собой сына и невестку, вечером возвращайся пораньше, — распорядился дядя Исак. — Будешь готовить плов.

Старушка попыталась было что-то сказать, но он расшумелся:

— Мне все равно, четверг или пятница. Сказано — делай. Есть важный разговор, — и бросил трубку.

Потом растянулся в постели. Еще раз представил себе ту райскую жизнь, которую предстоит ему прожить, и не заметил, как веки его смежились, объятые сном.

Но в этот вечер задуманному дядей Исаком не суждено было сбыться. Не пришли ни старуха, ни сын. Уже близко к ночи позвонила жена и сказала, что внук заболел. Невестка носила его в поликлинику, где медсестра, увидев ребенка, ахнула, а потом сказала: «Да вы ребенка чуть ли не до полусмерти довели!» — и срочно стала вызывать «Скорую помощь». Обо всем этом рассказала старушке медсестра, которая пришла оповестить их о происшедшем. Как назло и сын уехал, оказывается, вчера в командировку. Поэтому старушка вынуждена остаться на несколько дней с остальными внучатами.

Услышав это, дядя Исак расстроился. Несмотря на жуткое желание рассказать о радостной вести, не смог промолвить о ней ни слова. «Разве сейчас ей до этого, — думал он. — А попробуй скажи — отрежет: «Мне бы твои заботы!» То ли дело — сын. Интеллигент. Много может понять. Может быть, несмотря на свою ересь, и поймет, и примет сторону отца?»

Думая об этом, дядя Исак решил, что «у добра не бывает срока» и оставил свое сообщение до приезда сына. Потом, одевшись, вышел на улицу, чтобы сходить на вечернюю молитву...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«АНГЕЛ» ПРИЗЫВАЕТ К СЕБЕ

Знакомство. — Знакомый отца Якуба. — Гольдман бросает крючок. — Сын Хахама

Они пересекли улицу и вошли в новый ресторан. Было еще рано, а потому ресторан пустовал. Гольдман выбрал самый крайний столик у окна. Мгновенно появившейся рядом официантке он заказал две рюмки виски. Когда Якуб сказал, что не пьет ни виски, ни вовсе спиртного, Гольдман с улыбкой заказал коньяк.

Гольдман сидел, уставившись на него. Он, казалось, пересчитывал морщинки на лице Якуба и курил сигару. Якуб дважды взглянул на часы. Наконец, терпение его кончилось и он встал.

— По вашему лицу я думал, что вы порядочный человек, а вы, оказывается, просто клоун. — Он протянул руку к портфелю, стоявшему у ножки стола.

— Потерпите немного, — сказал Гольдман, не меняясь в лице. — Сейчас все объясню. Садитесь. — В это время официантка принесла коньяк в графине и плитку шоколада. — Вот теперь можно и беседовать, — продолжал Гольдман, разливая коньяк по рюмкам. — Я хотел, чтобы нашей беседе не мешал никто. — И он кивнул в сторону официантки, — поэтому прошу прощения за долгую паузу.

— Хорошо. — сказал, хмурясь, Якуб. — Прошу вас, говорите побыстрее все, что хотите сказать...

— Да... — Гольдман вспомнил, как опешил дядя Исак, узнав о его иностранном гражданстве и, усмехнувшись, обратился к Якубу: — Кстати, господин Товбис, вы тоже, наверное, как и другие советские лица, торопитесь из-за боязни разговаривать со мной — иностранным гражданином?

— Мы, советские люди, в своем доме, а, стало быть, мы принимаем гостей, вы же гость нашего города, — сказал сухо Якуб. — А значит бояться разговаривать с вами — это не совсем логично. Гость, приехавший в наш город с чистой душой — в почете, а кто приехал с умыслом — пусть пеняет на себя.

— Возможно, возможно, — сказал Гольдман, прикрывая ладонью дрожащую щеку. — Разговор не убежит, поэтому давайте сначала познакомимся. Вчера

я узнал ваше имя. Меня зовут Лейзор Гольдман. Друзья называют меня «Благовестником». Да, кстати, — он хитро мигнул Якубу, — в подтверждение имени могу и вам, господин Товбис, сообщить благую весть. Я слышал, что все, — он повторил, с ударением на этом слове, — все были против, чтобы вы защищались по политическому строю современного Израиля. А знаете, если бы у нас был человек, пишущий на эту тему, он давно бы стал профессором, доктором наук.

«Откуда он знает о моих научных трудах?» — подумал Якуб и задумчиво посмотрел на собеседника. А потом вдруг побледнел от злости. Услышав решительный голос Якуба, вскипевшего от гнева, Гольдман оцепенел.

— «Все против... научной работы...» Кто вам втемяшил в голову эту ложь?

Гольдман засомневался: «Говорить — не говорить?» «Если не скажу, то вряд ли он поверит моим остальным словам. Если скажу... Нет, лучше говорить! Или найдут общий язык с Исаком, или, как кошка с собакой, начнут копать друг под друга... Впрочем, то и другое — одинаково верный путь, поторопит их выезд в Израиль».

— Я слышал это от надежного человека, — сказал Гольдман, нарушая неприятную тишину. — Вчера я заходил в техникум... Там оказался наш соплеменник, некто Исак. Вот он и рассказал из жалости к вам, мне, как единокровцу, о том, что слышал на ученом совете, о том, что все выступили против, поскольку вы — еврей.

«Ну и балбес дядя Исак... Не зная с кем, стал болтать с этим... Какого черта?! Так он и остальное обо мне, стало быть, выяснил у него же... А я удивился...»

Обидевшись на болтливость дяди Исака, Якуб сорвал зло на Гольдмане:

— Во-первых, господин Гольдман, даже дядя Исак, наверняка, не говорил вам, что был «против» именно Ученый совет, или же, что «все были против». Во-вторых, если кто и был против, то не потому, что я еврей. Всякая работа, и вам это следует знать, господин Гольдман, становится предметом споров, различных взглядов, мнений. И мысли того, кто выступил против моей работы, я считаю одним из мнений на сей счет. А потом, мнение одного человека, какой бы пост он ни занимал, каким бы великим ни был — это не всеобщее мнение. Лишь тогда, когда все подтвердят его мнение, тогда оно становится общим. Выступление одного человека в нашем обществе против чего-либо, господин Гольдман, не

есть всеобщее выступление против! Вы с особым ударением сказали, что «все выступили против, потому что вы еврей». Увы, и это было не так. Тот, кто выступил против моей работы — сам еврей. Если бы дядя Исак выслушал до конца или сам участвовал в той беседе, он бы рассказал вам, что потом сказали по этому поводу узбек Атаев и русский Александров. Так это и есть важный разговор ко мне? — спросил Якуб, переполняясь гневом. — У меня нет лишнего времени выслушивать подобную ложь и сплетни. Будьте здоровы!

— Э-э, что вы? Куда? — вскочил со своего кресла Гольдман и кинулся навстречу Якубу. — Да садитесь же! Ведь я даже не познакомил вам себя до конца...

Увидев, как озираются сидящие за другими столами, Якуб несколько смутился и невольно сел на место.

— Так что вы хотели мне сказать? — резко спросил он.

— Смотрите, пока знакомил себя, разговор ушел совсем в другую сторону. — Гольдман пускал клубы дыма и глотал коньяк. — Итак, я сам из Кракова. Вернее родом из Западной Украины, из Львова, но вырос в Кракове. Вы удивлены? Ах, да... Вы хотите сказать, что Львов и Краков в разных концах света? — «Благовестник» усмехнулся. — Вы хоть и историк, но слабо знаете историю. Одно время, а именно до войны, Западная Украина, в том числе и Львов, относились, как и Краков, к Польше. Словом...

Якуба задело это гольдмановское «слабо знаете историю». Он не выдержал и по своему прямодушию прервал:

— Простите, но, если мне не изменяет память, точно так же, как и сейчас, и Западная Украина, и Львов до 1919 года, до года, когда белополяки завоевали их, относились к Советам...

— О-о, я считал, что вы занимаетесь только восточной историей, а вы, видимо, и знаток европейской истории... Это хорошо... — он пустил тонкую струйку дыма из носа и продолжил, — словом, я прихожусь вам близким человеком вашего отца.

— Близким человеком отца? — Якуб искренне удивился. — Вы, и вправду, знаете моего отца?

— Да, некогда в молодости мы с ним дружили. Волею судеб теперь я — американец, — он довольно улыбнулся, — а отец ваш — Изя Товбис — гражданин СССР, узбекистанец. Всему этому причиной война... Э-э,

если говорить, то много всякого наберется. Мне пришлось отречься от родины, Польши, от друзей, чтобы избежать суда гитлеровских палачей. Но... к старости... как ни вертите, а хочется туда, где родился. В конце концов не вытерпел и я. Пустился по миру, чтобы хоть раз еще увидеть свою родину, своих друзей... Был месяц в Польше... Сильно изменилась Польша... Особенно Краков... И люди... Совсем не те, что были до войны... Потом приехал в СССР. С коммерческими делами. Во Львове услышал о вашем отце, решил посетить и эти места.

— Вы и вправду знаете моего отца? — спросил Якуб с неким внутренним волнением. Потом добавил поникшим голосом: — Но увы, он сейчас...

— Нет, нет, я не хочу встречаться сейчас с вашим отцом, — перебил его «Благовестник». — Мы уже виделись с ним. Три дня тому назад. Он такой же дурак, каким был и в молодости...

— Что?! Дурак?! Прекратите сейчас же! — От этих неожиданных слов Якуб вскочил с места и вены на его висках вздулись. — Никто вам не давал права оскорблять моего отца. За это... За это...

— Ого, — ухмыльнулся Гольдман, он был доволен тем, что повернул разговор в нужное русло, хотя состояние Якуба ничего хорошего не предвещало. А посему, он решил окончательно сбить собеседника с ног: — А я думал, что вы больше похожи на свою мать.

— Я не знаю своей матери. Она умерла, когда я был младенцем.

— Умерла? — Гольдман, как бы изумляясь, устался на Якуба. Потом откинулся на спинку кресла и, прикрыв рот ладонью, чтобы никто не слышал, стал хихикать. — Госпожа Цира оказывается мертва? Или тот, кого вы называете отцом, отравил и ваше сознание? Кстати, вы ведь воспитывались им?

— Довольно! — сказал сквозь зубы Якуб. Глаза его налились кровью и кулаки воинственно сжались. — Это все, что вы мне хотели сказать?

«Благовестник» и впрямь испугался, сидел не шелохнувшись. Потом, как бы меря силы противника, оценивающе оглядел его с ног до головы и сказал:

— Вы, оказывается, еще многого не знаете. Садитесь. Выпейте коньяку.

Якуб невольно сел на место и отодвинул рюмку коньяка в сторону «Благовестника».

— Я же сказал вам, что не пью. Пожалуйста, рассказывайте. Но хочу предупредить, если вы снова станете оскорблять мою мать и отца, то вам не поздоровится.

«Благовестник» попал действительно в странное положение: он теперь не знал, говорить ему или нет.

— Хорошо, хорошо, — закивал он, взяв себя в руки. Улыбка должна была подтвердить его самообладание.— Я пошутил. Хотел испытать сына своего друга. Вы настоящий сын своего отца. Изя тоже не переносил шуток.

Лейзор Гольдман снял очки. Правый глаз его был полуприкрыт, левый же и вовсе отсвечивал бесцветно, как стеклышко. Вскинув брови, он казался охотником, нацелившимся на Якуба. Гольдман сидел молча: казалось, он боится быть откровенным с Якубом. Потом выпил залпом коньяк и на авось начал:

— Вот что я вам имею сказать, дорогой мой. Вы знаете, что два года назад у израильтян с арабами была приличная драка.¹ Хотя война длилась всего шесть дней, но наши славные ребята, ребята великой нации, солдаты свободы...

Якуб раздраженно прервал:

— Вы называете израильскую армию солдатами свободы, а я их считаю насильниками и завоевателями. Поскольку эта армия попирает чужую землю, убивает мирных людей...

— Вы так считаете,— сказал «Благовестник», все больше хмурия брови. Левая щека его задергалась, и среди морщин на лбу ясно проступил шрам над левой бровью. Он спешно надел очки.— Гм... При этом я хотел вам сообщить благую весть... Знаете, мы евреи, как просо перед курицей, разбросаны по всему миру. Государство Израиль начало великое дело, раскрыв свои объятия всему нашему племени. Есть намерения вернуть наши освобожденные земли тем, кто возвращается на родину из изгнания. Уже сейчас множество евреев съезжаются на родину со всех краев света...

Якуб широко раскрыл глаза и вдруг его словно обдали холодной водой, он понял куда клонит «Благовестник».

— Значит вы,— начал он, прерывая собеседника дрожащим голосом,— хотите сказать, что если евреи отовсюду станут съезжаться на эти «освобожденные»

---

¹ Имеется в виду война 1967 года.

земли, то легче будет их присвоить как территорию государства Израиль? Вы хотите сказать, переезжай туда и ты. Не так ли?

— О, браво! Приятно иметь дело с понятливыми людьми,— прошептал Гольдман.— Если у вас есть намерение переехать в Израиль к матери...

Вот после этого Якуб не смог сдержать себя:

— Довольно! — прохрипел он.— Довольно! И болтовня ваша, и ложь о моей умершей матери пусть останется при вас. Я никуда не намерен переезжать! СССР — моя родина, я советский гражданин. Это во-первых. Во-вторых, Шолом-Алейхем в своем завещании писал, — Якуб продолжил тихо и торжественно, как будто читая стихи: — «Где бы я ни умер, но пусть не похоронят меня среди родовитых, богатых, аристократов. А как окружали своего народного писателя при жизни простые, чистосердечные люди, так пусть и после моей смерти мой безыскусный памятник окружают такие же простые надгробия этих людей. Похороните меня среди обыкновенных трудящихся евреев». Точно также и я, господин Гольдман, не намерен расставаться ни со своей страной, вырастившей меня, ни с народом, который я ценю и который ценит меня.

— Вы, кажется, забыли, что родились в Египте, в Каире.

— Я не виноват, что родился в Египте.

— Значит, вы не хотите возвращаться на землю предков, на землю, где ваш народ появился на свет.

— Каким это образом Израиль стал землей, где мой народ появился на свет? — спросил раздраженно Якуб. — Действительно. Палестина древний край. Мне, как историку, известно, что человек появился там еще в эпоху палеолита, а в четвертом тысячелетии до нашей эры там появились племена семитов. В середине же второго века до нашей эры эту землю попеременно завоевывали то хетты, то филистимляне. Короче говоря, даже это название Палестина я связываю с этим племенем филистимлян...

— В Торе утверждается, что земля евреев — Израиль,— со злостью прервал его Гольдман.— Что, по-вашему, важнее, священная книга Тора или же писанина каких-то там историков?

— Рядом с мифами «Священной» книги, мне предпочтительней правдиво написанная историческая книга. — Якуб сказал это и задумчиво продолжил,— многостра-

дальняя Палестина чего только не натерпелась даже тогда, когда перешла к кочевым племенам евреев. Какие только завоеватели не прошли по этой земле. Ассирийцы, вавилоняне, римляне, крестоносцы...

— Вы писали об этом и в своем научном труде? — не без иронии спросил Гольдман.

— Да, — резко оборвал Якуб. — Чтобы выявить истинное значение трескотни израильских руководителей, сионистов о том, что дескать «Израиль — родина всех евреев, земля их предков», я написал отдельную главу. И именно там есть эти слова.

— Скажите, а какие еще слова там есть? — откровенно паясничая, спросил Гольдман. — Какие еще новости вы хотите сообщить нашим соплеменникам?

— Слова, которые я сказал — не новость для историков. Но для тех, кто клюет на сионистскую пропаганду, кто слепо едет в Израиль, это может оказаться новостью. Ну-ка, скажите мне, где же истинная родина, проезжающих в Израиль? Там, где предки их жили, как говорится, до седьмого колена, или же в Израиле? Три с половиной тысячелетия назад кочевые еврейские племена завоевали Палестину и осели там; следует ли из этого, что Израиль — родина всех евреев? Ведь тогда на эту землю с таким же правом должны претендовать и сегодняшние потомки финикийцев, ассирийцев, римлян, вавилонян и других, поскольку многие из них также осели на территории Палестины. И разве этот лозунг: «Израиль — родина всех евреев» не равносителен требованию переезда жителей Австралии на родину их предков — в Англию?!

— Какое вам дело до других? — буркнул Гольдман. — Я сейчас говорю с вами, а не с историческими фактами.

Якуб удивленно посмотрел на него.

— Вы что, считаете, что это не имеет отношения ко мне? — спросил он раздраженно. — Тогда могу объяснить популярней. Я вырос среди тех ребят, которые родились в трудные для страны и народа сороковые годы. Мое мировоззрение складывалось точно так же, как и человека любой нации в нашей стране. А потому для меня Родина это не географическое и не религиозное понятие, а куда больше. — понятие нравственное.

«Прав Авраам, когда говорил мне о его дурном нраве, — думал Гольдман, откидываясь в кресле с потухшей сигаретой в зубах. — Упрямый как осел. Трудно поймать

на слове, говоришь ему «а», он тут же тебе «б». Вряд ли такого купишь на обещании славы, богатства... Видимо, надо воспользоваться тем, что Авраам называл стыдливостью и мягкосердечием... Надо помучить ему душу. Только тогда... Хорошо, что хоть этому балбесу Исаку успел внушить про Изю...»

— Вы не забывайте своего социального происхождения... Ведь ваша мать, госпожа Цира, Цира Раунштейн проживает в Израиле, вы согласны?

— Я вам сказал, что мать умерла...— ответил несколько упавшим голосом Якуб, услышав полное имя матери. Он вспомнил слова дяди Исака, когда он поспорил с Зальмоном Акиловичем по поводу научной работы. «Неужели, и вправду, мама жива?! Нет! Это вымысел, сплетни таких, как этот Гольдман...»

— Мать ваша жива. Я видел ее перед самым выездом сюда — месяца полтора назад. Изя вас просто обманывает.— «Благовестник» хитро усмехнулся, уставившись на Якуба, и налил себе коньяка. Сел поудобнее, откинувшись на спинку кресла.— Как рассказывается в одном предании, в давние времена жил некий знаменитый хахам¹— врач и мудрец. По его учению, дитя должно было принадлежать вере, какую исповедовал его отец. Это учение принесло ему много несчастий... В один из прекрасных дней бог даровал ему дитя. Сын вырос таким же умным, образованным как и его отец, заслужил почет среди людей. Но хахам был очень недоволен им, потому что сын оказался под влиянием инаковерующих, не соблюдал поста, ел свинину, предавался другим грехам. Расстроенный поведением сына, отец заболел и слег. Тогда жена его и говорит:

— Дорогой мой, пришло время открыть тебе одну тайну. И да пусть Создатель покарает плохих... и очернит их лицо на том свете... В один из дней, когда я возвращалась из бани, дорогу мне преградил инаковерующий и, заткнув мне рот, потащил в дом. На улице никого не было. Крик мой не помог мне. И тогда я из последних сил откусила ему палец. А когда вернулась домой, то засолила и высушила его... Этому случаю исполнилось вот уже двадцать лет. А сыну нашему — девятнадцать... Тот человек сейчас знаменитый такой-то и живет там-то...

И жена показала хахаму тот палец...

---

¹ Х а х а м — знак уважения среди сефардитов. Обычно пожилые, почтенные и ученые люди так называются.

Хахам взял палец и положил его в карман. Потом, чуть выздоровев, собрал своих последователей и направился к тому инаковерующему.

Тот, оказывается, всегда носил перчатку на одной руке. Когда его спросили о причине этого, он рассказал, что двадцать лет назад ступил на дорогу глупости и преградил путь одной женщине. Тогда женщина откусила ему один из пальцев, и стал он с тех пор носить перчатку от стыда.

Мудрец спросил, а нет ли какого знака на его пальце?

— Был,— ответил тот,— был шрам после ужасной раны.

Когда мудрец вынул из кармана огрызок пальца и приложил его к руке другого, то все увидели, как сходятся отметины обеих частей. И все вместе с хахамом поняли, чьим сыном был юноша.

Таким образом, хахам доказал правоту своего учения, победив противников, но и проклинал после этого всю жизнь сына...

Лейзор Гольдман пригляделся к Якубу — как на того подействовало предание: тот сидел равнодушно, несколько нахмутив брови. «Благовестник» усмехнулся и продолжил:

— Я вам рассказал это предание не просто для времяпрепровождения. Я хотел, чтобы вы узнали правду — вы такой же сын такого же мудреца...

— Что?!— Якуб разгневался, ему сперло дыхание, и он, вместо слов, закашлялся.

— Я хочу сказать, что этому предателю и завистнику Изе, которого вы считаете до сих пор своим отцом, вы являетесь таким же хахамовским сыном,— сказал «Благовестник», понижая голос и напуская на себя показную сердитость.— Изя, которого вы считаете своим отцом, во время войны был фашистской ищейкой. Именно тогда он полюбил жену своего друга, госпожу Циру, и предал дружбу, плюя на святые и древние наши обычаи. Вместо того, чтобы помочь другу, попавшему в беду, он засунул его в концлагерь. А потом, запугав бедную женщину, мало того, что овладел ею, но с помощью своих немецких господ увез в Каир. Там-то вы и родились некоторое время спустя. Потом, бежав из концлагеря, ваш отец встретился с вашей матерью в Египте. А Изя же, чтобы вы не узнали с возрастом обо всем, сделал вашу мать «покойницей»...

Не выдержав взгляда Якуба, Гольдман внезапно за-

молк. Глаза Якуба горели, он еле сдерживая себя от единственного удара в челюсть Гольдмана, думал: «Ну-ка, поговори еще. Интересно, что еще сочинишь, чтобы заполучить меня в свои сети. А потом посмотрим...»

— Продолжайте!— произнес сквозь зубы Якуб, не меняя позы.— Или это все, что вы имели сказать?

Пребывающий в неловком положении Гольдман, у которого то и дело подергивалась щека, посмотрел на него с опаской. Потом, чтобы как-то отвлечь Якуба, вызвал официантку и стал рассчитывать.

— Хорошо,— сказал он наконец, когда официантка отошла.— Раз вы требуете сами, то я продолжу. Хоть и называют меня друзья «Благовестником», но то, что я скажу сейчас, далеко не благая весть. Недавно я получил сведения о вас от одного надежного человека. По его словам, соответствующие органы, узнавшие о работе Изи некогда в немецко-фашистской разведке, а также о том, что ваши и мать, и настоящий отец живы и проживают в Израиле, теперь заинтересовались и вами... И из уважения к досточтимой госпоже Раунштейн, я счел своим долгом сообщить вам об этом, чтобы вы вовремя собрали свои, как говорится, манатки...

Гольдман пристально взгляделся в Якуба, оценивая произведенное впечатление. Якуб же усмехнулся и, вставая, саркастически произнес:

— Знаете что, господин Гольдман, «все, что подвешено или же летает по ветру, в конце концов обречено». Дума о, слова Шолом-Алейхема — достаточный вам ответ!— сказав это, Якуб схватил опешившего Гольдмана под локти и резко дернул на себя: стул, на котором сидел «Благовестник», с шумом опрокинулся.— Теперь за вашу клевету, за оскорбление моего отца...

— У меня дипломатическая неприкосновенность,— в сердцах закричал побледневший Гольдман, пытаясь высвободиться из сильных рук Якуба.— Вы не имеете права так грубо обращаться со мной.

— Точно так же и у вас нет права оскорблять советских людей, клеветать на них!— сказал Якуб и оттолкнул его от себя.— Вы ответите за ваши сегодняшние слова!

Он попросил прибежавшую на шум официантку вызвать милиционера. Но официантка, взглянувшая сначала на Якуба, потом на потирающего скулу Гольдмана, стала рассматривать — не повреждены ли стол

и стулья. Тогда Якуб, все еще пребывающий в ярости, схватил за плечи тихонько отступающего к двери «Благовестника» и с силой посадил на один из свободных стульев, а сам быстро направился к телефону, стоявшему на полочке в углу ресторана. Однако позвонить он не успел: подняв трубку, он увидел как Гольдман «чмыкнул» в дверь, Якуб, схватив портфель, бросился за ним на улицу. Однако... «Благовестник» как сквозь землю провалился...

Донельзя разъяренный Якуб не знал, что делать. Ругая и «Благовестника», и смалодушничавшего самого себя, он вошел в отделение милиции. Описав там Гольдмана, он коротко рассказал о происшедшем... Облегчив себе душу и удовлетворенный сделанным, Якуб вышел из отделения милиции, и вдруг нервы его, натянутые от встречи с Гольдманом как струны, ослабли...

Шагая степенно, он стал размышлять о происшедшем, вспоминая статью о международном сионизме, которую он намеревался написать на этой неделе.

«...Да, «Благовестник» — типичный представитель сионистов, — думал он, приближаясь к своему дому. — Да еще какой! Смотри, как закрутил, чтобы залянуть в свои сети. Даже стал другом отца. А меня... — кулаки его при этом невольно сжались. — А что он говорил о матери! Воскресил вдруг мать, которая умерла тридцать лет назад!»

Потом Якуб вспомнил о том, что слышал о матери от дяди Исака — письме Авраама Ирме, и сердце его екнуло. «Неужели... Или это просто случайность?.. Неужели этот дьявол — «Благовестник» говорил правду?.. Постой... Только что он сказал, что три дня назад видел отца. Стало быть, он и стал причиной болезни отца?! Наверное, и ему наговорил такую же чушь... но тогда... если слова Гольдмана — ложь, зачем отцу принимать их близко к сердцу? Так, значит, это правда. Отчего он отводит глаза, когда я вхожу в комнату? Нет! Нет! Этого не может быть...»

С этими мыслями Якуб переступил порог дома. Потом решил: «Довольно! Этот сатана Гольдман придумал все, чтобы склонить меня к выезду в Израиль. И такой же чушью сбил с ног отца!» Горько усмехнувшись, он махнул рукой и быстрым шагом поднялся по лестнице. Затем нажал на кнопку звонка... Хоть Якуб и решил не вспоминать больше об этой встрече, но дьявол, назвавшийся «Благовестником», оставил его между двух огней

с червем сомнения в груди... Сомнение же, как известно, каким бы оно ни было, посягает на любую веру, дружбу, любовь...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЗАЛЬМОН АКИЛОВИЧ

«Можно, что ли, хозяин?»— Искусы сатаны.— Горести сердца.— Неуживчивый человек.— Посещь ветер...

Приняв дежурство, дядя Исак, как обычно, поставил чай. Потом, надев на себя черный халат, нехотя побрызгал на пяточок перед воротами воды. Сделал вид, что подмел. К этому времени чай закипел. Он заварил крутой, привезенный специально для него ездившим по обмену опытом в Самарканд Атаевым 95-ый чай.

— Стало быть, будем пить зеленый чай, а, товарищ ночной директор?

Дядя Исак обернулся и увидел Аронбаева, он стоял как самбист, широко расставив ноги, и улыбался.

— Э-э, проходите, хозяин. Сейчас...

— Опять говорите «хозяин»?— Аронбаев нахмурился, и злые огоньки заиграли в его глазах.— Сколько раз я вам говорил, что хозяева исчезли после Октябрьской революции. Войдите в кабинет, есть к вам разговор, — и Аронбаев, рассерженный, стал удаляться к кабинету.

Дядя Исак поначалу оцепенел. Со злостью хлопнул себя по лбу: «Когда твои слова не ставят ни в копейку даже домашние, то что говорить о посторонних?»— и бросил свое грузное тело в кресло. Некоторое время он сидел, хлопая себя ладошкой по лбу. Потом резко встал. Наполнил пиалу чаем и, взяв чайник, направился гусиным шагом к кабинету замдиректора.

— Можно, что ли, хозяин?

Зальмон Акилович гордо сидел за столом, упираясь одной рукой в бок, а другой постукивал по столу, на котором лежал лист белой бумаги. То ли оттого, что дядя Исак прервал его мысли, или снова назвал его хозяином, лицо его вздулось от гнева и он стал похожим на толстую жабу.

— Что вы за человек...— произнес он и вдруг расплылся в улыбке: его побудила к этой улыбке поза дяди

Исака, стоящего одной ногой в кабинете и одной за порогом и стучащего в дверь изнутри. Дядя Исак глядел исподлобья на Зальмона Акиловича и голова его была склонена набок, как у хмурого бычка, вот-вот готового разбежаться и начать бодаться.

— Заходите, раз открыли дверь.

Дядя Исак, теперь уже подобно петуху, выпятил грудь и со склоненной набок головой двинулся в его сторону, придерживая у бока горячий чайник.

— Ну что, наблюдаете за Якубом? Какие новости?

Дядя Исак налил чай в протянутую Аронбаевым пиалу, придерживая одной рукой крышку чайника, и, склонив голову на другой бок, заговорщицки зашептал:

— Раньше, даже если и уроки кончались, Якуб оставался на час-другой со своими детьми. А теперь же иногда уходит на пятнадцать-двадцать минут раньше...

— Ну хватит, хватит! Это я знаю и сам.

— У меня есть еще одно слово.— Он поглядел на дверь. Потом спокойно заговорил:— Главное, что я имею сказать — Якуб собирается в Израиль. А отец его против.

— Якуб собирается уехать? Товбис, что ли? Где вы раскопали такую чушь?!

— Вот так. И давно я это знаю,— как бы похвалился дядя Исак.— Всякий раз, как прихожу на работу, хочу вам сказать об этом, но не решаюсь. Боюсь.

— Кого?— удивился Зальмон Акилович.

— От директора. Он очень близко держит Якуба. Я слышал, что он его усыновил в войну. А потом, когда нашелся настоящий отец, то был скандал и Атаев вернул Якуба.

— Э-э, вон оно что...— Глаза Зальмона Акиловича заблестели и он довольно потер ладони.

— Вот то-то и оно. Вы здесь новые. Много не знаете. Э-э...— Дядя Исак опять склонил набок голову и посмотрел ястребом.— Вы стали очень тереть ваши руки, не попозорьте еще нас...

— Не беспокойтесь, дядя Исак, это все останется между нами. Гм... Смотрите за Якубом и впредь. Если что заметите, то прошу вас ставить меня в известность. Но чтобы никто об этом не знал. Договорились?

— Так точно, хозяин!

Зальмон Акилович, выбравший Якуба мишенью в своих планах против Атаева, уже не обратил внимание

на это «хозяин» дяди Исака, а с неким блаженством пил остывший чай. Дядя Исак налил ему в пиалу остатки из чайника и как будто показывая, дескать «гляди, ничего не осталось», картинно «выжал» чайник и уже выходил, когда, сверкая глазами, Аронбаев сказал:

— Да, кстати, вы сумели переговорить, как я вам объяснял в прошлый раз, с невесткой, насчет открытия Самуэля?

Дядя Исак, вскипающий теперь по пустякам, то ли оттого, что старуха оставила его без особой пищи, живя теперь с внуками, то ли оттого, что не мог поведать своим домочадцам о решении поехать в Израиль и стать хоровом, услышав Зальмона Акиловича, вспыхнул:

— Только вчера твоя жена Сонечка спрашивала об этом же, и я сказал ей, что невестка моя в больнице с ребенком! Что тебе от находки моего сына? И тот «Благовестник», приехавший навестить тебя из-за границы, спрашивал о том же...

— Э-э, о чем вы говорите?!— побледнел Зальмон Акилович, откидываясь на спинку кресла.— Кто из-за границы меня спрашивает?

— Эге... Ты о чем это?— дядя Исак уставился на него. Потом со стуком поставил чайник на стол.— Ведь глаза твои на лоб полезли, когда я тебе сказал, что «гость» приехал от твоего брата Авраама?! Ты даже обиделся, что не тебе сразу сообщил! А теперь...

— Бросьте эти разговоры, старик.— Зальмон Акилович, ухмыляясь, встал и похлопал дядю Исака по плечу.— Ни вы, ни я не знаем никакого иностранца. Если же говорить о том, почему я спросил об открытии вашего сына...

— Не вмешивайся в дела моего сына,— резко бросил дядя Исак, метнув свой обычный ястребиный взгляд искося, из-под склоненной к плечу головы.— Знай свои дела. Знай о том, как числишься здесь, а сам занимаешься спекуляцией, знай лучше о том, как едешь весной по другим городам и продаешь цветы...

— О-о, давайте на личности не переходить...

— Плевал я на твою личность!— И дядя Исак с шумом вышел.

Проводивший его потухшими глазами Зальмон Акилович медленно подошел к двери и прикрыл ее. «Дурак!— выругался он.— Какое твое собачье дело до моих цветов?! Я тебе еще покажу, где раки зимуют, ты у меня еще попляшешь за эти слова. Мало того, что рассказал

об открытии Самуэля, ты еще и сам не узнаешь как ответишь и за другие... Гм... Значит, уже пошли слухи о выезде Якуба в Израиль.— Он довольно потер ладони и в глазах его засверкали злые огоньки.— К тому же Якуб выкормыш Атаева! Вот в чем дело. Я теперь покажу Атаеву, кто я такой. Прямо сейчас... К предыдущему письму прибавится и это... А там, если повезет, глядишь, и кресло мое».— Он сел в кресло и, положив перед собой лист бумаги, взял ручку. Но дописать письмо не удалось: дверь со скрипом отворилась и послышался голос дяди Исака:

— Можно, хозяин? Чайник мой остался, оказывается...

Дядя Исак вошел и вышел с такой стремительностью, что Зальмон Акилович не успел вымолвить и слова. Только вдогонку выматерился. И снова, вспомнив обвинения в спекуляции, заерзал. И опять расстроился. Невольно припомнилось, как месяца два назад он попался на продаже цветов в другом городе. Сердце его екнуло и душа ушла в пятки. В смятении он бросил ручку на стол. И задумался над всей своей прежней жизнью и тем, что ему предстояло...

* * *

...Зальмон должен был идти в четвертый класс, но началась война. Отец его — председатель маленькой артели — Акил Аронбаев в числе первых ушел добровольцем на фронт. В тот же год они получили похоронку. Не прошло и года, как в их дом вошел новый отец Зальмона: работающий в райисполкоме Бенцион... друг детства матери Зальмона — Эстер.

...Зальмон Акилович никак не мог забыть одну историю, происшедшую с ним в детстве. В пятом классе его выбрали старостой класса. Нет, не потому, что отец его работал в райисполкоме, а потому что был «ударником» в учебе и всем интересовался. Но почему-то — он до сих пор не знает почему — старостой Зальмон быть не хотел. Вечером, за ужином, он рассказал обо всем этом домашним и тут же пожалел: сидевший напротив Бенцион протянул руку и, ухватив его за ухо, стал кричать:

— Балбес! Идиот! Если ты сейчас такой, то что из тебя потом получится! С голоду подохнешь! Запомни навсегда, все зависит от положения. Если у тебя есть положение, то все перед тобой будут гнуться — что

хочешь — то и делай. Вон, посмотри, как у меня! А станешь старостой, не надо будет каждый день корпеть над математикой, скажешь тем, кто знает, они сами с удовольствием будут давать переписать. Завтра же подойди к учителю и скажи, что ты был неправ, пусть выберут старостой!

Тогда же его отругала и мать, ставшая к тому времени, благодаря Бенциону, директором пекарни: «До каких пор будешь раздавать свое, как и твой отец — Акил?! Хочешь быть человеком, будь им с самого начала, а нет, так сдохни сейчас же, не мучая меня...»

На следующий день на перемене он рассказал классному руководителю о разговоре с отцом. Учительница улыбнулась, а ребята засмеялись. Но старостой его не избрали. По предложению учительницы избрали звеньевым. А в шестом классе переизбрали. Потом он привык по совету матери и отца вертеться вокруг учителей, сообщая им все, что творится среди учеников, и любой ценой проявлять себя с лучшей стороны, чтобы понравиться старшим. Но и это не помогло. Завуч несколько раз делал ему замечание, директор сказал Зальмону, что таким путем далеко не уедешь и это, мол, хорошим не кончится.

Словом, никто не обращал внимания на его «качества и свойства», которые по мнению Бенциона должны были сделать Зальмона в будущем настоящим человеком. Поэтому к окончанию школы он обвинял всех и каждого, не лада ни с учителями, ни с одноклассниками.

После школы, несмотря на математические способности, Зальмон пошел по «легкому пути», предложенному Бенционом, и поступил на исторический факультет. Но в части «руководства» у него не вышло и здесь.

По окончании института с помощью племянника Бенциона, Ариэля Минасова, работающего в министерстве, его направили в одну из ташкентских школ. Не прошло трех-четырёх месяцев, как началась борьба за директорское кресло: он чернил директора среди учителей, распространял всякие сплетни. Но коллектив этой школы оказался дружным и к тому же бдительным. Боясь огласки, Зальмон вовремя смылся. В другой школе он действовал иначе: стал писать анонимки на руководство школы. И это его не утешило. Сколько было проверок! В конце концов принялись искать автора анонимок...

И тогда ему снова помог двоюродный брат: замяв дело, он направил Зальмона в аспирантуру. За семь лет он кое-как защитил кандидатскую. Потом Зальмон проработал несколько месяцев в облоно инспектором. Попался на взятке и ему пришлось оставить и этот пост... Стал преподавать на том самом историческом факультете, который кончал сам. Начал было примериваться к должности завкафедрой, но опять ему не повезло... Пришлось уйти по собственному желанию...

Потом... В середине прошлого учебного года — накануне новогодних праздников, когда Зальмон Акилович сидел у своего патрона, в кабинет вошел Атаев. Подмигнув Зальмону, двоюродный дядечка стал хвалить его Атаеву.

— Верно говорите,— сказал Атаев, поддерживая Ариеля Минасовича,— техникумам, школам нужны кандидаты наук и даже доктора. Их надо привлекать. Тогда бы учащимся давались более основательные знания. Особенно сейчас, когда много говорится о переходе на новые программы обучения. Я с удовольствием возьму Зальмона в техникум. Коллектив наш дружный, дадим ему возможность продолжить научную работу... Только... Вот если бы вы решили проблему штатов...

Это обещание, данное Атаевым, было на руку начальнику отдела министерства: Зальмон Акилович был направлен в техникум как преподаватель истории, и заодно занял вакантное место заместителя директора. Атаев же не обиделся (он предлагал в министерстве на место своего зама Якуба), встретил Зальмона с распростертыми объятиями. «Теперь я спокоен,— сказал он радостно.— Поскольку вы хорошо понимаете требования времени, будете инициативным заместителем. А потом, самое время вам работать, вы полны сил, энергии. Словом, абсолютно уверен, что дела в техникуме теперь пойдут еще лучше...»

Привычка — вторая натура: почувствовав «климат» нового коллектива, Зальмон Акилович взял на прицел равного ему по кандидатской степени, но гораздо в большей степени превосходящего во всех отношениях Якуба, и начал борьбу за кресло Атаева.

Аронбаев, хотевший опозорить Якуба перед Атаевым и очернить его научную работу, попал впросак. А когда на следующий день он пошел в министерство к своему «дядечке», слова того доконали Зальмона вконец.

Ариель Минасов встретил его в тот день неприветли-

во. Когда Зальмон рассказал о том, что произошло между ним и Атаевым и попросил «не пожалеть помощи, чтобы кресло было занято достойным», Ариель Миначов нахмурился так, что брови его напоззли на глаза. После этого он запер дверь на ключ и, перекатываясь по кабинету как арбуз, принялся отчитывать Зальмона. «Если возникли такие мысли, неужели нельзя было посоветоваться прежде со мной?! Или хотя бы использовать поначалу двух-трех преподавателей?!» — «Я долго наблюдал за преподавателями. Среди них... нет тех, кто мог бы помочь...» — Аронбаев с грустью сказал об этом, и волосы Ариеля Миначова, казалось, встали дыбом. Он подскочил к утонувшему в кресле Аронбаеву и негодуя произнес: «Бобыль несчастный!» Потом, намекая на то, что рекомендовал его Атаеву он, сказал: «Если вытурят из техникума — пеняй на себя!» В этих словах проступало: «Не шути с Атаевым. Если он почувствует что-то неладное, доберется до самой сути... Поэтому раскрой глаза пошире, братец. Это во-первых. Во-вторых, если ты и дальше будешь продолжать свои делюшки, то, пожалуйста, не впутывай меня. Сам елс жу. Так что расхлебывай-ка сам».

Расстроенный разносом и ругая про себя этого «дядечку», Аронбаев выместил зло на водке. Когда домой пришла жена, он рассказал ей все. Затем вместе, проклиная всех на свете, они сели писать анонимки и на Атаева, и на Якуба, и даже на Ариеля Миначова.

Зальмон бросил в почтовый ящик анонимку на Миначова, а с остальными решил повременить. «Лучше послать к концу учебного года. Пока начнут проверки — уйду в отпуск», — решил он.

К майским праздникам он отправил и оставшуюся корреспонденцию. Потом его стала мучить ежегодная весенняя «болезнь» и, набив два чемодана цветами, а жену попросив подтвердить его «болезнь», двинулся в Россию. Но там, где он приземлился — на этот раз не повезло. Не успел Зальмон распродать первый чемодан скупленных задешево у соседей цветов, как попался в руки милиции. Несмотря на его просьбы, составили акт. Хотел было отыграться и закупить товару для Ташкента, но попался и на этом. Опять составили акт...

Вернувшись домой, отнес на работу бюллетень, оформленный женой через знакомых, но долгое время боялся, что не сегодня-завтра придет бумага из милиции. Письма не поступало, и Зальмон стал забывать

о происшедшем. Но вот сейчас сосед через стенку, дядя Исак, знающий о нем почти все, напомнил ему об этом. И опять его сердце встревоженно защемило...

Была еще одна причина, по которой растревожился Аронбаев: месяц тому назад к нему неожиданно нагрянул домой его «дядечка». То ли настроение у Ариеля Минасовича было неважное, то ли из-за того, что Зальмон и его жена — Соня сидели, завесив калитку цепочкой, но не успел он войти во двор, как тут же принялся отчитывать их обоих. Почувствовав, что Зальмон навеселе, еще раз «спустил на него собак». Потом он сел за дастархан, отправил Соню во двор и стал излагать причину своего появления. Он вынул из кармана анонимку на Атаева и Якуба и принялся кричать, что это тоже дело рук Зальмона и Сони. И, наконец, уходя, сообщил, что на следующий месяц назначена комиссия по проверке писем и что возглавит комиссию он сам. Это обрадовало Зальмона, до этого сидевшего в смятении и набрякшего, как мякина в воде. Хотя в некотором роде и обрадовало...

Однако... Еще не началась проверка, а Ариеля Минасовича уже сняли...

— К черту и это директорское кресло и все другие! — и Аронбаев опустил свой тяжелый кулак на очередную анонимку, лежащую перед ним. Потом, смяв ее, он медленно встал. Зажег спичку и поднес к бумаге. Задумчиво глядя на пламя, пробурчал: «Эх, когда бы собрать побольше золотых украшений, давно бы отправился по письму Авраама в Израиль. Ведь обрадовал я и Гольдмана: пусть даже не рассказал ему об открытиях Самуэля, но чего стоит слух о выезде Якуба в Израиль! Так, может быть, и он выполнит обещанное, если я окажусь там... Гм... Нет, надо сделать что-то, оправдывающее меня перед этим Атаевым, пока не началась проверка. Что-то... Ага!» — Он спешно схватил со стола какую-то бумажку и бросился было к двери, но в это время навстречу ему вошел Атаев.

Не ожидавший его прихода, Аронбаев неловко поздоровался. Директор ответил на приветствие и, садясь в кресло у окна, удивленно подумал: «Ведь только что здоровались?!»

— Вы побледнели. Что-то случилось?

— Да нет же! — Аронбаев неестественно улыбнулся и потер себе щеку. Потом сказал: — З-з-знаете, я... — и, непривычно заикаясь, продолжил: — Составил расписа-

ние на новый учебный год. Хотел посоветоваться... Шел к вам...

— Вы составили расписание? Здорово! — Атаев, уже подумавший, что Зальмон Акилович беспокоится по поводу его прихода, вдруг обрадовался. Выпил с удовольствием холодный чай, протянутый его заместителем и продолжил: — Не могу пожаловаться на вашего предшественника. Но был у него один недостаток: составлял расписание уже впритык к первому сентября. А вы сделали здорово! Так по какому поводу вы хотели посоветоваться?

— Преподавателей истории в техникуме три человека. Часов не хватает. Я хотел половину своих часов отдать Якубу. Мне кажется, как заместителю директора, и того, что осталось, хватит с головой.

— Гм... Хорошо, что вы решили посоветоваться. Даже плов по совету и то вкуснее. Но... Пусть ваши часы остаются у вас. А Якуба мы попросим осуществлять общее руководство спортивными секциями. А потом... Дел у Якуба невпроворот. Местком... К тому же и научная работа... Защита...

И хоть эти слова были Аронбаеву как нож по сердцу, он, не моргнув, сказал:

— Как знаете,— и пристально посмотрел на задумавшегося Атаева. Затем вдруг спешно произнес: — Если разрешите, хотел со следующего понедельника пойти в отпуск. Заявление я уже написал.— Он протянул листок Атаеву.

— Ремонт техникума закончился. Расписание занятий вы, стало быть, составили. Если в остальном все в порядке, то я не против,— сказал Атаев, задумчиво оглядывая заявление Зальмона Акиловича.

Аронбаев же, почувствовав расположение, в какой-то нерешительности сказал:

— Знаете вы или нет, но я хотел сообщить одну вещь. Я услышал об этом случайно, говорят, Якуб собирается в Израиль.

— В Израиль? Кто вам сказал?

— Просили об этом никому не говорить.

— Значит, говорите...— на лице Атаева промелькнула тень то ли удивления, то ли неприязни к Аронбаеву, то ли жалости к нему.— Ну да ладно, сейчас должен прийти сам Якуб. Вот с ним и переговорим и все разузнаем.

Аронбаев не ожидал такого поворота — сиюминут-

ной очной ставки с Якубом, а потому стал неловко ерзать, думая: «А ведь грызет его сомнение об отъезде Якуба». Аронбаев почувствовал все ту же тоску, которая мучила его после разговора с дядей Исаком. Атаев посмотрел на него пристально и с улыбкой сказал:

— И я шел к вам с одним советом... Знаете или нет — но за два месяца до вашего прихода к нам на работу, нас проверяла комиссия из министерства. За успехи в учебной и воспитательной работе они даже представили нас к Почетной грамоте. А теперь же происходит нечто странное — в министерство поступила жалоба на нас,— Аронбаев зыркнул на него и тут же отвел глаза. Он был бледен. Атаев, будто бы не замечая этого, продолжал:

— Позавчера меня вызывали в министерство, и человек, который назначен вместо Ариэля Минасовича, показал мне письмо, поступившее месяца три или четыре назад. Знаете что в нем написано?! Какая-то чушь: «Атаев запугал учителей», «В техникуме не проводится никакой воспитательной работы», «Учителя грубы в обращении», «Растаскивается государственное добро» и еще что-то в этом роде. Не знаю, кто писал, но подонки — ни фамилии, ни имени не значится. К тому же отправил это письмо и по другим адресам...

— Чьи-то руки наверно зачесались,— ломающимся голосом произнес Аронбаев.— Как веревочке не виться...— Сказал он это, а сам подумал: «Вот! Ведь все знает! Знает, что анонимку эту писал я! Но только не скажет: «Ты написал! Называет кого-то подлецом, а ведь меня материт! Кажется, конечно и здесь! Что же теперь делать?»

— Вы правы. И я так сказал в министерстве. Говорю: приезжайте, смотрите, проверьте, что правда, а что — ложь. Заодно узнаете автора этих анонимок...

— Правильно сделали,— сказал Аронбаев, обессиленно садясь в кресло.— Правда всегда восторжествует...

— Да, правда всегда найдет себе дорогу. И виновник не останется безнаказанным,— добавил Атаев, пронизывая взглядом Зальмона Акиловича.— Но меня удивляет другое. Пришло письмо, написанное и на вас. Из милиции.— Услышав это, Аронбаев вскочил с места, как ошпаренный. Не отрывая от него глаз, директор продолжал: — В нем говорится, что вы попались при перепродаже цветов...

Наблюдая за тем, как нервно зажигает сигарету

Зальмон Акилович, Атаев припомнил, как они с Якубом — председателем месткома, поочередно навещали заболевшего на майские праздники Аронбаева и дважды не заставляли его дома. Тогда, помнится, жена его Соня говорила, что Зальмон только что ушел в поликлинику, а во второй раз — на чьи-то поминки...

— Но я думаю, что это недоразумение, — сказал ровным голосом Атаев, заметивший волнение Зальмона Акиловича. — Поскольку в это время вы болели, я еще раз посмотрел ваш «больничный листок». А потом, наверняка, вы не стали бы позорить звание учителя и заниматься спекуляцией.

— А как же, — буркнул Зальмон Акилович, пережевывая кончик сигареты. — Дайте мне это письмо... Я сам им напишу ответ... Это действительно какое-то недоразумение. Тогда я покупал цветы, — меня же схватили за некую «спекуляцию...»

— Так, говорите, да?... Значит, вы были во время своей «болезни» в другом городе? Разгуливали...

Атаев с брезгливостью отвернулся от вмятого в свое кресло Зальмона Акиловича: «Если ты сам таков, то кем станут твои ученики?! Горе-педагог!»

— Значит так... — Атаев посмотрел сквозь кустистые брови на Зальмона, — со следующей недели у нас в техникуме будет работать проверочная комиссия из министерства. Вопрос о вашем отпуске решим после проверки.

Атаев вышел, и в ту же секунду Зальмон Акилович схватился за голову и судорожно вздохнул: «Сегодня, сейчас же надо позаботиться о поездке в Израиль...»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ДЯДЯ ИСАК ОСТАЛСЯ В ОДИНОЧЕСТВЕ

Угощение «Иомми кипур» — «Главное, что я имею сказать, Аарон...» — Откуда произошло обрезаение? — Дядя Исак проклиная своих детей.

Старуха дяди Исака, тетя Сара, обещавшая скоро приехать, вернулась вечером только на пятнадцатые сутки. Она была толстой, низкорослой женщиной, которая при этом, как и все большегрудые женщины, ходила подавшись несколько вперед. Лицо ее было покрыто

тонкой сетью морщин, особенно резко обозначенных на лбу. Чувствовалось, что она давно уже не следит за собой, всецело занятая семьей, детьми, внуками, а потому выглядит старше своих шестидесяти почтенных лет. Дядя Исак давно привык к образу жизни своей старушки. Но сейчас, увидев ее состояние, он, не упускавший возможности повластвовать дома (хотя вне дома был тихим и покладистым), затосковал всем сердцем. Бедная старушка в заботе о своих внуках вовсе забыла о себе. Устала вконец, и об этой усталости говорили ее бесцветные глаза.

Правда, за это время и сам дядя Исак раза три навещал своего внука в больнице. Но, рассердившись на старуху (неужели нельзя было навесить замок на дом сына и забрать детей сюда?! Дескать, дух не должен погасать в живом доме. Нашла же слова!), ее он не навещал, не звонил по телефону. И даже когда звонила она, дядя Исак, буркнув: «Все в порядке» — швырял трубку.

«Эх, жалко, почтенный,— подумал дядя Исак про себя,— по крайней мере надо было хотя бы справиться о ее еде». Однако его беспокойство продолжалось недолго. В тот день самолетом вернулся его сын, и если дядя Исак обрадовался этому, то когда узнал, что и внук как будто ждал возвращения своего отца и выздоровел к его приезду, а теперь собирается навестить деда, радости старика не было конца. Второпях он тут же стал названивать дочерч. Приказал срочно ехать к ним,— есть важный, мол, разговор. Потом, напомнив жене, что сегодня у них иомми кипур¹, а стало быть, и готовить надо с этим расчетом, направился в синагогу.

Когда он вернулся после аривит — вечернего моления, все были дома.

Тетя Сара сидела во главе стола, совсем как в гостях, набросив на себя свой узорчатый платок. По двум ее сторонам расположились Самуэль и зять, внешность которого выдавала в нем человека желчного и жестокого — сухощавый, с пергаментным лицом и пронизывающим взглядом синих глаз, изредка покашливавший Аарон.

Только дядя Исак вошел во двор, как оказался в окружении внучат. Он вскидывал их наверх, целовал,

---

¹ И о м м и к и п у р — религиозный праздник евреев.

обнимал, тем временем его собственные дети с почтением вставали со своих мест.

Первым поздоровался Аарон. Он протянул руку и в то же мгновение в глазах его мелькнул и исчез хитрый огонек.

Самуэль же, круглолицый, крутолобый, с ясными глазами, обнимая его, пошутил:

— Крепок старик, крепок! Надо бы принести что-нибудь в жертву, чтобы не сглазить. И мы бы по этому поводу отъелись.

— Даст бог, все будет. Если вы сегодня согласитесь, и исполнится то, что я решил, то на следующей неделе будет все, что ты сказал.

Наблюдавший за ним Аарон спросил было: «А с чем согласиться?», но в это время вошла с нони мулайим — лепешками — Сусанна, и он замолк. Она поздоровалась со свекром, кладя обжигающие лепешки на стол, и сразу вслед за ней показалась похожая на свою мать Сару — пышнотелая дочь его Клара с одним из своих племянников. Дядя Исак взял на руки малыша, чем вызвал бурю среди остальных внучат...

Наконец, зажгли две свечи в двух подсвечниках. В их свете дядя Исак прочел молитву и все они сели за предсубботний ужин¹. Прежде чем отведать рыбу, посыпанную жареным чесноком и зеленью, по знаку дяди Исака в рюмки был налит шехор — домашний напиток. Он прочел про себя молитву, остальные же подняли за его здоровье. Когда подошел черед второй рюмки, дядя Исак совсем как в день седера, пасхи², не стал ограничиваться чтением молитвы, а стал просить бога о том, чтобы был восстановлен в будущем и город Иерусалим, и храм божий в нем. И перед третьей и четвертой³ рюмкой он что-то шептал про себя и, глядя на молодежь, которая желала друг другу здоровья, пронзал их своим ненавидящим ястребиным взглядом, склонив, как обычно, голову на бок.

После жареной рыбы принесли плов в мешочке⁴. В это время Аарон спросил дядю Исака:

---

¹ Предсубботний ужин — по древнееврейскому обычаю в субботу запрещено зажигать огонь, готовить пищу, переносить вещи, ездить и торговать, работать в поле, лечить и даже хоронить.

² С е д е р а — угощение на весенний религиозный праздник.

³ Обычно на день седера пьют четыре рюмки домашнего вина, сопровождая их чтением молитв.

⁴ П л о в в м е ш о ч к е — национальное блюдо бухарских евреев.

— Так за какое согласие вы хотите принести в жертву скотину? А потом, по какому случаю вы пьете четыре рюмки, хотя еще не праздник седера?

Дядя Исак хитро посмотрел на дотошного и мнительного зятка и сказал:

— Главное, что я имею тебе сказать, Аарон, сегодняшний день и для меня, и для вас дороже любых праздников,— а потом повернулся к сыну: — Как-то ты говорил с друзьями о хатне — об обрезании. Ну-ка, расскажи-ка и мне, а потом я отвечу на вопрос Аарона.

Раздраженный ярой религиозностью отца. Самуэль вдруг почувствовал интересную тему для разговора не только с отцом, но и со всеми, кто здесь сидит и, казалось, ожил. Но не сдержался и пошутил:

— Жена,— обратился он к Сусанне, дожевывая пищу.— Готовься. Кажется, у деда появились деньги. Завтра или послезавтра он заново освятит нашего сына¹.

Красивая, с тонкими чертами лица Сусанна посмотрела испуганными глазами на свекра и хотела было что-то сказать, но вдруг закусил губу. Дядя Исак, как обычно, склонив голову набок, уже что-то бурчал сыну:

— Балбес, когда ты научишься не переиначивать слова старших на шутки, а отвечать всерьез?! — и он отпихнул от себя тарелку с пищей. Самуэль, видя такой оборот, мгновенно посерьезнел.

«Если хочешь в чем-то убедить верующего, то нищи слова для воздействия в их же священных писаниях, и только ими можно бить верующих. Тогда не будешь в проигрыше»,— подумал Самуэль и нашел такие слова, которые должны были бы понравиться отцу:

— Мы, евреи, считаем, что обрезание присущий лишь нам обычай...

— Очень верно,— прервал его Аарон. Но в глазах его не было ни одобрения, ни осуждения, кроме бессмысленно буравящего взгляда. Обычно так глядят, когда считают своего собеседника человеком недалекого ума, но внешне этого не показывают.— Никто не станет этого отрицать. Разве станут отрицать это мусульмане, которые тоже приняли, как и евреи, обрезание в качестве религиозного обычая? — горячился он.— Не станут отрицать! Ведь их священная книга Коран написана,

---

¹ По еврейскому обычаю обрезание производится на восьмой день после рождения ребенка.

как известно, значительно позже нашей Торы. А. стало быть, обрезанию они научились у нас — евреев...

Постукивающий толстыми пальцами по столу, Самуэль выслушал зятя и, когда тот кончил, улыбнулся, покачал головой и продолжил свою речь. Аарон сверкнул глазами. Ему стало не по себе, что Самуэль оставил его слова без внимания.

— Мы считаем, что обрезание присуще только евреям. А тех, кто не придерживается этого обычая, мы считаем неверными. — Довольный словами зятя дядя Исак кивнул теперь головой и сыну. — Вот так Тора истолковывает этот обычай, данный Яхве евреям: в XVII главе Бытия говорится о том, как после возвращения Авраама — по-мусульмански — Ибрахима, из Египта бог потребовал в жертву хотя бы кусочек его плоти. Верно, папа?

— Верно! — засверкал глазами дядя Исак. — Все знаешь, совсем как отец, а!

Самуэль продолжал:

— Аврааму к тому времени было 99 лет. Так ведь говорится в Книге? — Дядя Исак удовлетворенно кивнул. — Пока он был в Египте, он понял религиозность этого обычая и способ его применения. А раз так, то можно ли считать, что этот обычай придумали евреи, и он принадлежит только им? Кстати, Геродот пишет, что и египтяне придерживались исстари этого обычая, а уже от них его переняли и финикийцы и абиссинцы. Если говорить словами Геродота, обрезание применялось египтянами из гигиенических соображений.

— Потому теперь медицина считает это полезным? — спросил дядя Исак, морща лоб от тени сомнения, наброшенной сыном на его священную книгу, но во всяком случае решив подтвердить свою правоту в вопросе, который и не каждому мулло под силу.

— Как вам сказать? — не понимая, к чему клонит отец, произнес Самуэль. — Вообще можно частично и согласиться с этим, — продолжил свою прежнюю мысль. — Обрезание, к тому же, отличало египтян от других народов. По последним историческим сведениям, обрезание стало обычаем две с половиной тысячи лет до нашей эры. Кстати, как появился этот обычай у египтян? По их источникам, они стали следовать в этом зверям и павианам, которые такими и рождаются.

Самуэль отодвинул от себя тарелку с пловом и, не смотря на все более хмурящегося отца, вдохновляясь,

весь отдался во власть своих мыслей. Он стал рассказывать историю обычая вплоть до наших дней. Даже французский ученый, историк-марксист Поль Лафарг, который жил в прошлом веке, писал об обрядах инициации в различных племенах. Так, в племени галлинос в Сьера-Леоне иницируют девушек, а в Новом Южном Уэльсе в одном из племен инициация заключается выбиванием одного из передних зубов, в другом — нареченный отец дает отпить своей крови посвящаемому.

— Как начнешь говорить, невозможно остановить, — сказала, вскинув тоненькие брови Сусанна, которая уже убирала со стола посуду. — И еще черт-те какие слова, пить кровь, вышибать зубы... Тошно становится, а приносится — и не проснешься.

— Ну так Самуэль — ученый, чуть ли не академик, — съязвил Аарон. Его задевало то, что, будучи даже директором огромной школы, он не знал то, о чем рассказал Самуэль.

— Вы сидите и спокойно беседуйте, — сказала тетя Сара, поправляя платок на голове. — Мне что-то нездоровится, немного отдохну.

— Сиди, — буркнул дядя Исак и зыркнул ястребиным взглядом. — Еще я не сказал того, что хотел. Я спросил одно, а твой бестолковый сын болтает уже совсем о другом.

Потом он хитро оглядел всех и, вдруг улыбнувшись, едва сдерживая волнение, произнес:

— Ягнята мои, я решил на благословенное дело. Разумеется, вы не оставите и меня, и мать одну. А если же подумаете о нас, то поедете все.

Родственники в недоумении посмотрели на дядю Исака.

— Куда, папа? — спросила, не выдержав, Клара.

— На священную землю, дочь, на святую — в Израиль!

— А?!

— Что?!

— Да, именно, ягнята мои, — сказал дядя Исак, и глаза его загорелись. Потом он вдруг приосанился, совсем как хоров, и молитвенным голосом произнес: — Каждый настоящий сын Израиля всегда мечтает достичь своей земли обетованной — Израиля. И я из таких. И вы, коль скоро мои дети — такие же. Теперь мы все поедем в Израиль! Вот почему я созвал вас и возжег свечи и угостил шехором.

— Отец,— сказал обиженный Самуэль,— вы сейчас говорите или пьяным языком своего шехора, или с чужого языка...

— Замолчи, болтун,— прервал его дядя Исак. — Когда говорит отец — дети молчат!

— Нет, а вправду,— сказал Аарон, вперившись в дядю Исака.— С какой стати вы решили, не спрашивая у нас, что мы все поедем в Израиль? Самуэль прав: вы говорите с чужих уст...

— Ложитесь, отдохните, папочка,— вставая и кряхтя, сказала тетя Сара.— Не морочьте попусту голову детям.

— Сядь на место! — гаркнул дядя Исак. — Ты что, считаешь, что я рехнулся! — Один из его внуков, сидевших в углу комнаты, от крика расплакался.— Клара! Иди забери их, им пора спать! Пусть не мешают!

Клара, совсем не по возрасту, тяжело встала с места и только поплелась было к детям, как из кухни вышла Сусанна, мывшая посуду, и сама забрала детишек в другую комнату. Тем временем дядя Исак, придя в себя, продолжал ровным и спокойным голосом:

— Правда, как вы сказали, это раньше мне не приходило в голову. Главное, что я имею вам сказать, я был слеп. Две недели тому назад я поговорил с одним иностранцем, приехавшим в Ташкент, и глаза мои раскрылись. Он рассказал мне такие вещи о нашей святой земле Израиле, ах-ах! Я рот разинул. Там могут быть даже наши родственники. А еще он может после переезда в Израиль стать мне хоровом.

— Ах, вон оно в чем дело,— сказал, усмехнувшись, Самуэль,— значит, хотите стать хоровом.— Потом спросил серьезно:— Вы не спрашивали имя и фамилию того самого иностранца? Каков он из себя?

— Имя? — Дядя Исак стал жеманным как ребенок.— Имя его «Благовестник». Такой же, как и мы, человек, если не считать, что одет он предстательно...

— «Благовестник». Он не похож на хорошего человека,— произнес неожиданно Аарон, которого вдруг осенила догадка Самуэля.— Он настоящий заговорщик. Расскажите-ка про его внешность. Надо бы сообщить в милицию.

— Да, надо, не то старик...— начала было тетя Сара.

— Что?! — глаза дяди Исака чуть не выскочили из орбит.— Вы еще такого человека... Ничего не скажу!

Лучше говорите вы, Самуэль, Аарон, Клара. Вы поедете с нами в Израиль или нет?

— Бросьте эти глупые слова, отец,— рассердился Аарон.— Только дураки покидают родные места...

Дядя Исак прервал его:

— Не хочешь — не надо! Ведь ты — всего-навсего зять! Но мои дети поедут! И Клара!

— Я не брошу ни мужа, ни детей и ни в какой Израиль не поеду,— покраснела Клара.

— И я никуда не поеду! И вас не пущу! — подтвердил разгоряченный Самуэль.— Лучше скажите имя этого «зловестника»!

— Видно и впрямь старик рехнулся,— заключила тетя Сара, встав из-за стола.— Еще не остыла могила похороненного сына, а он уже...— Заплакав, она ушла в детскую.

И вдруг крик дяди Исака прорезал тишину, нависшую над столом:

— Вон с моих глаз! Чтобы ног ваших не было здесь! Проклинаю всех вас!

— К чему эти слова, бабай?!

— Вон! Нет у меня сына, отцеубийца! Будьте прокляты все!

И, оставив всех в оцепенении, дядя Исак вошел в свою спальню и заперся изнутри...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

КАЖЕТСЯ, НАШЕЛСЯ КОНЕЦ НИТИ...

Господин лекарь. — Тетя Сара жалуется. — Загадочное письмо.

Маленькая комнатка. Окно, выходящее на улицу, открыто. Но оттого, что два окна на восточной стороне занавешаны, в комнате полумрак. Душно. В углу, куда падает свет из открытого окна, фигурный столик. На нем вентилятор, который в народе зовется «подхалимом». Он, как обиженный человек, повернут в сторону стенки и не работает. В середине комнаты два стола, поставленные буквой «Т». На них красная скатерть. У нижнего стола расставлены стулья. У окна два мягких диван-кресла. На верхнем столе мраморная урна для карандашей. Рядом с ней чудесная статуэтка — два бо-

гатыря, схватив друг друга, пытаются свалить и упираются. Слева от нее — телефон. Рядом с ним металлический чайник.

Атаев, давно сидящий в этой комнате, почти незаметен. Лишь надвинутая уголком тюбетейка слегка выпирает из темноты. Пальцы его выстукивают какую-то дробь. С него течет ручьями пот. А он не замечает этого. Перед ним в пиалке остывший чай. Взгляд рассеян.

Есть причины расстраиваться Атаеву. Уже несколько дней он не может разобраться ни в причинах болезни Изи, ни в словах Зальмона о том, что «Якуб собирается в Израиль». Правда, в тот же день он пошел к Якубу, чтобы увидеть Изю и разрешить «загадку». Посидел, поговорил с Изей. Потом начал издалека разговор с Якубом. Услышав слово «Израиль», Изя оцепенел, потом побледнел. Но отвечать Атаеву не стал. И лишь глаза его беспомощно смотрели на богатыря...

Когда же он говорил с Якубом, то произошло обратное. Узбекхан-ака лишь упомянул слова Зальмона, как Якуб вскипел: «Неужели вы не знаете меня, неужели вы не верите мне?» Более того, он обиделся на Атаева и несколько дней не разговаривал с ним вовсе...

Атаев вспоминал это и ему припомнилось, как он отчитывал Якуба в день, когда слег Изя, как на следующее утро пошел навещать его и не смог увидеться с сыном. В тот день, когда Якуб слушал змеиную речь Гольдмана, Атаев, верный своему обещанию, несмотря на поздний час, пришел к Якубу домой. Он беседовал с Изей о том о сем, вспомнил Мошу Товбиса и засиделся. Атаев уходил, не понимая смятения Изи в те минуты, когда речь заходила о его болезни, а также удивленный тем, что Якуб, обещавший Изе на минутку встретиться с одним человеком, а потом забежать за хлебом и вернуться, до сих пор не пришел...

Потом Якуб сам подошел к Атаеву и попросил прощения, что задержался. Тогда ему показалось, Якуб что-то скрывает, но, решив, что когда-нибудь он расскажет сам, Атаев промолчал. Сколько времени прошло с тех пор?

Изя почти выздоровел. И если не считать, что Якуб стал молчаливей, то и он не изменился: как и прежде допоздна занят своими воспитанниками.

«Но это,— думал Атаев,— только внешний вид. Что же творится с ними? Вот что надо узнать. Даже Рита не может ничего сказать путного про Якуба. Кстати, она

заметила, что, когда слег Изя, он все отводил глаза от Якуба, а теперь смотрит, не отрываясь... Странно!... Может, что-то произошло между отцом и сынком? Словом, есть во всем этом какая-то загадка. Кто может ее отгадать? Только Изя и Якуб...»

В это время дверь с шумом распахнулась и вошел человек, похожий на армянина, только с завитушками на щеках и в пенсне, держа в руке круглую сумку.

— Здравствуйте,— сказал он на чистом узбекском языке, ставя сумку возле стола,— простите, я на несколько минут. Важное дело,— он показал указательным пальцем вверх,— по поводу здоровья одного человека: вернее даже вопроса о жизни и смерти.— Он распрямился и направился в сторону Атаева, который встал навстречу.— Если не ошибаюсь, вы директор техникума Узбекхан Атаев? Не смотрите на меня так пристально,— сказал он, протягивая руку.— Сейчас я назову себя вам. Все меня считают армянином. Но это неправда. Я настоящий еврей. Чистокровный. Все мои предки были евреями. Но я нарушил обычай и выдал свою старшую дочь за корейца. Что поделаешь, если они полюбили друг дружку. Итак, зовут меня Александр Леви. Я инвалид Великой Отечественной войны. Я личный врач Изи Товбиса, или, говоря его языком, «Господин Лекарь». Что еще рассказать?

— Ах, вон оно что, так и сказали бы! — рассмеялся Атаев: сколько он ни говорил с Изей, всякий раз слышал об умелом, веселом, золотой души участковом враче — докторе Леви. Об его странных привычках, смеясь, рассказывала Рита.

Атаев пригласил сесть «Господина Лекаря» и раздвинул шторы. Комната наполнилась светом, повеяло свежестью. Ободренный свежестью, Атаев улыбнулся и обернулся к доктору Леви:

— Смотрите, на улице свежесть, а я же, чтобы здесь было прохладно, держу комнату занавешанной.— Затем пошутил:— Если бы вы не познакомили меня с собой, то ломал бы голову...

— Нет, нет, не ломайте голову по пустякам,— ответил Леви.— Испортите себе нервы, как Изя.

Атаев мгновенно стал серьезным.

— Нервы! Кстати, Изя...

— Изя,— перебил его доктор,— ей-богу, как пень, внешне крепок, а то, что внутри — не хочет высказывать. А потому,— он опять возвел указательный па-

лец,— понадобилась ваша помощь, поскольку вы, оказывается, хорошо знаете книгу его судьбы.— Он большими шагами обошел стол и, садясь напротив Атаева, бросил взгляд на чайник: — Товарищ директор, дайте глоток чая. Трудно говорить о себе,— испытано не раз,— аж в горле запершило.

Леви отпил чая и опять приготовился было что-то сказать, как из-за двери послышался женский голос: «Я все равно зайду к директору» — и недовольное бурчание дяди Исака. И в ту же минуту в кабинет ворвалась тетя Сара, а следом за ней взбешенный дядя Исак.

— Почтенный товарищ директор, я говорю, у вас дел много, она не слушает...

— Ничего подобного,— сказала тетя Сара.— Ты сказал, если я пожалуюсь директору, то на порог, мол, не пустишь. Уважаемый,— обратилась она к Атаеву,— поговорите с моим стариком, образуйте его.

— Хорошо, хорошо, сестра! Садитесь. Успокойтесь. Вот так. Понейте чая, а потом уже рассказывайте в чем дело. Сегодня вечером хотел зайти к вам, у меня припасена для вас хорошая новость. Дядя Исак, чего вы встали у двери? Садитесь же!

Дядя Исак бросил взгляд исподлобья и буркнул:

— Посту совсем быть пустым...

— Вот видите, уважаемый,— подхватила тетя Сара,— что он говорит в ответ на ваши слова, что хотите сегодня зайти к нам? Что-то случилось с моим стариком, кажется, кто-то скормил его ослиные мозги.— Тетя Сара, расчувствовавшись, расплакалась.— Целую неделю уже...

— В чем дело, дядя Исак, что случилось? — Атаев снял привычно тубетейку, пощелкал по ней пальцем и опять надел ее углом вперед.— Что-то вы сильно обидели тетю Сару.

— Э-э, какой там обидел. В-он опять пустилась в слезы.

— Болезнь плача проявляется от сильной обиды, когда сдают нервы,— улыбнулся доктор.— И ваша болезнь...

— Правда,— сказала тетя Сара, протирая глаза платочком,— за эту неделю сердце мое чуть не треснуло от тоски.

— Не горюйте, тетя Сара, все обойдется. Есть радостная весть, про которую я вам хотел сказать — дядя Исак выходит со следующего месяца в отпуск

и Якубджан обговорил вопрос о двух путевках в санаторий для вас.

— Не знаю, как и благодарить вас за заботу,— сказала тетя Сара.— И в прошлом году помогли, сначала с больницей, а потом с отдыхом...

За что любили Атаева и техникумовцы и их семьи, так это за то, что два-три раза в год он обязательно навещал их дома. Кого поздравит накануне Нового года, кого с окончанием года учебного, где узнает о нехватке угля на зиму, где — о непорядках в быту. Во всем он старался помочь, и эта черта стала уже натурой директора техникума. «У некоторых мужчин есть дурная привычка, — говорил Атаев, — придет домой — пища уже на столе, одежда поглажена и ладно, другое его не волнует. Но только жена заведет речь о том, чего не хватает, как он, если и выслушает, тут же забывает. С такими надо держать ухо востро». Среди этих «некоторых мужчин» Атаев имел в виду и дядю Исака...

Помнится, зашел Атаев к дяде Исаку летним днем, а тетя Сара лежит с температурой, еле жива. Ах, старик... Взял и ушел в канесо, дескать: «Вы, старухи, сорокажилыны, и с тобой ничего не случится», Атаеву пришлось вызывать «Скорую», ехать самому в больницу. А после выписки отправил тетю Сару в санаторий по путевке... Об этом она и напоминала сейчас...

— Почтенный,— взмолился дядя Исак,— старуха моя совсем здорова. Только плачет. А это проходит. Так что путевки ни к чему.

— Интересный вы человек,— сказал рассерженно доктор Леви.— Надо предупреждать всякую болезнь. А болезни сердца, да будет вам известно, начинаются именно с такого нервного плача.

— Простите, а кто вы сами будете? — спросил дядя Исак, глядя на доктора исподлобья.

— Доктор. Специалист по нервным расстройствам.

— Дохтур,— сказала тетя Сара,— просьба, посмотрите хорошенько на моего старика. Месяц, как он собрал детей, невесток, зятей, внуков и вдруг объявил всем, что все «поедут с ним в Израиль». Когда никто из них не согласился, он стал пугать их проклятиями. С того дня, как этот проклятый Зальмон пришел к нам хвалиться, что едет в Израиль и сбил с пути старика, а ведь поделом ему,— обратилась она вдруг к дяде Исаку,— ведь на завтрашний же день после этого и Зальмону, и его жене Соне пришла повестка в суд за спекуляцию,— с тех пор

он молчит, как будто воды в рот набрал — не разговаривает ни со мной, ни с детьми. Только и бормочет проклятья, мол, «вы меня сравнивали с землей, будьте прокляты на том и этом свете»...

— Ты кончила? — спросил со злостью дядя Исак и, путая узбекские слова с бухарскими, уже обратился к Атаеву, — почтенный, в ее словах нет правды. Все это ложь...

— Ложь? — воскликнула тетя Сара, направляясь к Атаеву. Она знала, что ее муж перед чужими прикидывался овечкой, а потому всегда при чужих брала верх, хотя и помнила, что, придя домой, не только выслушает проклятья, но может испытать и битье. — Сейчас справимся у Самуэля. Вот тогда и скажешь перед всеми, кто же этот «Благовестник», который сбил тебя с пути...

Дядя Исак залепетал:

— Все, все. Вся твоя правда. Только этот «Благовестник» ложь, — и, подбежав к жене, вырвал из ее рук трубку и положил на рычаг.

— «Благовестник», говорите?! Интересно! — воскликнул Леви и, вскочив с места, стал рыться в своей записной книжке.

Только Атаев оставался неподвижен. Постукивая пальцем по столу, он думал: «Вон оно что... Стало быть, сам Зальмон намеревался уехать в Израиль, а пустил сплетню про Якуба... И с работы ушел вон, оказывается, зачем...»

— Дядя Исак, кто же такой «Благовестник»? — спросил Атаев таким тоном, что дядя Исак опешил.

— «Благовестник»? Да... так... скиталец... один, нет, знакомый просто...

— Нашел! — сказал доктор, перестав листать записную книжку. — Но здесь написано иначе: «Проклятый Благовестник».

— Говорите, написано? Где-то в газете или журнале? — удивился Атаев.

— Э, нет! В записной книжке. Словом, товарищ Атаев, и причина моего прихода сюда именно в этих словах. Одно лишь добавление. Вы, гражданин. — он посмотрел поверх пенсне на дядю Исака, — сказали, что этот «Благовестник» ваш знакомый, не так ли? Вы не могли бы рассказать мне, кто он, чем занимается?

— Я такого человека не знаю, — опешил дядя Исак.

— Но только что вы сказали, что он вам знакомый.

— Вылетело, сам не знаю.

— Значит, вы, гражданин, против того, чтобы выздоровел тяжелобольной отец сотрудника вашего техникума Якуба Товбиса — Изя Товбис. Так и запишу в книжку. — Доктор стал копаться в боковом кармане и достал авторучку. Затем стал что-то записывать: — Дядя Исак, в присутствии директора Атаева... в техникуме...

Растерявшись вконец, дядя Исак заерзал на месте. Потом, как баран, который решил бодаться, подался головой вперед, стараясь заглянуть в записную книжку доктора:

— Боже! Это мы против выздоровления Изя?!

— Так точно! — кончил записывать доктор и, взяв пенсне в руки, посмотрел на него круглыми глазами. — Поскольку вы прячете сведения, нужные мне, чтобы поставить правильный диагноз болезни Изя... Вы сами к тому же — причина того, что ваша жена может заболеть из-за нервного расстройства. Это я буду вынужден сказать врачу тети Сары.

— Сделайте это, милый, — поддержала тетя Сара, — авось и старика моего вылечат.

— О, господи! Опозорил нас... И хватит вам говорить о «Благовестнике?».. — Дядя Исак путано обрисовал «Благовестника». Хотя скрыл, что он был иностранцем, но признался и в том, что сам собирался в Израиль. Тем временем тетя Сара несколько раз «отправила в могилу» этого самого «Благовестника», нарушившего покой ее старика. Дядя Исак же успокоил жену, пообещав впредь никогда не говорить об Израиле... Потом попросил Леви порвать свои записи.

— Ну вот, а вы, — улыбнулся Леви, протирая пенсне. — А насчет написанного не бойтесь. — Леви вырвал листок из записной книжки и разорвал на мелкие куски. Потом вынул из кармана красную тряпочку, в которую была обернута печать и, написав на бланке что-то, протянул тете Саре. — Это вам рецепт. После приема пищи полчаса лежать. А это, — он вынул из кармана несколько таблеток, — когда вам вдруг захочется плакать.

Затем «Господин лекарь», не глядя на дядю Исака, который теперь не знал то ли сердиться, то ли радоваться такому исходу дела, продиктованному хитроумным доктором, обратился опять к Атаеву.

— Итак, товарищ Атаев, впервые имя этого «Благовестника» я услышал месяц тому назад, когда Изя слег

и в бреду назвал его «Проклятым Благовестником». Думал, пригодится при диагнозе и записал в книжку. Три дня тому назад я нашел у стола Изи разорванные клочки бумаги, вернее, письма. Склеил их и получилось странное сочетание слов. Я много разговаривал с Якубом об его отце, но он хуже Изи, то есть молчаливей. Рита же, — он продолжал обиженным тоном, — говорит, что ничего не знает. Так спокойнее. Словом, некому помочь бедному доктору. Вот тогда-то я и подумал, что с этими клочками письма можете мне вы. Ведь, насколько мне известно, вы самый близкий человек Изи. Стало быть, знаете все его нутро. Вот это латаное письмо. — Он протянул записную книжку Атаеву. — Написано на иврите, то есть на еврейском языке. Внизу перевод на узбекский. Это я приписал. Хорошо, если бы вы разъяснили мне хоть что-нибудь.

Атаев, держа книжку на расстоянии, пробежал глазами по каким-то клочкам слов. Потом стал читать вслух:

...сли не... равишь... ына... Як... с жено... аиль... не дам... жизни... А сыну тво... дам зна... предат... В соотвеств... сообще... .. знаком... Польше...

«Благ... вест...» посла...:

Цира Р... тейн.

... иль, июнь.

Атаев задумался над письмом. Потом вернул книжку доктору и, отряхнув тюбетейку, надвинул ее на лоб.

— Смысла не понял. Но, похоже, оно из-за границы.

— Отлично! — Леви привстал. — И я подумал именно так. Три дня разгадывал и, кажется, что-то прояснил. Словом, в первых строках написано: «Если не отправишь сына Якуба с женой в Израиль, не дам тебе жизни». А вот следующие строчки я не разобрал. Во всяком случае ясно, что речь идет о каком-то предательстве. Но не понятно причем здесь Польша. А «Благ...вест...» ясно что и есть «Благовестник». Последнее — это время и место написания письма, вместе с именем отправителя.

Дядя Исак, глядевший то на Атаева, то на доктора, вдруг вымолвил, сам того не заметив:

— «Благовестник» говорил, мы родом из Польши, а потом из Америки... — и тут же прикусил язык. А тетя Сара не преминула тут же ушипнуть старика:

— Ах, старый негодяй, ты еще пляшешь под дудку иностранцев?

— Ясно, — сказал Атаев. — Стало быть, причиной и болезни Изи, и изменения Якуба явилось это письмо. Или же... «Благовестник» встречался с ними? Дядя Исак, вы не знаете об этом ничего?

— Нет, — сказал дядя Исак, уставившись в землю.

— Жалко, — вздохнул Атаев, вставая с места и скрестив сзади руки, стал ходить по комнате.

— Товарищ Атаев, — кивнул Леви. — А у Изи нет за границей родни или, скажем, жены?

— Вы, наверное, имеете в виду фамилию в конце письма? — спросил Атаев, останавливаясь напротив доктора. — Доктор кивнул в знак согласия. — «Цира Р...тейн» — это Цира Раунштейн. Она жена Изи — мать Якуба. Но она умерла... — Атаев сказал это и задумался. Затем продолжил: — По словам Изи и по словам Моши, его дяди, а они никогда в жизни не говорили неправды, когда родился Якуб, Цира умерла. Видимо, в подписи под письмом какое-то недоразумение. А может быть... пользуются подписью покойной, чтобы отозвать Якуба в Израиль. Что же касается родни, то о ней я никогда не слышал ни слова. — «Господин Лекарь» перестал что-то записывать в книжку и встал.

— Чтобы поставить диагноз Изе, мне достаточно и этих сведений. Я не ошибся, когда сказал, что он перенервничал. Нобылазагадка — почему он перенервничал. А теперь все стало, кажется, ясным. Таким образом, нарушивший покой семьи Изи и дяди Исака «Благовестник» — есть не кто иной, как отъявленный сионист, проникший к нам под какой-нибудь благовидной маской, или же тип, пляшущий под дудку сионистов. Он написал письмо Изе и, видимо, даже встречался с ним и не дает ему покоя... Ну хорошо, пойду-ка к своему пациенту. — Доктор встал с места.

Дядя Исак, будто бы вдруг опомнившись, со словами: «Опозорил, на посту никого ведь!» — бросился к двери, а следом за ним, попрощавшись, засеменила и тетя Сара.

Проводив «Господина Лекаря» до двери, Атаев попрощался и, пожимая ему руку, сказал:

— Спасибо вам! Вы мне помогли найти начало этого запутанного узла...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ХОЗЯЕВА И ГОСТИ

Самуэль. — Дядя Исак спустился на землю. — Искатели «Земли обетованной». — Одноклассники. — Просьба Самуэля.

Черная туча, которую к вечеру примчал с запада шумный ветер, укрыла собою все небо. Дома, важно стоявшие под солнцем, вдруг, показалось, осели, стали печальны и тихи. Сколько ни смотри, а в них не было ни проблеска. Особенно же в неровных, как горбы верблюда, глинобитных домах в «Старом городе». Посмотришь на них и замирает сердце: все, кажется, вот-вот обрушатся и погребут тебя под собой. Когда же загораются лампочки на столбах, взгляду предстает еще более жалкая картина: чуть не валяющиеся, подпертые подпорками кривые стены, кое-где — и это заметно невооруженным глазом — слегка подновленные бетонным фундаментом со стороны улицы, так, напоказ...

Якуб остановился на мгновение и подумал: «А ведь эти дома похожи на людей, которые поплачутся, а потом начинают беззубо улыбаться». И, взглянув на бегущих от дождя людей, на дувалы и эти жалкие дома, завернул в переулок. Пройдя немного, он остановился у калитки дома, покрытого шифером и нажал на кнопку звонка.

— Э, добро пожаловать, добро пожаловать! — встретил его раскрытыми объятиями Самуэль. — Ну вот и наступил день, когда нам довелось вас увидеть. Ну-ка, ну-ка проходите, Якубджан. Нет-нет, переступите порог, а потом не только здороваться, обниматься будем...

С этими словами хозяин дома пожал протянутую для рукопожатия руку Якуба и стал обнимать и целовать, похлопывая по плечу. Потом, не давая ему сказать и слова, проговорил: «Как мне не по нутру то, что старик наш сделал канесо своим домом, так будет не по нутру и тот чай, который вы оставите мне, если не пошьете со мной»... — и повел опешившего Якуба в сторуону дома.

— Самуэль-ака, значит... — начал было Якуб, но, не закончив, пошел вслед за ним, невольно улыбаясь. А улыбался он, вспоминая тот прошлогодний случай, когда в техникуме торжественно провожали на пенсию отработавшего почти двадцать лет электромонтером дя-

дю Исака и уборщицу тетю Сару. Тогда Атаев познакомил всех с родственниками юбиляров и только о Самуэле, то ли из-за его скромности, то ли по какой другой причине, сказал лишь, что он один из известных физиков республики. Когда преподаватели техникума узнали после вечера, что больше всех веселившийся и заводивший всех своими шутками и анекдотами Самуэль — доктор физико-математических наук, профессор, к тому же кандидат технических наук, директор одного из крупных предприятий, они чуть не попадали. Атаев же, смеясь, заметил: «Руководитель и должен быть таким. Скромность, человечность украшают руководителя. Такой руководитель пойдет далеко. Но тот не руководитель, кто, только лишь сев в кресло, тут же отрывается от людей, считая себя умнее и выше всех. Это чинуша, думающий только о собственном благополучии. Он похож на страуса, который прячет голову и думает, что его никто не видит. А все всё видят».

Вот тогда Якуб оценил и Самуэля, и Атаева, не сказавшего о должности гостя, чтобы никого не смущать...

Якуб, войдя в комнату, увидел тетю Сару, лежащую в постели и, направляясь к ней, после приветствия протянул две путевки, говоря: «Одна для дяди Исака».

— Хорошо, что вы есть, дети, — всплакнув, произнесла тетя Сара. — А то жива ли ты, умерла ли, никакого дела ему нет. Не знаю, как благодарить вас и Атаева — директора за то, что не забыли какую-то уборщицу, да еще ушедшую на пенсию... И в прошлом году, когда так же опухли ноги, бедный Самуэль еле упросил меня поехать в санаторий на лечение. А я не согласилась. Но вы...

— Хорошо, что напомнили, — сказал, улыбаясь Якуб. — А то, как и в прошлом году, пробыв всего неделию...

— Э-э, да что говорить, все время думала, как тут мой старик. Какой уж там отдых. А теперь, так уж и быть, хоть год проживу. Дядя ваш совсем извел меня за эти три месяца. — Тетя Сара опять всплакнула. — Не знаю, свихнулся, что ли, на старости?.. Раньше ходил в канесо изредка, а как вышел на пенсию, почти ночует там. А придет домой, так, понимает или не понимает, все нашептывает какие-то молитвы из старых книг...

«Сердцем еврей, привычками узбек... Когда ваш почтенный слуга еще не успел родиться...» — с этими сло-

вами из кухни вышел Самуэль и внезапно остановился. Потом взглянул на мать и укоризненно повел головой:

— Эх, мама, мама! Ни меня не слушаете, ни врача... Если будете так расстраиваться, то... — Он поставил чайник на блюдечко и посмотрел на Якуба. — Ноги старушки опухли. От нервов... Старики были в молодости Тахиром и Зухрой, Ромео и Джульеттой, а в старости между ними словно кошка пробежала. Я вам хочу сказать, друг мой Якуб, — Самуэль подмигнул правым глазом, наливая чай. — Старик стал теперь Юсуфом — Иосифом, а старушка — Зулейхой. Я предлагаю им переехать к нам, чтобы внуки служили им судьями, а старик упрямится, не хочет расставаться с двором. Я говорю старушке: выберите себе доброго молодца из современных старичков, но и она...

— Ох, сынок, ну и шутки же у тебя, — улыбнулась тетя Сара. — Когда он опаздывает на полчаса, то я не знаю куда себя деть. Думаю, то ли под машину попал, то ли еще что...

— Вот видите, дружище, начнете им советовать, они же станут вас обвинять, — сказал Самуэль, протягивая пиалку с чаем матери. — Ну-ка, Якубджан, садитесь к столу поближе, отведайте лепешек. — Он разломал лепешки, вынесенные женой Сусанной, которая поздоровалась с Якубом, — сам пек, специально для гостей. Нет, нет, не ешьте просто лепешку, ешьте с вареньем. И его готовил я сам...

Спустя минуту весь стол был уставлен «жареным, пареным», «приготовленным» Самуэлем.

После того, как Якуб выпил пиалку чая, он попросил разрешения встать из-за стола.

— Хоть и воспитывались вы в узбекской семье, а не знаете поговорки о том, что гость, хоть и приходит по своему усмотрению, уходит он всегда по усмотрению хозяина, — как бы подшучивая, сказал Самуэль. Но потом стал вдруг серьезным. — И дядю Мошу потеряли. Я был в командировке и совсем не знал...

— Золотым человеком был Моша, — вступила в разговор тетя Сара. — И я в то время болела, поэтому не обессудьте. Кстати, я слышала, что он умер прямо на кладбище. Это правда?

— Да, — сказал, тяжело вздыхая, Якуб. — Несмотря на болезнь, на холод, решил навестить могилу Олеси и настоял на своем. И все мы, отец, Атаев, я — вынуж-

дены были пойти с ним на кладбище. Там он и скончался, обняв надгробие...

— Да, человек не ведает, что случится с ним завтра, — сказала печально тетя Сара. — Но вот удивляешься некоторым. Какая им польза от того, что в этом мире обижают кого-то. Вот один из таких — ваш дядя Исак... Я-то ладно, но вот детей зачем обижать?..

Самуэль взглянул на мать, видимо, испугавшись ее плача, быстро сказал:

— Нет, дядя Моша нашел счастливую смерть. Не каждый остается таким преданным своей жене. — Потом, глядя на Якуба, задумчиво продолжил: — Хорошо, что вы пришли. Давно я сам хотел встретиться или с вами, или с Атаевым. Только со временем никак не получалось... Ну вот вы и сами услышали жалобу старушки на старика...

И Самуэль рассказал о том, как несколько недель назад дядя Исак собрал весь свой род и объявил, что собирается в Израиль, о своей встрече с неким «Благовестником».

Якуб только было начал: «Я этого «Благовестника...» — но в это время, ворча, во двор вошел дядя Исак. Он хотел сказать что-то сыну, но, увидев Якуба, посмотрел на него своим ястребиным взглядом:

— Э-э, все в порядке ли, Якуб? Вы пришли, оказывается, а нас нет. Мы были в канесо, — и он подбежал к Якубу, схватил его за руку.

Якуб еще не успел поздороваться с ним, как кто-то постучался в калитку. Самуэль удивленно встал и дядя Исак приказал:

— Не шевелись! Сиди на месте. В такое время хорошие люди не ходят. А если и ходят, то не вламываются в дверь, — и, задумавшись, прибавил: — Может быть, это те, с кем я спорил в канесо. Пришли просить прощения. Хорошенько выслушай, — сказал он, хмуро глядя на сына, — независимо от того, кто это, пока сам не скажу, чаю не будешь давать. — Калитку пошел открывать сам дядя Исак. Якуб увидел стоящего на пороге с глиняным обломком в руках Зальмона Акиловича... Тот, улыбаясь, произнес: «Э, разве дверь открыта?..» — и споткнулся о порог. Хорошо, дядя Исак подержал его, не то он грохнулся бы.

— Разве можно так поднимать порог, а, бабай? — Зальмон Акилович обернулся и сплюнул. И в то же время с криком «Вай!» там показалась женщина. —

Уже и прибежала? — буркнул Зальмон. — Я ведь просил тебя прибраться в доме.

— Ты будешь прощаться, а я что, уеду, не заглянув к соседям? Ведь столько лет прожили рядышком, всего за три дома... как бы не так!.. — прожужжала эта женщина и продолжила: — Добрый вечер, дядя Исак! Как вы? Забежали вот на минутку, попрощаться с вами и с тетей Сарой...

Аронбаев, встав на цыпочки, прошептал что-то на ухо дяде Исаку и тот, скривив шею, посмотрел исподлобья на соседа и вдруг расцвел:

— Правда? Ну-ка, ну-ка, прошу вас. Эй, Сара, Сусанна, встречайте дорогих гостей. — И тут же повел их к столу.

Женщина потянула было мужа за рукав:

— Дядя Исак, мы прощаемся здесь, не утруждайте их, — но муж, не обращая внимания на слова, вихляя своим толстым телом, пошел следом за дядей Исаком.

— Якуб, — сказал дядя Исак, взволнованно переставляя стулья, — Самуэль с детства дружит с нашим соседом Зальмоном Акиловичем. Зальмон Акилович, Со-нечка, садитесь, будете дорогими гостями.

Соседи горячо поздоровались со всеми, кроме Якуба. Якуб усмехнулся про себя их высокомерию. Он видел Зальмона Акиловича впервые, не считая той встречи, когда в техникум засылали комиссию за комиссией. Тогда все дело повернулось не так, как замышлял Аронбаев. Факты, указанные в анонимке, не подтвердились. И даже напротив, нашли, что анонимки писал Аронбаев. К тому же, в министерство пришло письмо о спекуляции цветами и в конце концов Аронбаев был отстранен от должности заместителя директора. Его вопрос должен был рассматриваться в министерстве. Тогда и директор Атаев, и парторганизация техникума, учитывая, что Аронбаев осознал свою вину и обещал «впредь никогда подобного не повторять», еще раз протянули ему руку помощи. После долгих словопрений добились, чтобы вопрос об Аронбаеве был рассмотрен не в министерстве, а в техникуме. Только после этого рассмотрения оставили его простым преподавателем. Но Аронбаев, как только ушла комиссия и затихло дело, внезапно подал заявление об уходе...

— Все, оказывается, в сборе, — сказал Зальмон, садясь рядом со своим другом. — Хорошо, что не при-

гласил дядю Исака вместе с другими гостями к себе — дом бы мой не вместил...

— Ты пытаешься свести все на шутку, — усмехнулся Самуэль, и сделал знак торопившемуся уйти Якубу, чтобы тот посидел еще минутку. — У тебя есть участок, и, несмотря на это, жена твоя получила на работе пятикомнатную квартиру на троих. И все равно ты дожидаться еще одной квартиры. Поэтому и не выезжаешь с этого двора. Нет, дружище, не двор твой тесный, а душа. Каким ты был в детстве, таким скопидомом и остался.

— Как бы не так, ха-ха-ха! — Зальмон, обхватив руками свой отвислый живот, от души расхохотался. — Никакой я не скопидом. Да и душа у меня не тесна. Вот, принес бутылку коньяка, чтобы уважить дядю Исака. Если бы знал, что вы дома, принес бы побольше. — и он вынул из кармана чекушку.

— Ну ты даешь! — рассмеялся Самуэль, беря бутылочку в руки. — Говорю, что скупердьяй, а ты не веришь. В чекушку коньяка налил водки. Хотя бы наполнил доверху! Смотри, еле-еле до половины. — Он показал остальным бутылочку. — На, положи в карман, авось пригодится на черный день. А сейчас я тебе сполна...

— Прекрати, — сказал, наклонив голову и глядя исподлобья, дядя Исак. Потом испуганно поглядел на Якуба и продолжил: — Потом сам... гм... попробуй попутешествовать, тогда посмотрим каким станешь ты...

— Какое путешествие? Ничего не понимаю, — Самуэль посмотрел на Зальмона. — Куда ты собираешься. Опять, что ли, сменил место работы?

— Да, дружище, — сказал тот, хитро подмигивая и подергивая усиками, — меняю работу, ушел из техникума, чтобы такие, как Якуб, там работали. — Он хмуро бросил взгляд на Якуба и тут же, не дожидаясь ответа, продолжил: — Но не только работу меняю, меняю и место жительства. Уезжаем в Израиль. К брату — Аврааму. Получил от него письмо. Он там стал миллионером....

— Ой-ой-ой, так быстро? — как бы удивленно спросил Самуэль, но по тону, с которым он это сказал, чувствовалось, что он иронизирует. — Ведь не прошло еще и трех лет. Ой-ой-ой. Постой-постой. Ты ведь всегда с братом был на ножах. С каких это пор он стал звать тебя к себе?

Самуэль вспоминал теперь, как года три назад, придя вот так же навестить своих стариков, он оказался свиде-

телем страшного скандала во дворе Зальмона. Тогда Зальмон с Авраамом душили друг друга у ворот, а жена его, Соня, с диким воплем носилась по улице. Самуэль разнял их и, как узнал потом, Авраам пугал, оказывается, своего брата тем, что сообщит в милицию о его поездках, поскольку тот не делился ничем с братом, и запуганный Зальмон был вынужден ему давать время от времени деньги. И в тот день он пришел за деньгами, но, не застав Зальмона дома, прихватил с собой золотишко Сони и собирался ускользнуть. Зальмон увидел это из окна и поднял скандал. После этого братья рассорились вконец...

— Родная кровь есть родная кровь, — вступила в разговор Соня, — Авраам во всех письмах из Израиля прежде всего просит прощения и перед Зальмоном и передо мной, а потом пишет о своих делах...

Затем, кокетливо поглядывая на сидящих, она стала упоенно рассказывать о содержании присланных писем. Стало известно, что Авраам, работавший в Ташкенте парикмахером, не изменил своей работе и на земле обетованной, в Израиле. Там, оказывается, парикмахеры в «дефиците». Теперь он «так разбогател, что дальше некуда». Поначалу ни Зальмон, ни Соня ему не поверили, написали, чтобы прислал фотокарточку. Авраам же ответил, что в эти дни его личный фотограф отдыхает в Швейцарии, а потому он, согласно договора, не может обратиться к другому, а, стало быть, и прислать фотографии сейчас не может. Он просил тысячу извинений, а к письму приложил дорогие подарки...

«Те, кто едут за границу, в большинстве своем ссылаются на желание воссоединиться с родственниками, — думал в это время Якуб, забывший о своей спешке. — Наверняка среди них есть и такие, кто по воле судьбы оказался в разлуке с родителями или родственниками. Но и такие, как видно из их писем, приезжая в Израиль, остаются разочарованными в своем поступке. Почему?.. Трудно прижиться в другом мире. Вообще-то тех, кто уезжает в Израиль, можно разделить на две категории... Одни, как Зальмон, Соня, Ирма, — ради денег пойдут хоть к дьяволу, поступятся при этом не только детьми, но и своей землей... Это таких, наверное, называют людьми без роду и без племени. Другие — те, кто попадают на удочку сионистам — обманутые. Это те, кто хотят умереть на земле обетованной, мечтают быть похороненными в Иерусали-

ме... Они не знают ни Родины, ни гражданства, так пусть едут, бог с ними, но обидно за другое. Все они учились в советских школах, институтах. Но вот, как плевели в зернах, становятся совершенно чужими. Простая аксиома: о младенце не скажешь, что он вырастет злодеем. Такая же простая, как и то, что младенец рождается голым. Так откуда берутся эти?.. Кто виноват? Может быть, как скажет Зальмон — наш строй? Нет и нет! Виноваты родители, которые с детства воспитывают в своих детях страсть к деньгам, балуют их. Виноваты те педагоги, соседи, друзья, которые равнодушны к детям!»

И вдруг Якуб услышал, как Соня громко сказала: «Мы поверили письмам и уже получили разрешение на выезд в Израиль, землю наших предков».

Белесые брови Якуба вскинулись, а в голубых глазах засверкали огни.

— Когда мы еще учились в школе, Ирма показывала мне генеалогию вашего рода, — сказал он, глядя в глаза Зальмона. — Если мне не изменяет память, она начиналась с вашего предка, который жил в Ташкенте в тысяча восьмисотом году. Благодаря этой генеалогии я узнал, что семь ваших колен были ташкентцами. А раз так... — Якуб помедлил и с нескрываемой иронией спросил: — то каким образом Израиль стал «родиной ваших предков?»

— Ну, Якуб, вы умный человек, но вот иногда прикидываетесь простачком, — сказал Зальмон, усмехаясь. — Так вот, — продолжил он. — Если память уважаемому не изменяет, то он должен помнить, что генеалогия наша начинается с предка по имени Эфраим Шухман. Хочу поделиться еще одной тайной, уважаемый товарищ историк, вполне может быть, что и его предки жили в Ташкенте. Хочу также отметить и то, что «земля предков и земля обетованная» — это не земля, где начиналась генеалогия, а земля, где начинается наш род от Адама и Евы.

Он бросил взгляд на Самуэля, как бы спрашивая «Ну как?», но тут же отвел глаза. Откинувшийся на стуле Самуэль, покрасневший и гневный, смотрел на него тяжелым взглядом, положив на стол огромный кулак. Зальмон посмотрел на остальных: дядя Исак, склонив голову набок, сидел и млел, Соня, как бы говоря «Так его!», прицелкнула пальцами и, видимо, почувствовав неловкость, стала делать вид, что растирает их.

— Ах, вон оно что! — сказал Якуб, не меняя иронического тона. — Значит, земля предков происходит от Адама и Евы? Интересно... — Покрасневший Зальмон хотел было что-то ответить, но Якуб не дал перебить: — Может быть, вы начнете опровергать исторические труды, но, надеюсь, не станете сомневаться в Торе? Так в ней говорится, что те предки ваши, упоминаемые вами, бежали из Египта от фараона и пришли в нынешний Израиль. А раз так...

— Ну, знаете, можете не показывать нам своего исторического образования, — сказала Соня, вскинув тонкие брови. — Лучше припомните свое место рождения, свою родину...

— Да, я родился не в Ташкенте, а в Египте, — прервал ее Якуб. — Но никогда не называл его родиной. И не могу назвать. Что дал мне Египет как родина? Ничего. Если не считать превратностей судьбы... Я вырос в Ташкенте. Выучился, узнал людей, полюбил их. По словам дяди Моши, отца, — голос Якуба стал дрожать от волнения, — когда мы чуть не попали к фашистам, нас эвакуировали русские, украинские друзья. А когда мы ехали сюда, то, оказывается, спасая во время бомбардировки мою мать и меня, погибла одна белоруска... — Он тяжело вздохнул. — Да и когда мы приехали в Ташкент, даже в самые голодные дни, никто не отвернулся от нас. Опять нас приняли добрые советские люди. И даже, когда умерла мама, они взяли нас к себе... — Якуб умолк.

— Да, трудно жилось во время войны, — сказала задумчиво тетя Сара. — Сколько людей погибло от голода. Первенец мой, Натан, — всплакнула она, — во время переезда из Бухары в Ташкент умер от голода. Тогда говорили «Ташкент — город хлебный». Добрый был хлеб, но еще добрее — люди. Если бы не они...

— Ну, тетя Сара, — сказал Зальмон несколько раздраженно, — во время войны везде люди такие...

— Э, нет, если вы считаете так, то ошибаетесь, — улыбнулась тетя Сара. — Такое только у нас в стране. А ведь и я, и дядя Исак, было такое время, жили при царе. Э, нет, это только в нашей стране...

— Ну, все, старуха, — вспыхнул дядя Исак. — Они пришли не твои сказки о прошлом слушать...

— Ничего, дядя Исак, — сказал Зальмон, хмыкнув. — Тетя Сара — своя. Просто, услышав об Иерусалиме, немного всплакнула. А потом... Потом мы с те-

тей Сарой говорим об одном и том же. Где мы сыты, там и...

— Идиот! — Самуэль не вытерпел и, стукнув его по плечу кулаком, вскочил с места. Его вид не предвещал ничего хорошего. В нем нельзя было узнать шутливового Самуэля, каким он был только что. — Мать моя поделилась сокровенным не потому, что ты вспомнил Иерусалим и сказал, что собираешься туда ехать. И Якуб рассказал о своем трудном детстве не для этого. Они напомнили тебе о земле, где жили твои предки, да что предки, отец твой погиб в сорок первом году. «Израиль услышала», дескать... Балбес... — Самуэль остановился перед Зальмоном и, вздохнув, с горечью сказал: — Вообще, что-то случилось с тобой, дружище. Решил поехать в Израиль, а подумал о последствиях?

— Да, мы подумали обо всем, не беспокойтесь. сказала Соня и встала с места. — Зальмон, пошли. А то утром проспичь...

— А ты знаешь о положении тех евреев, которые съезжаются в Израиль из Азии, Африки, — усадил Зальмона на место Самуэль и продолжил. — А, впрочем, я знаю, что после защиты кандидатской ты перестал читать газеты, не говоря уже о книгах.

Раскрасневшийся от гнева Самуэль, несмотря на попытки отца прервать его, стал рассказывать по газетам и письмам о судьбах евреев, приехавших в Израиль из Самарканда, Бухары, Ташкента. В конце концов разговор уперся в лекомысленность Зальмона, считающего, что в Израиле он станет тут же богачом.

— Да, мы едем за богатством. Как пишет Авраам, там ничего не стоит за год-другой стать миллионером, — вмешалась в разговор Соня. — Мы еще молодые, нам около сорока. Мы тоже хотим жить в свое удовольствие, и почему бы не миллионерами?

— Чем вам плохо здесь, благодарные? — Самуэль был уже вне себя от гнева. — Получили пятикомнатную государственную квартиру, какой и у академика не бывает, купили гарнитур, о каком можно только мечтать, есть и «Волга», чего вам еще не хватает? Или голова закружилась от нечестных денег и потому вы так неблагодарны? Дай бог, чтобы все было в порядке, но и дочь свою вы растите как Ирму, жадную, скупую, умеющую только «балдеть». Вы не воспитываете ее, а...

— Наш ребенок, как хотим, так и воспитываем! — вскинула тонкие брови Соня.

— Как бы не так! — воскликнул Якуб. — Это дело и школы, и общественности...

— Много раз слышали эти слова. Мы уже выросли из того возраста, когда слушали назидания, и нас вряд ли что уже изменит. — Соня обернулась к Самуэлю. — Вы многое сказали про наши богатства. Как бы мы их не собирали, они для нас чисты. Не каждому дано накопить и каждый год ездить на курорты. Надо уметь жить. А вы... а вы... рохля! — голос Сони звучал как струна, она явно гордилась и собой и мужем.

— Не мерьте все на свой аршин, — едко заметил Самуэль. — Благодаря таким ловким и умеющим жить, как вы, кто-то вовремя не получает квартиру, кто-то машину, кто-то мебель. Или неправда, а, Зальмон?

— Правильно, — равнодушно буркнул Зальмон, лишь бы не слушать эти острые, как иглы, слова, но несколько иронично продолжил: — Ты ученый, ты не простой учитель, как я, или лицо, распределяющее путевки, как Соня. Ты многое знаешь. Дело не в этом. И даже не в деньгах и в богатстве. Сам видишь, дружище, дела мои здесь не пошли, здесь меня так и не оценили...

— Дела не пошли? Не оценили? — севший на место Самуэль с гневом посмотрел на Зальмона. И ему вдруг припомнилась давняя история, когда они учились с Зальмоном в седьмом классе.

Было военное время и пацаны приходили в школу кое-как одетые, голодные. И только Зальмон благодаря отцу и матери, ставшей начальником на пекарне, каждую неделю менял одежду, приходил, укутавшись в дорогие шубы. На перемене, заставляя всех глотать слюну, сидел и жевал хлеб.

А однажды на перемене его сосед по парте Арнольд пожаловался, что вот уже три дня ничего не ест, и попросил кусочек хлеба. Зальмон же стал дразнить его, не обращая внимания на ребят, смотревших на него с презрением. Арнольд не вытерпел и ударил его слабеньким кулачком, а затем вцепился в кусок хлеба. А потом... Зальмон надел на него и стал душить. И тогда ребята во главе с Самуэлем бросились на Зальмона и, оттащив его от Арнольда, стали колошматить. Но, к счастью Зальмона, вошел учитель и он бросился вон из класса, чтобы пожаловаться директору. А директор... В то время директором был племянник Бенциона, двоюродный дядя Зальмона Ариэль Минасов. И он, вместо того, чтобы наказать Зальмона или призвать его к порядку, сказал,

что это «будущий математик, физик...» — и потихоньку свел скандал на нет...

«Да, по другим предметам он был ноль, но математику и физику знал отлично. Были способности. Когда же он заканчивал школу, стараниями его дядечки и по другим предметам выставили в аттестат четверки и пятёрки. Нет, он и тогда был везучим... Смотри-ка как теперь заговорил», — подумал Самуэль и горячо сказал Зальмону:

— Если вы отрекаетесь от родины и собираетесь ехать действительно в Израиль, то, стало быть, вы и впрямь пошли по подленькой дороге сатаны...

— Не оскорбляй! — поднялся с места Зальмон. И тут же с места вскочила Соня и с криком: «Вай-дод, мужа убивают!» — бросилась к двери. Хорошо, калитка была заперта. Пока она открывала, ее догнал муж.

— Эй, ты, ученый болтун! — крикнул он, отодвигая запор дрожащими руками. — Бог покажет, кто из нас сатана и кто подлец. Нет у меня такого друга, как ты!

— Вон! — крикнул, не выдержав, и Самуэль. — Это у меня нет такого друга, как ты! Если ты еще здесь начинаешь поливать грязью свою землю, то, приехав туда...

— Не ори, — прохрипел Зальмон. — Мы пришли не выслушивать твои душеспасительные советы, а попроситься с твоим отцом и матерью. Пропадите вы пропадом со своим сыном и вот тем учёньким Якубом, дядя Исак!..

— А ну пошел отсюда! Не пачкай наш дом...

Зальмон и Соня, теснясь и толкаясь, выскочили за калитку и так шарахнули ею, что дом задрожал.

Самуэль вышел в прихожую, что-то пробормотал, а потом, силюнув в сторону калитки, бледный и злой, вошел обратно в комнату. Налил в пиалу чай и стал пить.

Дядя Исак, пораженный происшедшим, пришел в себя и вскочил с места так внезапно, что стул под ним с грохотом опрокинулся. Не замечая Якуба, который наливал тете Саре чай, он гневно уставился на Самуэля, глаза его чуть не выскакивали из орбит. Дядя Исак хотел было что-то сказать сыну, но от душившего его гнева лишь прохрипел что-то невнятное. Некоторое время он находился в таком состоянии, и вдруг, как выстрелившая бутылка шампанского, «облил» сына с ног до головы криком:

— Балбес! Я считал тебя ученым, а в тебе ума и на курицу не хватит. Разве так встречают гостя? Нет, ты не ученый, ты — пятая нога собаки. Понял?! — дядя Исак пнул ногой свалившийся стул и вышел на середину комнаты. Потом, стуча себя кулаками по голове, продолжал кричать: — Лишил меня того света, проклятый, лишил того света. Ведь я хотел узнать у Зальмона обо всем. Ты оскорбил человека, который наставлял меня на путь истинный, на путь служения Господу, неблагодарный! Знай, Бог тебя никогда не простит...

Якуб не знал: уходить теперь ему или оставаться в этом неловком положении свидетеля семейного скандала. Он попытался шуткой вернуть дядю Исака в хорошее расположение духа:

— Дядя Исак, Самуэль и вовсе не верит в бога, так за что богу его прощать?

Дядя Исак, услышав голос Якуба, побледнел и вдруг, онешив, сказал:

— Ие, и еще вы здесь есть?! Позор... — и, повернувшись, устремился во внутреннюю комнату...

Самуэль усмехнулся и, подняв большой палец в знак одобрения, мигнул в сторону комнаты, в которой исчез дядя Исак:

— Старик совсем забыл, что вы еще здесь...

В это время калитка распахнулась и показалась кудрявая голова Зальмона.

— Эй, умники, — прохрипел он, — там где мне платят, где я хорошо зарабатываю, там моя родина, поняли?!

— Подонок! Изменник! — Самуэль запустил в него пиалой. Но Зальмон вовремя увернулся, пиалка, ударившись о калитку, разбилась вдребезги. — Перекати-поле!

— Успокойся, сынок, — сказала тетя Сара, пытаясь встать с места. — У тебя ведь давление. Куда ты?..

— Сейчас, не беспокойтесь. — Самуэль встал и, подойдя к калитке, собрал осколки и вышел во двор.

— Сыночек, Якубджан, пойдите за ним, — попросила тетя Сара Якуба, который и сам уже поспешил к калитке. — Никогда в жизни не видела, чтобы он ругался с кем-то...

Якуб не успел спуститься с крыльца, как, прогремев запорами, возвратился Самуэль.

— Все в порядке? А то...

— Да, все в порядке, — успехнувшись, перебил Яку-

ба Самуэль. Он был уже спокоен. — Зальмон стоял за калиткой, подслушивал, дрянь! Только открыл калитку, как тут же бросился бежать...

— Знаете ведь Зальмона с детства, стоило ли...

— Э-э, дружище... — Самуэль прошел в комнату. Якуб остановился было на пороге: он уже собирался прощаться. Но, вспомнив, что не попрощался с тетей Сарой и не дослушал Самуэля, последовал за ним.

Самуэль продолжал:

— Никто не станет переживать, если такие изменники пропадут вообще с лица земли. Но вот обидно: они за собой увлекают еще и других. — Самуэль обернулся. — Мне сегодня стала известна истина. Один из тех, кто лишил и нашего старика покоя...

— Заходите, беседуйте здесь... — побеспокоилась тетя Сара.

— Сейчас, мама... — Самуэль обернулся и, увидев, что Якуб идет вслед за ним, опешил: — Простите, Якубджан, отвлекся, пожалуйста, проходите...

— Наверно я пойду, — сказал Якуб, глядя на часы. — Уже поздно.

— Сейчас и мы поедем домой. Машина должна подойти. Мы ведь в одной стороне живем. Подождите.

Сусанна, подкладывая подушку за спину тете Саре, оглядела мужа и спросила с улыбкой:

— Зачем надо было идти за ними, пугая и меня, и маму? Они ушли?

— Да, покачиваясь, как верблюды, — ответил Самуэль. — Пока я выходил за калитку, он успел запереть свою дверь изнутри, трус поганый...

— Надо ли на них равняться, сынок, — сказала с укоризной тетя Сара. — Они сами с собой не могут разобраться. Пусть вся беда останется в той разбитой пиалке. — Тетя Сара тяжело вздохнула. — Пока Якубджан здесь, поговорили бы с отцом. Вы же видели, как только пришли эти «гости», он сходу стал покладистым, как старьей веник, и уши наострил. Вот-вот с ними соберется и уедет. Наверно, не даром через день ходит в канесо...

— Да нет, не совсем, наверно, так, — Якуб стал защищать дядю Исака. — Разве отец такого сына. — И он кивнул в сторону Самуэля, — поедет в Израиль?

— Эх, дружище. — сказал грустно Самуэль. — Мать не даром горюет. Стыдно кому-нибудь и сказать... Я ведь

рассказывал, как отец собрал всю семью и объявил об отъезде в Израиль...

— Вы ведь знаете дядю Исака, — вздохнула тетя Сара. — Говорят же, слепой не выпускает палки из рук, так и он вцепился в эту мысль... Боюсь, как бы он вдруг не уехал...

— Словом, дружище, — закончил мысль Самуэль, задумчиво глядя на Якуба, — большая просьба. Я скоро еду в длительную командировку. Пока меня не будет, вы с товарищем Атаевым присмотрите за отцом. Вы ведь знаете, как отец относится к вам и особенно к Узбекхану Атаевичу.

Когда подошла машина, Самуэль не рискнул оставлять тетю Сару с ее мужем, который был не в духе, и забрал ее с собой. Дядя Исак не открыл даже своей двери, чтобы проститься...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

«НЕИЗЛЕЧИМАЯ» БОЛЕЗНЬ ДЯДИ ИСАКА

Предисловие к книге Якуба. — «Найдите место поукромней». — «Я отказался ехать в Израиль». — «Ты знаешь иврит?» — Дядя Исак пойман на слове.

«...Политический сионизм, поставивший перед собой целью создать в Палестине еврейское государство и обеспечить его расцвет — это реакционное буржуазно-националистическое течение, появившееся в конце XIX века в среде еврейской буржуазии в Европе. После того, как Конгресс, созванный в августе 1897 года в Базеле, положил начало Всемирной сионистской организации, лидеры международного сионизма — Герцль, Вейцман, Бен-Гурион и другие стали практически добиваться целей, идей и планов этого движения: объявив евреев «избранной» нацией, стали называть Палестину «очагом еврейской нации». Предусматривая увеличение еврейского населения в Палестине и создание большинства, они стали призывать представителей «избранной» нации съезжаться на землю «обетованную».

Но многие евреи, особенно из стран Европы, оставили без внимания эти призывы «съезжаться на землю предков» и попытки сионистов собрать всех евреев зем-

ли в Палестине. Приведем некоторые цифры: в 1895 году в Палестине проживало 47 тысяч евреев или 9,4% населения, в 1919 году — 58 тыс. или 8,3%. Но уже в 1933 году их число возросло до 238 тыс. или 20% населения. Из этого видно, что за сорок лет количество евреев в Палестине, учитывая и естественный прирост, увеличилось на 200 тысяч человек. А к 1936 году эта цифра достигла 404 тысяч, иными словами, количество евреев в Палестине возросло в полтора раза¹.

Свидетельствует ли это о том, что усилилось влияние сионистов на евреев, проживающих в различных странах? Нет. «Сионисты, — писал немецкий журналист Ганс Хенс в декабрьском номере журнала «Шпигель» за 1966 год, — приняли приход нацистов к власти в Германии не как национальную трагедию, но как единственный шанс осуществления своих сионистских устремлений»². Если учитывать это, а также факты прямого сотрудничества некоторых руководителей сионизма в истреблении еврейского населения и насильном переселении в Палестину оставшихся в живых, то все станет на свои места: зверства фашистов вынудили евреев покинуть Германию. Ясно, что многие из скитальцев тут же направились в Палестину...

После израильской агрессии 1967 года это движение усилилось. Специальные сионистские организации наподобие «СОХНУТ» всесторонне потворствуют международному сионизму в агитации евреев к переезду в Израиль. С помощью средств массовой информации они пропагандируют прелести земли обетованной, пытаются выдать ее за единственную родину евреев. Но эта лживая пропаганда лопается как мыльный пузырь, лишь только «блудные дети земли обетованной» переступают ее порог. Они понимают, что нужны лишь затем, чтобы пополнять ряды израильской армии и занимать оккупированные земли...

Вот какие строки можно прочесть из писем тех советских евреев, которые покинули родину ради этих «прелестей свободного мира»: «Здесь каждый думает лишь о себе, до других ему дела нет, больше того, здесь человек человеку — враг...» «Израиль расистское государство. Он совершенно чужд нам, советским евреям. Мы не можем жить здесь. Цель сионистов использовать

---

¹ Survey of Palestine, Beirut, 1968 г.

² «Der Spiegel», 1966 г.

нас в качестве дешевой рабочей силы и пушечного мяса...»

Лейзор Гольдман со злостью закрыл книгу и раздраженно посмотрел на ее обложку: «Якуб Товбис. Прodelки сионизма». «Подлец, — проскрежетал он зубами, — мало того что болтаешь по радио, еще этого не хватало! «Прodelки сионизма»... Какого черта!..»

«Благовестник» посмотрел в окно гостиницы на фонтан. Фонтан на закате сверкал всеми красками, вокруг него ходили люди, смеялись дети...

Гольдману показалось, что Якуб как этот, дарящий умиротворение фонтан, как эти животворные капли, брызжет своими статьями и книгами, раскрывает глаза тем, кто не знает израильской жизни и стремится туда, что эти внезапно раскрывшиеся глаза глядят на него, на «Благовестника», с ненавистью. Стремясь отогнать это видение, он откинул голову назад. Затем, вращая перед глазами палец со змеевидным перстнем, прошептал хриплым голосом: «Я или заставлю тебя перебраться в Израиль, или же руками таких, как Зальмон или Исак... — он безобразно ухмыльнулся, — заставлю есть себя поедом. Да, кстати...»

Вздвогнувшийся Гольдман вспомнил, как сразу по приезде в Ташкент он узнал, что «прodelки» Зальмона и его жены стали известными, и больше того, их вызывали в суд. От этого воспоминания он вскопчил с места: «Наверняка про встречу со мной Зальмон не говорил никому. А дело в суде он каким-то образом подзамаял. К тому же он успел уехать с семьей в Израиль. Но... Кто его знает... Все же лучше побыстрее кончить дела и умотать отсюда...»

Надевая шляпу, он думал, что хотя и не хочется встречаться с Якубом, но надо попытаться еще раз завладеть его душой: «Если он вздумает, как при прошлой встрече, пустить в ход кулаки или вызывать милицию, то придется сказать... что я его отец... Хорошо бы иметь рядом парочку таких, как Зальмон...»

Выйдя на улицу, Гольдман решил встретиться поначалу с дядей Исаком, порасспросить у него о Якубе, и направился в сторону техникума.

* * *

По улице проехала «поливалка». С асфальта столбом поднялась пыль. Дядя Исак, сидевший на корточках за забором и окучивавший розы, недовольно привстал. Вы-

прямылся. Потом замахнулся вслед машине тямкой и выругался. «Проклятый, брызжешь как слепой!» — Несмотря на то, что цветник его был по другую сторону забора, вода вперемешку с пылью забрызгала и дядю Исака.

Вытирая платочком запотевший лоб и шею, делая вид, что стирает грязные брызги с одежды, он склонил набок голову и кинул ястребиный взор на учащихся, входящих и выходящих в ворота техникума. И незаметно стал разговаривать сам с собой: «Главное, что я имею вам сказать, ваше высочество Исака, хоть и разменяли вы седьмой десяток, а пыла у вас хоть отбавляй. Поглядите сколько земли вы обработали со вчерашнего дня. Можно и жене похвастать. А стало быть, надо еще полить водичкой землю и немного полежать да послушать, чем живут прохожие...»

Охая, он поднял свою тямку и, направившись к сторожке, пробурчал: «Надо обмозговать и слова гостя... Еще нагрянет и спросит: «Ну что, бани Израиль¹, решились на паломничество к земле обетованной?..»

Зайдя в сторожку, он положил тямку на низенький столик и на некоторое время задумался: «Есть ответ на этот вопрос! Не поеду ни в какой Израиль. Бо рохад бирав — катись-ка сам подобру-поздорову!..»

Он поставил на газ чайник и, выйдя вновь на улицу, потащил к водопроводу резиновую змею шланга.

Не успел он подойти к крану, как во двор вошел Лейзор Гольдман — «Благовестник» и стал озираться по сторонам. Увидев дядю Исака, направился чинным шагом к нему. Когда он подошел к цветнику, из шланга внезапно ударила струя и обдала брызгами его лакированные туфли.

Дядя Исака, натянув шланг на кран, спокойно обернулся и, увидев человека, ошешил. В ту же секунду он бросился к крану и вместо того, чтобы перекрыть его, еще больше увеличил напор, отчего шланг сорвался и струя снопом ударила во все стороны. Только что проклинавший поливалку дядя Исака теперь, не глядя на свои промокшие до ниток штаны, бросился к Гольдману и извиняющимся голосом пробормотал:

— Простите, дорогой гость, шолом-алеихем², простите, виноват.

---

¹ Дитя Израиля, еврей.

² Здравствуйте.

— Ничего, ничего. — Гольдман, не подавая виду, взглянул краешком глаза на вымокшие туфли и свисающие брючины. — Вода, говорят, к счастью.

— Совершенно точно: вода — к счастью! — подтвердил, радуясь этой мысли, дядя Исак. — Говорят ведь о везучем: как рыба в воде. — «Благовестник» в ответ улыбнулся с пониманием. — И все равно, позвольте, дорогой гость, вытереть ваши туфли. — Дядя Исак снял брошенный на плечо платок.

— Э-э, да что вы, — Лейзор нехотя отвел ногу. — Лучше найдите-ка место поукромней, чтобы нас не слышали.

— Будет сделано, дорогой гость. Именно это место и есть самое укромное. Сюда не приходит никто. Но отсюда видно все. Садитесь. — Дядя Исак вытер табуретку, стоящую под деревом. — Вы немного отдохните, а я заварю чай. Уже, наверно, вскипел.

— Может быть, чай подождет... — сказал Лейзор. едва присев на табуретку. — Успеть бы переговорить, пока никого нет.

— Будет сделано, дорогой гость. — Дядя Исак с готовностью уставился на собеседника, на его дорогую фетровую шляпу, на темные очки, на жиденскую бородку.

— Садитесь же, — Лейзор пододвинул стул, опираясь на его спинку рукой. — Думаю, дорогой мой, вы обрадуете меня своей решимостью ехать на землю обетованную, как мы договаривались в прошлый раз.

Дядя Исак сел и хмуро поглядел исподлобья на «Благовестника». И вдруг со злостью сказал:

— Нет, дорогой мой, обрадовать вас я не смогу. Дело не созрело.

Собеседник свел это на шутку.

— Не вы ли сейчас говорили, что человек, попавший в воду, самый везучий человек, — при этом он взглянул на мокрые брючины, — а теперь — наоборот. Мне совсем, выходит, не везет.

— Это было к слову, — замялся дядя Исак, не желая раскрывать своих карт. — Словом, помню, как по вашему наущению сказал дома, что собираюсь ехать на землю предков. Вай-вай-вай... Главное, что я имею вам сказать...

И дядя Исак поведал историю, которая приключилась у него дома.

— А потом, — стал он заканчивать рассказ, — вы говорили, чтобы я припомнил каждый случай, когда меня обижали, дескать, обо всем расскажете в Израиле. Так вот я вам скажу, что живу я здесь пятьдесят с лишним лет при советской власти и ничего... То есть ничего не могу припомнить. Я видел времена бухарского эмира, жил при царе, с восьми лет вкалывал, как прокаженный. А сейчас. Да что там говорить...

— Гм, значит, так? — сказал Гольдман, поглаживая подергивающуюся от раздражения щеку. — Ну продолжайте! Итак...

— Что «итак!» — дядя Исак вдруг вспылил. — Словом, главное, что я имею вам сказать, я не стану плевать в тарелку, из которой ел и ем. Я отказываюсь ехать в ваш хваленый Израиль, ясно?

Гольдман стал озираться по сторонам.

— Не хотите, не надо, — сказал он раздраженно, — только потише...

Дядя Исак тоже посмотрел по сторонам и затих. Тогда Гольдман сердитым шепотом спросил:

— Вы узнали, в чем суть открытия вашего сына и почему перестраивается завод, где работает ваша невестка?

— Я уже сказал, что после моего объявления об отъезде в Израиль, все как воды в рот набрали...

— Я ведь говорил вам, что прежде надо узнать, чем занимается ваш сын и невестка, а потом уже заводить речь об Израиле.

Дядя Исак, хоть и любил прихвастнуть успехами своего сына, но чем он занимается, никогда не интересовался, а потому и не знал. Его отцовским девизом всегда было: «Главное — обусть и одеть детей, — вот и все воспитание». Поэтому он не интересовался ни учебной сына в школе, институте, ни его нынешней работой, только знал, что сын — «директор крупного завода», а невестка — «главный инженер на каком-то предприятии». Именно поэтому Гольдман интересовался ими и просил дядю Исака склонить детей на выезд или по меньшей мере узнать за деньги, чем они занимаются. Об этом шел теперь разговор.

Дядя Исак, слушавший Гольдмана, вдруг, видимо, устыдился его слов и стал брызгать слюной:

— Кто вы такой вообще? Что вы кричите на меня? Я обязан чем-нибудь вам, что ли? Ну-ка, ну-ка, давайте-ка отсюда, дорогой гость, подобру-поздорову...

Гольдман не ожидал таг эго поворота событий и ошарашенно смотрел на дядк Исака. И лишь некоторое время спустя он сказал:

— Стало быть, вы не человек слова? — В его словах слышалось и раздражение, и укор, и просьба...

— Пусть будет так! Я в прошлый раз не подумал и сказал, что поеду со всей семьей в Израиль, — ответил дядя Исак, не меняя тона.

— Гм, значит так? А говорили, что посвятите остаток жизни благочестивым молитвам, — сказал тихо Гольдман, забросив ногу на ногу. — Значит, вера ваша, как и ваши слова...

— Вы веру мою не троньте, я как ходил в канесо, так и буду ходить. Я даже, боясь повестки в начале войны, спрятался в подвале, — услышав эти слова, Гольдман сделал вид, что хочет прикурить сигару и наклонился к Исаку, — даже когда меня посылали в штрафной батальон за дезертирство — я повязал руку чесноком, нажив страшную рану, я не забывал ни Тору, ни молитвы. А теперь, если сутки отдежурю, то трое суток дома... Времени много.

— Настоящий еврей таким и должен быть, — сказал Гольдман, закуривая сигарету. Он был доволен таким поворотом разговора и особенно упоминаньем дяди Исака о войне, которое могло послужить теперь хорошим капканом. — Наша религия не позволяет топтать себя. Но ведь... — «Благовестник» задымил сигаретой, — эта земля — эта земля, а земля обетованная — это Израиль.

— Вы говорите правду, но... — дядя Исак опять замялся, — но если не едут дети, то что мне делать одному, пусть даже и в вашем райском Израиле? Ведь у меня там никого.

— Вы говорите, никого у вас там нет? Странно!

— Чего странного? Все мы до седьмого колена родились и выросли в Бухаре...

— Странно, что вы мыслите недалеко. Вы говорите, нет родственников. А что же тогда ваше племя? Ваш народ? Вы, кажется, забыли, что вы еврей. — Гольдман улыбнулся. — Там много ваших родственников, — обязательно найдется и такой, который вам вскоре пришлет вызов...

Наступила тишина. Дядя Исак, уставившись в землю, напряженно молчал. «Благовестник» долго глядел на него и начал:

— Узнав, как хорошо вы разбираетесь в религиоз-

ных вопросах, я вам сказал, что вас станут уважать в Израиле. Я сказал что вы можете стать хоровом. Ничего не стоит стать с вашим умом и верой хоровом в два-три года. Да что там говорить, вы уже готовый хоров. Но я не понимаю, почему вы отказываетесь от своих слов...

Дядя Исак усмехнулся. Приподнял голову.

...Дядя Исак с детства был заражен одной болезнью — был падок на лесть. Достаточно было сказать, что он похож на какого-нибудь знаменитого человека или похвалить несуществующее его достоинство, как он не умещался в свою тарелку. Человек, который завидовал тем, кто выигрывает по лотерее, дескать, «а почему не я?», мог отдать за лесть последний кусок хлеба.

Вот и теперь, послушав Гольдмана, дядя Исак растаял, глаза его заблестели и на лице разгладились глубокие морщины.

— Вы и тогда такими небесными словами вскружили мне голову, — сказал он, улыбаясь.

Тут улыбнулся Гольдман. Не подавая виду, кашлянул. И только приготовился продолжить свою лесть — куй железо пока горячо! — как неподалеку от них сели на скамейку парень с девушкой. Гольдман кашлянул еще раз.

— Лушен хакудеш иудея?¹ — спросил он, не отрывая глаз от внезапных пришельцев. Не понявший слов, дядя Исак бросил на Гольдмана взгляд, не заметив даже, кто сел за его спиной. Да если бы и увидел, то вряд ли обратил на них внимание, поскольку пребывал в эйфории...

Гольдман уловил вопрос в глазах дяди Исака и переспросил:

— Я говорю: лушен хакудеш иудея? Вы ведь в прошлый раз сказали, что говорите на иврите.

Дядя Исак хоть и бегло читал Тору, больше того, знал огромные ее куски наизусть, но на разговор был не так скор. А сейчас... Когда были произнесены такие слова о нем, неужели он станет выдавать, что знает иврит плохо... Ни в коем случае!

— Знаю, а что?

Хитрый Гольдман усмехнулся. По тому, как дядя Исак произнес на древнееврейском эти два слова, стало ясно, в какой степени он владеет им.

---

¹ Ты знаешь иврит?

— Давайте поговорим на своем священном языке. Мне кажется, я не совсем говорю ясно по-русски.

Дядя Исак то ли понял, то ли не понял «Благовестника», во всяком случае, промолчал и продолжал сидеть, уставившись в землю. Гольдман оглядел парня и девушку. Они не обращали ни на что внимания и шелестели какой-то книжкой. Гольдман успокоился и принялся рассказывать предания, смешивая русские и еврейские слова.

Душа дяди Исака растаяла вконец, когда тот стал описывать священную землю предков, Израиль по Святому писанию. Мечта о поездке к священной земле охватила пламенем. Глаза наполнились слезами, когда Гольдман назначил его на должность не просто хорава, а главного хорава Израиля — за его настоящую веру и знания.

— Ничто не сравнимо со старостью, которая посвящена молитвам и благочестию, причем на священной земле, — закончил Гольдман. — Но к тому времени, как ступить на землю обетованную, вера человека и его слова должны быть прочнее металла и крепче камня. Поэтому, ваше высочество Исак, вы должны прежде всего решиться сами. И тогда вы сумеете убедить в необходимости паломничества всю свою семью, чтобы приобщиться к пастве великого хорава Исака. — И тут же спросил: — А Якуб все еще работает?

Дядя Исак взглянул на него с удивлением, а потом ответил:

— Да. Но в последнее время что-то его не видно. Я слышал, что болен его отец...

— Изя, что ли? — с внутренним удовольствием переспросил Гольдман. — Вы его называете отцом Якуба? Никакой он ему не отец. Настоящий отец Якуба в Израиле, я ведь говорил в прошлый раз. Он там живет с его матерью.

— А?!

— Да, господин Исак, да. А Изя — это проходимец, с темным прошлым.

— Да ну?! Не обижайте, домулла, неприятзательного, по крайней мере, верующего Изю.

Гольдман саркастически произнес:

— Хоть и седы вы, господин Исак, а черного от белого не можете отличить. Все это маска. Разве я не говорил в прошлый раз, что он был заодно с гитлеровцами и уничтожал наших соплеменников?

— Изя? Да ну?! Не может быть!

— Вы хотите сказать, что он безгрешен, как райская птичка? Он настоящий предатель, только никто об этом не знает...

— Бедный Якуб! — сказал задумчиво дядя Исак. — Так он, оказывается, еще и обманут этим предателем, и считает его своим отцом? Бедный парень. Главное, что я имею вам сказать — он золотой мальчик! Он сделал нам много добра. Я вам рассказываю про последнее его добро, когда умер мой младший сын, он все сделал, чтобы уменьшить нам беду. Чему вы удивляетесь? Мы сами, домулла, из Бухары. По некоторым причинам переехали сюда в сорок первом году. — Услышав это, Гольдман наострил уши. Улыбнулся, вспомнив обмолвку дяди Исака о войне, а тот с жаром продолжал: — Никто из родственников не приехал тогда на поминки по сыну. Трудно это переживать, особенно на старости лет. Как назло и старший сын — Самуэль был в командировке... Хорошо, оказались на месте Атаев и Якуб. Помогли во всем, поддержали. Даже материальную помощь оказали... — Дядя Исак протер повлажневшие глаза. — Самое главное, домулла, когда стали нести посылки, смотрю, полно народу. Узбеки, русские, таджики... Это Атаев привел весь техникум и еще сыну на работу позвонил... Словом, домулла, главное, что я имел сказать вам, хоть и разной мы веры, а несли до самого кладбища... Правда, после этого меня долго отчитывали в канесо...

— Да, вы действительно неуважительно отнеслись к своей вере...

— И-е, странный вы человек, домулла! — Дядя Исак вспылил опять. — Когда умер сын, я тут же побежал в канесо. Думал, соплеменники не бросят в одиночестве. Где там! Вы, говорят, по племени — икраил, наша же паства в основном — кохины и леви¹. Поэтому зовите своих родственников. Не смерть сына нас свалила со старухой, а вот эти слова. А вы...

— Бывает и такое недоразумение, господин Исак, — сказал Гольдман, как бы оправдывая и себя, и тех, в канесо. — Но даже при этом — изменник, предатель отец...

— И-е, опять вы о том же, домулла. Простите, но, не

---

¹ Икраил, кохин и леви — касты в иудейской религии.

зная, правду ли вы говорите, я не могу о таком золотом парне...

— Гм... — перебил его Гольдман. — Вы только что сказали, что по некоторым причинам перебрались в Ташкент, так?

Дядя Исак посмотрел зорким ястребиным оком:

— Да, а что?

— Если это правда, — Гольдман снял очки и, уставившись в глаза дяди Исака, отдельно произнес: — Насколько мне известно, главная причина вашего отъезда из Бухары была в том, что вы в годы войны прятались от людских глаз в подвале. — Дядя Исак побледнел от этих слов, как покойник. — Дело в том, что когда военкомат посылал вас в штрафной батальон, как дезертира, вы повязали руку чесноком и таким образом придумали себе страшную «рану»...

— Но я ведь все равно воевал в штрафном батальоне, — прошептал сухими губами дядя Исак. — Меня потом простили. А потом... потом, откуда вы это знаете? — спросил он ошеломленно, перебирая в уме всех, кому это было известно. А ведь знали об этом в Ташкенте лишь Самуэль и жена.

Гольдман еще раз обрадовался, что дядя Исак забыл только что сказанное им самим, а потому усмехнулся и, не обращая на него внимания, продолжил:

— Самое интересное то, что я, господин Исак, услышал все это от Якуба.

— Якуба?! — Дядя Исак окончательно запутался. — Он... Он-то откуда знает?

— Этого я не знаю, господин Исак. Вчера вечером я случайно увиделся с ним и он повел меня силком в ресторан. Подвыпив, стал говорить. Еще похвастал, что с Атаевым собирает документы, чтобы привлечь к уголовной ответственности дезертира Исака и его сына Самуэля.

— Неужели?

— А вы не верите, что отец Якуба — предатель. Что поделаешь. Скажу вам теперь правду. В сороковом году, в Польше, Изя сдал в гестапо меня самого. Если и теперь не верите, то сами знаете. Но думаю, что вы теперь убедились — о вас я услышал от Якуба. Дело в том, что здесь в Ташкенте я не знаю никого, кроме вас и Якуба.

— Подлец, — шептал ошалевший дядя Исак.

— Ну вот, видите! А вы его хвалите. Разве даром он

зачастил к вам. Ходит, чтобы получать информацию от вас, от старушки, от сына.

— А?! Если дело так, домулла, то пусть Якуб пеняет на себя! — сказал дрожащим голосом дядя Исак.

— Короче говоря, пока есть еще время, собирайте манатки, как у вас говорят. Если даже вы оставите детей здесь, а сами уедете в Израиль, то и тогда вам покою от него не будет... Их посадят за будь здоров...

— Да ну?

— Это я вам говорю. Хотите верьте, хотите — нет, ваше дело, господин Исак. Я ведь сказал вам, кто такой этот подонок Изя, которого Якуб считает своим отцом...

— Правда, домулла, правда, — согласился все еще бледный дядя Исак. — Я ничего, оказывается, не знал. Вы сказали — он предатель? Кстати, когда-то я что-то слышал об этом. Дохтур говорил.

— Доктор? Какой доктор?

— Он называл себя «личным доктуром Изи». Он приносил какое-то письмо и они читали его вместе с директором.

— Письмо?! А давно это было?

— Кажется, через неделку после вашего приезда, — засомневался дядя Исак. — Словом, в день, когда старушка пришла к директору жаловаться на меня. Главное, страшно опозорила старушка меня в тот день... Я сто раз пожалел, что сказал им об Израиле.

— Ну и что же? — заинтересовался Гольдман. — Что было потом?

— А что? Старушка рассказала все директору и доктору. Даже вас назвала «Благовестником»... И-е, вон, кстати, и сам директор вышел, — сказал, вдруг заерзав, дядя Исак. Потом ударил себя ладонью по лбу и со словами: «Черт! Чайник уже растаял!» — бросился в сторожку.

Гольдман снял очки и оглянулся. Спускаясь чинно по ступенькам, Атаев направлялся к воротам. Гольдман невольно вскочил с места, но директор именно в это время повернул в сторону.

— Простите... — неожиданно раздалось над его ухом: парень, сидевший с девушкой, теперь стоял рядом и просил у него прикурить.

Гольдман пожалел, что упустил их из виду и теперь, протягивая зажигалку, уставился на парня. Тот тоже внимательно оглядел Гольдмана. «Благовестник» почувствовал, что ошибся во второй раз, и стал спешно на-

тягивать очки, но парень, поблагодарив, отошел к своей собеседнице.

Подошедший с чайником и пиалками, дядя Исак зашумел:

— Эй, молодежь! Ну-ка топайте отсюда! Это вам не парк, а двор техникума. Давайте, давайте, пока милицию не вызвал. — Он стал рыться в карманах, отыскивая свисток.

Парень с девушкой встали и, попросив прощения у дяди Исака, направились, несмотря на его окрик, к Гольдману и попросили прощения и у него. Когда они подходили к нему, Гольдман не мог от тревожного волнения усидеть на месте.

Дядя Исак протянул ему чай. Гольдман же, не отрывая глаз от удаляющихся парня и девушки, произнес:

— Ну вот, господин Исак, вы сами говорите, что все знаю о предательстве Изи. Скоро его, наверное, арестуют. Ведь Советское государство беспощадно к предателям. Это вы и объясните Якубу. Не удивительно, если и он, присоединившись к вам и вашим детям, решит уехать в Израиль. Ведь и он, если даст бог, станет одним из наших соплеменников, единоверцев, господин Исак.

Дядя Исак удивился:

— Каким это образом он станет мне единоверцем? Ведь он, подлец... Ублюдок...

— Господин Исак, скажите всем, что Якуб ублюдок, скажите и ему самому об этом, — произнес Гольдман дрожащим голосом, — но не говорите этого при мне. Я прекрасно знаю, кто он.

— Хорошо, домулла, — кивнул дядя Исак, ничего не понимая. Но как мы станем единоверцами, если он европейский еврей, а мы — бухарские...

— Не забывайте, что религия и нация у нас одна, — раздраженно прервал его Гольдман. Потом, посмотрев на часы, встал с места. Встал и дядя Исак. — Простите, господин Исак, я пойду. Вы хорошо уразумели, что я сказал? Говорите с соплеменниками осторожно, пусть и они следуют за вами. А потом, не откладывая надолго день своего паломничества, господин Исак. Как только получите письмо от родственников в Израиле, так и приступайте...

— Хорошо, домулла.

— Если испугаетесь проклятий старухи...

— За кого вы меня принимаете? — выпятил грудь дядя Исак. — Мы не из тех, кто пляшет под дудку баб...

Гольдман, не обращая на него внимания, продолжал:

— ...даже если вы сами не сумеете выехать, убедите выехать детей, особенно Самуэля. Молодежь куда благочестивей, нежели старцы.

Гольдман, опасаясь возвращения директора, спешно предупредил дядю Исака, чтобы об их встрече никто не знал, и попрощался. Дядя Исак хотел было его проводить, но тот важно удалился сам.

Выйдя из ворот, он ускорил шаги.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ОНИ ВСТРЕТИЛИСЬ С НОВА

«Гоп-стопники». — Гольдман хочет поймать в сети Якуба. — «Господин Гольдман, путешествие окончилось».

В сквере тихо. Нет ни прохожих, ни гуляющих. Неоновые лампочки на столбах, как бы перемигиваясь со звездами, то гаснут, то вспыхивают. В глубине, между ночных разлапистых деревьев, сидят редкие пары влюбленных. И каждая из них, увидев статного мужчину, затихает...

Но вот навстречу ему подошла женщина и спросила время, однако он промолчал и прошел мимо, она же долго продолжала смотреть ему вслед...

Якуб думал о своей завтрашней речи на профсоюзном собрании и ничего не видел вокруг. И только в конце сквера ему показалось, что кто-то его окликнул. Он обернулся. Сзади шли двое мужчин, но они не окликали, а просто, беседуя, приближались к нему. Он подумал, что ему показалось, и хотел продолжить свой путь, но теперь голос раздался отчетливо:

— Господин Якуб, позвольте вас проводить.

Он обернулся на голос и увидел, как из-за дерева выходит человек в надвинутой на глаза шляпе и в плаще.

— Вы, кажется, не узнали? — спросил тот, приближаясь. — Мы встречались с вами однажды в ресторане. Быстро же вы забыли. Ну ничего, познакомимся снова. — Он протянул руку. — Близкий вашего отца...

Опешивший поначалу Якуб вдруг вцепился в ворот незнакомца и стал его трясти:

— Ах, подонок! Как же, узнал я тебя, близкий отца — Лейзор Гольдман... Благовестник... Клеветник! Подлец! Еще...

Он не dokonчил. В него вцепились чьи-то огромные руки. Когда опомнился, рот его был заткнут кляпом, руки скручены за спиной и за каждую из них держалось по два человека. Они были одеты как Гольдман: в черных плащах, в черных шляпах и очках. Рядом, поругиваясь и поправляя на себе одежду, стоял Гольдман.

— Болван! — сказал Гольдман, поправляя галстук. — Ты, кажется, до сих пор не усвоил, с кем имеешь дело. Или жить надоело? Знай, что скрутить тебя всегда сумеем. — Он кивнул в сторону четырех бугаев. — А потому не надо ни кричать, ни надеяться на свою силу.

Один из тех, кого Якуб принял за «гоп-стопников», за грабителей, вынул ему кляп изо рта.

— Чего вы хотите от меня? — сказал он, скрипя зубами и в то же время удивляясь появлению Гольдмана даже после его заявления в милицию. — Чего вам нужно? Почему преграждаете мне дорогу?

— Вот это другое дело, — буркнул Гольдман. — Но знайте, что никто вам дорогу не переходит. Всего-навсего я хотел вас проводить до дому. А после того, как вы стали шуметь, вас пришлось утихомирить таким образом... — «Благовестник» сделал знак и его отпустили. Потом, как будто ничего и не произошло, отошли несколько в сторону и стали о чем-то перешептываться.

— Идемте, — сказал Гольдман, надвигая шляпу на глаза, — провожу вас до дома.

Якуб хмуро посмотрел на него и пошел рядом. Четверо бугаев увязались за ними, чуть отставая.

Гольдман некоторое время молчал, затем обернулся и, увидев, что сопровождающие их отстали в достаточной степени, обратился к Якубу.

В это время четверо незнакомцев, проходившие рядом с кафе, сменились другой четверкой таких же верзил, и двое из них обогнали Якуба с Гольдманом и пошли впереди их.

Гольдман, начавший было:

— Вот уже три дня, как я приехал в Ташкент, — вдруг осекся и пропустил своих спутников. Потом раздраженно махнул рукой и продолжил, переходя на полусшепот: — С этого времени я наблюдаю за вами. Я слы-

шал о вашем происхождении, о том, кто вы сами... теперь оповестил уже всех... Я узнал обо всем этом у вас на работе.

Якуб побледнел, кулаки его невольно сжались. Он бросил взгляд на собеседника. Гольдман же, почуввав, что наступил на большую мозоль Якуба, продолжил:

— Видно, как вы изводитеесь. Я очень переживаю за вас, за вашу жену и дочку. Ваша жизнь проходит даром.

В это время они вышли на большую дорогу и переходили через мост.

— Чего вы прицепились ко мне? — спросил Якуб, опираясь на перила моста. Чувствовалось, что его раздражают слова Гольдмана. — Я вас не знаю и знать не хочу.

— Как угодно, — сказал Гольдман, останавливаясь. — Я хотел вам лишь помочь от чистого сердца. Я хотел вам помочь встретиться с настоящей матерью и настоящим отцом, а не считать отцом какого-то проходимца...

— Хватит! — рявкнул Якуб со злостью. — Не смейте говорить о моих родителях так. — Якуб в гневе был страшен. Он готов был сбросить с моста этого Гольдмана со всеми его приспешниками. Но заметив, как все четверо настороженно приближаются к ним, затих.

— Ах, вон оно что, — произнес Гольдман, как будто ничего не произошло и направился дальше. — Прекрасно. Но вы, наверно, не знаете, что я вам хочу сказать и ради чего я устроил сегодняшнюю встречу.

Якуб пожал плечами.

— Знаете, — начал издалека Гольдман. — Израилю оказывают поддержку наши соплеменники: в Англии и Франции — династия миллиардеров Ротшильдов, в Штатах — банкир Леман, в Италии — монополистическая группа Майера, Мирельман из Аргентины, Оппенгеймер из Южной Африки и другие наши великие люди. Но я хочу сказать, что не все решается финансовой помощью. Человек одной плоти и крови с народом и страной избранных, где бы он ни жил, должен бороться за политические выгоды Израиля. И даже если это не совпадает с официальной политикой страны, где он живет...

Якуб слушал слова Гольдмана, которые тот выговаривал, чуть ли не брызгая слюной. Почувствовав камень, брошенный в свой огород, Якуб усмехнулся.

— Господин Гольдман, — сказал он, не вытерпев, —

если у вас есть какое предложение, то давайте открыто. Я уже подхожу к дому и мы можем не успеть.

Гольдман посмотрел на него, но сразу не ответил. Наверняка вспомнил, что, поспешив в прошлый раз, чуть не испортил все дело...

— Предлагаю вам еще раз подумать об Израиле, о вашей матери...

— Об этом не может быть и речи.

— ...или, — он не обратил внимания на реплику Якуба и продолжил: — Помочь нам в сборе информации о евреях, живущих в Узбекистане. Об этом я прошу во имя вашей матери. В этом нет ничего предосудительного или политического. К тому же вы будете постоянно при деньгах. Если вы согласны, то завтра получите пять тысяч рублей, в качестве аванса.

— Господин Гольдман, — сказал Якуб, выслушав его хмуро. — Я не ребенок, которого можно соблазнить конфеткой.

— Ах, да... Вы считаете, что аванс невелик? А сколько бы вас устроило? — ухмыльнувшись, спросил Гольдман. По его словам он был весьма доволен тем, что Якуб уже сидел на крючке.

— Во-первых, я не давал обещания служить вам, — оборвал его Якуб. — А потом, пусть ваши сребреники достанутся вам самим. Я не продаю своей совести.

— А что вы хотите взамен? — Теперь в голосе Гольдмана слышалась злая нотка.

— Абсолютно ничего... Я не предатель и не продажная шкура...

— Какое предательство? О чем вы?! Я ведь сказал, что в этом нет никакой политики.

Якуб, удивленный словами Гольдмана, остановился.

— Господин Гольдман, я не считал вас настолько наивным, чтобы вы относились ко всем остальным также. Во всяком случае, то, что говорит клеветник...

— Я не клеветник, — буркнул Гольдман, прерывая его. — Я, человек, служащий делу. Да, я служу сионизму, я служу нации, ее будущему. Знакомить евреев, живущих за границей, с политикой Израиля, вовлекать их во всемирное сионистское движение — это не клевета и не провокация.

— Но это все преследует интересы государства Израиль, не так ли? Собирайте информацию о евреях, живущих в других странах, под флагом сионизма пропагандировать Израиль, обманывать людей, запугивать.

а если придется, то и убивать... Если это, как вы говорите, не клевета и не провокация, то наверняка диверсия... У узбеков есть поговорка: «Черная собака, белая собака — все равно собака». — От этих слов Гольдман поперхнулся. Стал копаться в кармане.

— Словом, господин Гольдман, я не тот, на кого вы рассчитывали. Я не стану есть с вами из одной тарелки! Это во-первых. Во-вторых, если даже я принял бы ваше предложение, то это бесполезно. Ведь вы сами говорили в тот раз, что за мной следят. Какая польза, если попадусь на первом повороте? Ну вот мы и подошли.

Они остановились. Хлопающий глазами Гольдман не знал что ответить. Перед ним стоял твердый и решительный парень.

Какие только мысли не пробежали в голове Гольдмана! «Слишком упрям. Но умен... Знает что хочет... Моими же словами побил меня. Таких надо уничтожать, даже если бы они были и родными детьми. Иначе — это препятствие на нашем пути. Сколько народу мы недосчитаемся. Надо пустить в дело таких, как Исак, которые и объявят всем, что Якуб ублюдок. Тогда он или кончит самоубийством, или решится скрыться в Израиле...»

Тишину прервал голос Якуба.

— Знайте, я встречаться с вами больше не намерен. Если встретимся, то один из нас непременно будет обречен, — Якуб резко обернулся и пересек улицу.

— Может быть, и встретимся, — прошептал Гольдман, глядя вслед ему с гневом. — А может быть, кто-то из нас пропадет и до встречи. — Он нервно ухмыльнулся. Потом на его лице на мгновение появилось выражение то ли задумчивости, то ли нерешительности и он пробормотал: — А вдруг ты еще поумнеешь и захочешь поехать к матери. Вот тогда и найдем с тобой общий язык, сын мой, сынок, сыночек... Тогда я, может быть, и найду успокоение от ежедневных притязаний Циры по поводу тебя и проклятого Изи...

На той стороне улицы вспыхнул свет: это Якуб открыл дверь в подъезд. Оттуда выпала тень и мгновение спустя пропала вместе со светом.

Подошедшие к Гольдману четверо сообщников, как бы ожидая указаний, молча смотрели ему в глаза: уж больно жалким был вид Гольдмана, его лицо в полутьме казалось принадлежащим трупу и он рассеяно улыбался...

В это время возле Якубовского дома замигали фары машины.

— Господин Гольдман, теперь можно, наверное, кончить наше ночное путешествие, — сказал один из них.

Занятый своими мыслями Гольдман оглянулся на голос парня, который показался ему знакомым, и вдруг вздрогнул. Перед ним стоял вроде бы незнакомый, но встречавшийся где-то молодой человек. Он быстро оглядел окружающих.

— Вы... Вы кто такие? — спросил он дрожащим голосом. — Мои спутники...

— Потерпите и вам станет известно, кто мы такие. А что касается ваших «спутников», то, как и предусмотрено, они выполнили задачу и...

— Что?.. Так они...

— Да, они такие же, как Якуб, Самуэль, обыкновенные советские люди, — сказал парень. — Они и сообщили нам о вас...

— Вы не имеете права так шутить со мной. Я дипломатически... — начал было заводить Гольдман.

— Напрасно шумите, — сказал один из четверых, открывая дверцу подъехавшей машины. — Вы признаете, что попались с поличным? Пожалуйста, садитесь.

— Я протестую! Вы будете отвечать за беззаконие.

— Поговорим об этом чуть позже.

Гольдман, почувствовавший, что препираться бесполезно, побледнел. Садясь через силу в машину, бросил взгляд на шофера. За рулем сидела миловидная девушка. Гольдман, кажется, узнал ее. И вдруг его осенило... Это были те ребята, подходившие к нему у сторожки дяди Исака, прося прикурить сигарету. Перед глазами потемнело и все его тело задрожало...

Хлопнула дверца. Острые ножи фар вспороли тьму и машина понеслась по ночному городу.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ПИСЬМО, РАСКРЫВШЕЕ ТАЙНУ

Желтый конверт. — «Не проклинай меня, сынок». — Трагедия. — Матерь. — Помощь, пришедшая вовремя.

Прошло около месяца со времени встречи Якуба с Гольдманом. Он уже стал забывать свою ночную беседу с «Благовестником». Правда, изредка подкатывало

некое подтачивающее сердце чувство... И тогда он жалел, что не связал руки этому подлецу и не отвел его тотчас в милицию, но, отвлекаясь работой, опять забывал его.

Якуб не посмел переговорить с отцом о «Благовестнике» и о том, что, дескать, его мать жива: побоялся, что состояние отца может ухудшиться...

Он бы все забыл, и жизнь его тогда бы продолжалась обычно и равномерно, как шла и прежде, когда бы вдруг на его имя не пришло письмо из Тель-Авива.

...В одно из воскресений Якуб обнаружил в почтовом ящике среди газет желтый конверт. «Странно, — подумал он. — От кого это может быть?» На месте обратного адреса было написано: «Израиль, Тель-Авив, Цира Раунштейн». Якуб поначалу опешил и оцепенел. Неужели сказанное тем проходимцем — правда? Неужели ему еще предстоит увидеться с матерью, которую он считал умершей.

Сердце Якуба вдруг заколотилось неудержимо. Он забыл, что дочь его еще спит, и стал кричать с порога:

— Отец, Рита, письмо! Письмо от мамы!

— Тише! Чего ты кричишь? Ребенка разбудишь! — недовольно вышла из кухни Рита. — От кого, говоришь?

— От мамы, родная, от мамочки!

— От мамы? — Рита удивленно вскинула брови. — От какой мамы? Ведь...

— Ах, родная, ты все равно не поймешь. Я недавно услышал одну новость и это, кажется, правда... — Он схватил жену и закрутил в объятиях. И вдруг, оставив ее, бросился в комнату отца.

Рита была ошарашена поведением мужа, флегматичного по природе, который в последнее время был не в меру угрюм и задумчив. Она молча последовала за ним.

Якуб был похож на ребенка. Он даже сам не знал, что делает. Ведь, оказывается, мать его и впрямь жива...

— Отец, ты слышишь? Письмо от мамы, мамочки моей!..

Лежавший в своей постели, худой и состарившийся донельзя в свои пятьдесят лет, Изя Товбис закашлялся.

Якуб некоторое время смотрел на отца и вдруг побледнел. Потом проглотил вставший в горле ком и буркнул укоризненно:

— А ты ее, живую, вывел в мертвецы и обманывал меня...

Якуб не обратил внимания на дрожащие плечи отца, на то, как он побледнел и прикрыл глаза. Вернее, отнес все это на кашель.

Некоторое время спустя отец открыл глаза и посмотрел на сына и на невестку.

— Письмо, говоришь? От матери? Уф-фф...

Якуба расстроило, что отец так холодно и даже с недовольством встретил эту новость.

«Стало быть, слова «Благовестника» — правда?» — с обидой подумал он. И вдруг некий прилив презрения заставил его прижать письмо к груди и, резко обернувшись, выйти вон из комнаты.

Но у самой двери его остановил охающий голос отца.

— Якуб! — Тот остановился, но оборачиваться не стал. — Ты... ты обижаешься на меня? Подойди ко мне, я хочу сказать... а потом уж можешь и обижаться...

Якуб обернулся.

— Говоришь, письмо пришло от матери? Хорошо, — отец покашливал и почесывал заросший подбородок. — Ты прочел его? Что она пишет?

«Действительно, — подумал Якуб, — можно ли так горячиться, не зная, что в письме написано? А потом от кого оно на самом деле? Ведь раньше я не был таким...»

Он вынул дрожащими пальцами благоухающее души письмо и стал читать.

«Дорогой, единственный и любимый сынок мой, Якуб. Это письмо пишет тебе твоя бедная мама, живущая в райской стране Израиле, но адски страдающая в тоске по родному сыну, который считает своим отцом какого-то проходимца, обманывающего его на протяжении стольких лет...»

Якуб хмуро посмотрел на отца. Чувствовалось его раздражение, он сидел на постели весь посиневший от злости. Якуб чуть заметно усмехнулся и продолжил:

«Сын мой, Израиль это такая страна, что вряд ли другая на земле с ней сравнится...»

— Довольно, — сказал дрожащим голосом Изя. — Дальше можешь не читать. Все ясно. — Он закашлялся. Потом, схватившись за сердце, тяжело вздохнул. — Я догадываюсь о чем дальше. Расписываются райские прелести Израиля и ты приглашаешься туда... Словом, ничего нового в этом нет.

Он закашлялся опять. За это время Якуб успел

пробежать глазами письмо до конца и обнаружил. Что отец прав... Конец письма был посвящен проклятиям в адрес Изя.

— И я получил два таких письма...

— Два? Почему ты мне на сказал об этом ни слова? Ведь они от моей матери, которую ты считал мертвой. Почему ты это скрывал от меня? — спросил Якуб с укоризной.

— Да, ты прав. Мать твоя жива. Но для меня... — Изя вздохнул. — Для меня она давным-давно мертва. Я считал ее мертвой и для тебя, потому что она бросила тебя в младенчестве, ты рос, не зная материнской ласки. Увы, я, оказывается, ошибался. Вся жизнь моя стала ошибкой. — Изя всплакнул. — Ну да ладно. Видно, доля моя такова. А с судьбой ничего не поделаешь, остается смириться...

Изя закашлялся еще раз. Рита дала ему чаю, каких-то лекарств. Потом осторожно уложила его в постель и сама села в кресло у кровати. Не отошедший еще Якуб стоял, прислонившись к дверному косяку.

Некоторое время Изя лежал, смотря на потолок. Потом глубоко вздохнул и закрыл глаза, хриплым голосом, сквозь кашель, начал:

— Я виноват, что обманывал тебя... Я не думаю, что меня хватит надолго. Ты же на всю жизнь станешь проклинать меня, если не узнаешь правды. Я не хотел, чтобы ты знал этой правды, поскольку всегда считал тебя совестливым парнем. Но... но что поделаешь. Это письмо сделало тайну явной. Что ж, слушай... чтобы не проклинать меня после моей смерти. Вот моя единственная просьба к тебе... — Якуб посмотрел на отца со злостью. Вздохнул. Изя продолжал тем же голосом, полным дрожи и покаяния: — Теперь я расскажу тебе всю правду о нашей жизни с твоей матерью в Каире... Я обязан это сделать...

Мы достигли Каира и оказались в трауре: в те дни умер мой отец... Когда кончились поминки по отцу, слегла и мать... А потом родился и ты...

Говорят, что каждый ребенок рождается со своим уделом... Во всяком случае, когда родился ты, дела у меня пошли как нельзя лучше. Особенно в лавке, которая мне досталась в наследство от отца. Но... но это не привело, увы, к добру. Когда ты был еще двухмесячным, мать твоя ушла из дома и пропала без вести.

Потом я узнал, что она уехала в Америку... С тех пор она мертва для меня...

— Ложь! — крикнул вдруг Якуб, да так, что перепугал насмерть Риту. Вздрогнул от испуга и Изя Товбис. — Ложь! Все твои слова о матери — ложь! Я все слышал. Все знаю! Я знаю все от Лейзора Гольдмана...

— Что?! Лейзор Гольдман?! — Нет, Изя Товбис не прокричал это имя, но прошептал и это услышала лишь сидящая рядом с ним Рита. — О боже! За что же это?

Он отбросил свое изможденное тело на спинку кровати и укутанный в простыню показался трупом, завернутым в саван. — Ты... ты встречался с этим... дьяволом Гольдманом? О боже? За какие грехи ты меня так наказываешь? Неужели теперь хочешь разлучить меня с сыном? — Он заплакал безудержно, как ребенок. Потом, вытирая глаза, зло сказал: — Я хорошо знаю эту сатану. Я встречался с ним три месяца назад. Ах, дьявол! Значит, ты сделал все, что хотел! — Он бил себя кулаком по голове и угрожал кому-то невидимому за окном. — Ах, зачем я не придушил тебя там? Ах, дурень я, дурень! — Он заплакал опять. — Гольдман предложил мне тогда или ехать в Израиль, или сотрудничать с ними. А когда я отказался, он стал запугивать меня, что расскажет тебе о матери и заставит выехать в Израиль тебя... Ну вот и добился, чего хотел. Вот и тебя сбил с пути...

— Не надо этой клоунады, — горько сказал Якуб. — Теперь я тебе не верю. И не хочу называть тебя отцом... — Он отвернулся.

— Что?! Что ты сказал?! Меня... меня... — и Изя задохнулся.

— Папа, папочка! — бросилась к нему Рита. — Что с вами? Откройте глаза...

Якуб равнодушно поглядел на кровать и нехотя подошел к ней...

Изя пришел в себя несколько минут спустя. Увидев над собой сына, он вздохнул:

— Ты здесь, сынок?

— Да, здесь. Хватит, открывай глаза...

Изя взял дрожащими руками ладонь Якуба и, поглаживая ее, прошептал:

— Слава богу... — и вдруг опять схватился за грудь, — проклятый Лейзор... всадил и второй нож... Ничего, пройдет... Дай, пожалуйста, чаю...

Якуб подал ему пилалку, поддерживая его за голову, напоил.

— Спасибо. А теперь посиди со мной.

Якуб подложил ему под спину подушку и сам сел на стул рядом. Оба молчали. Изредка всхлипывала перепуганная Рита. И, наконец, Изя заговорил все тем же дрожащим и бесцветным голосом:

— Я хотел сохранить в твоей памяти чистый и святой образ матери. Увы! Теперь это невозможно... — Потом, как бы разговаривая сам с собой, продолжил: — Неужели он сожалеет, что называл меня до сих пор отцом? Нет, кажется он обиделся из-за того, что я его обманывал... И что он сказал?.. Прекрати эту клоунату? Он послушался Гольдмана... Дурень... Но, впрочем, он прав в том, что не может называть меня отцом... Ведь, как говорила Цира, настоящий его отец — не я, а майор фон Ганс Штоф...

Якуб, недоуменно слушавший бессвязные слова Изя, вдруг вскочил с места и в сердцах пнул стул, на котором сидел. Якуб выскочил из комнаты, а Изя стал биться головой о стенку и рыдать. Разбуженная грохотом дочь Цилия вдруг перепуганно заплакала. И тогда Рита бросилась к мужу.

Когда она вбежала в спальню, Якуб в глубоком беспмятстве лежал у стола ничком и под головой его растекалась лужа крови. Перепуганная Цилия стояла в пижамке на кровати и истошно кричала. Рита оцепенела, не зная, что делать. Потом с воплем бросилась к мужу, перевернула его на спину, стала вытирать его лицо. Было видно, что Якуб, падая, напоролся на угол стола и разбил себе голову. Рита нащупала пульс. Сердце билось едва-едва. Она попыталась успокоить ребенка и бросилась к Изе.

— Папа, смотрите, сын ваш...

Но увидев старика, который почему-то хохотал, а потом вдруг зарыдал, она встала, как вкопанная. Просить помощи у безумца было безумием и Рита бросилась к телефону. Вызвала «Скорую» и вернулась к мужу. Кровь из раны не прекращала идти. Она попыталась перенести его на кровать, но не хватило сил. Цилия громко плакала.

— Не реви, кому сказала, не реви, — не выдержала Рита. — Без отца останешься, слышишь!

Сказала и сама же перепугалась насмерть. «А если, и вправду, от потери крови?..» — и Рита, сама не зная,

что делает, стала целовать мужа и причитать: «Милый, открой глаза, милый, что с тобой?» И только когда почувствовала теплую кровь на своем теле, пропитавшую и фартук, и платье, она пришла в себя. Когда она встала и огляделась по сторонам, Цилия вдруг издала истошный вопль и вся изошлась в судорогах, скрючилась, закатив глаза. Рита в беспамятстве бросилась к ней.

— Родная, что с тобой? Милая...

Она растирала руки и ноги девочки, гладила и, вдруг увидев бутылочку с чаем, стоявшую в ее изголовье, стала брызгать чаем в лицо дочери.

Когда Цилия пришла в себя и тихонька застонала, Рита была уже обессиленной. Ее спокойные и улыбающиеся глаза светились каким-то безумием. Но услышав стон своей дочери, она схватила ее и прижала к себе. Попыталась что-то сказать, но слова застревали в горле и только крупные слезы покатались по лицу матери, скатываясь на щеки дочери...

В это время она услышала глухой звук звонка. Подняла голову и, внезапно осознав, что это доктор, шатающейся походкой пошла к двери.

Вошедший доктор Александр Леви по обыкновению, чтобы не споткнуться, переступил порог, глядя на него, и услышал:

— Доктор, скорее...

Он посмотрел перед собой и отпрянул, бессмысленно озирая Риту. Перед ним стояла совершенно незнакомая, безумная женщина, измазанная кровью. Волосы ее были распущены и глаза лихорадочно блестели, как у старой ведьмы... На руках ее, к тому же, был стонущий ребенок... Доктору, заходившему сюда в последнее время чуть ли не по три раза на дню, и впрямь стало не по себе.

— Вы кто... вы Рита?

Рита молчала.

Доктор пришел в себя и возбужденно стал допытываться:

— Что с вами случилось? Вы вся в крови... и ребенок, кажется, моя славная Цилия, что с ней? Дайте-ка ее сюда...

И вдруг Рита встрепенулась и с криком «Не дам!» — бросилась с ребенком в комнату.

«Господин доктор», бормоча: «Ужас! Ужас!» — пошел за ней.

В комнате он увидел еще более страшную картину:

Якуб лежал весь в крови посреди комнаты, а Рита с ребенком сидела, зажавшись в углу.

— Ах, вон оно в чем дело. — Он спешно снял с себя пиджак, стал прощупывать пульс Якуба и очищать рану. — Рана не такая страшная. Надо остановить кровь... — Доктор открыл свой чемоданчик, достал какие-то лекарства и стал смазывать ими рану. — А это, чтобы привести его в чувство. — И он дал понюхать нашатыря. — Это же придаст ему сил, — и он взял в руки шприц. — Ну вот, пожалуй, и все. А вы что, Ритаханум, зажались в угол? Перепугались немного, верно? Теперь бесполезно, сердце у меня уже не на месте. Или боитесь за мужа? Он сейчас придет в себя. Дайте-ка мне ребенка, а сами переоденьтесь и умойтесь. На вас страшно смотреть. А потом мы переложим с вами мужа на кровать.

«Господин доктор» говорил без умолку и приближался к Рите, которая прижалась в углу, но потом испуганно протянула ребенка доктору.

Беря Цилию в руки, Леви внимательно всмотрелся в глаза Риты.

— Гм... и вы... и ваше здоровье... вернее, взгляд ваш не совсем осмысленный... быть не может. Ну-ка, дайте руку. — Он взял ее за руку и посадил на стул. Он уложил Цилию в ее кровать. Потом стал прощупывать пульс. — Хорошо бы что-нибудь успокаивающее, — сказал доктор, — даже снотворное, но, увы, у меня его нет. Он поглядел на Риту и бросился на кухню. Оттуда доносился его не прекращающийся разговор с самим собой: — Нет, я не доктор, а размазня, иначе стал бы я пугаться, как черт, увидев вас. — Доктор налил в графин воды и тут увидел в открытую дверь «Скорую помощь» и поднимающуюся по ступенькам женщину в белом халате...

— Добро пожаловать, ханум! — сказал Леви. — Говорят, если мышке хочется умереть, то она шутит с кошкой; так и больной, если хочет выздороветь, то шутит с врачом, а я один не в силах справиться с их шуточками. Пожалуйте, ханум...

Врач опешила от многочисленных слов, обрушенных на нее Леви, который тут же исчез в комнате. Он подошел к Рите, протянул ей графин и предложил умыться.

Рита сидела неподвижно, закусив губу. Леви прошиб пот от созерцания ее бессмысленного лица, и лишь когда

в комнату вошла врач «Скорой помощи», облегченно вздохнул.

— Скорее, ханум, скорее! Эта девочка ждет не дожидется вас. А я займусь пока вот этой женщиной...

Врач «Скорой помощи» была поражена происходящим и особенно приказным тоном незнакомого старичка, но, чувствуя нешуточность ситуации, бросилась к Циле.

— Кстати, лежащий на полу — тоже в вашем ведении. Гм... Рита, откройте-ка ротик... Что ж, кажется придется самому взяться за это. — И, приговаривая под каждое движение, доктор Леви стал раскрывать ей рот, подозвав врача помочь ему напоить лекарством Риту.

Врач, на первых порах не заметившая Риту, увидев ее, шарахнулась было в сторону. И все же им удалось дать ей лекарство.

Каждое свое действие Леви сопровождал комментарием: так сподручней ему казалось работать. Выбегая зачем-то из комнаты, врач «Скорой помощи» услышала вослед: — Еще бы немного, и одним больным стало бы для меня больше. Эта ханум так перепугала меня! А вы, доктор, молодец! Не так испугались...

...Рита вскинула ресницы, и как будто только увидела доктора, уставилась на него и вдруг заплакала.

— Слава богу, — сказал доктор, смахивая пот со лба, — хоть пришли в себя. Ну выплачьтесь, полегчает.

В дверях показалась врач. Следом за ней с носилками вошел шофер «Скорой помощи».

— Доктор, — обратилась она к коллеге, — с девочкой ничего не произошло, просто сильный испуг и потеря сознания...

— Вполне возможно. Положим, ее напугала мать, а кто же напугал в свою очередь ее? Разве что Якуб. А каким образом?.. — И доктор, не умолкая, стал выдвигать немыслимые версии происшедшего, поражая врача и шофера таким диковинным способом установления диагноза.

Они выносили Якуба, когда из соседней комнаты раздался кашель, а потом и нервический хохот.

— О-о! — сказал протяжно Леви. — Так это мой личный пациент, оказывается, спит. А теперь дает знать, что проснулся. Но смех... Странно... — Леви помог уложить Якуба в «Скорую», а сам поспешил к Изе.

... Изя, сидя на кровати, что-то шептал, гримасничал, кому-то угрожал...

— Горе-доктор, горе-доктор, то, что ты подозревал в Рите — здесь уже наяву.

Изя посмотрел на доктора. Глаза его были безумны...

Врач «Скорой» подробно что-то порасспросила Риту и, сев в машину, уехала. На этой же машине уехал и Изя Товбис. — Леви увез его в психбольницу.

... Спустя час, в этот дом вошел Атаев со своей женой Сарвинисо. Растерянная Рита расплакалась.

— Не плачь, детка, — пытался успокоить ее Узбекхан-ака, слушая сбивчивый рассказ Риты о происшедшем. — Потом расскажешь. А пока одевайся и одевай Цилю. Пока они выздоровеют, поживете у нас. А я сейчас поеду навестить Якуба и Изю. Леви уже мне звонил и сказал, где они...

Через неделю Якуб выписался из больницы. Он теперь совсем не походил на прежнего, веселого, балагурящего Якуба, был угрюм и нелюдим.

«Как я буду теперь смотреть в глаза людям?» — думал он со стыдом или со страхом, и это легло на него тяжелым как камень грузом...

Якуб остался словно между двух огней и сам изводил себя:

«Отец, бедный отец! Сколько ты перетерпел. А теперь попал в психбольницу. Сегодня же, сегодня пойду к тебе, отец!»

«Отец? Нет, теперь он мне не отец! Я не могу простить, что он внушил мне смерть матери. Нет, отцом я его называть не сумею. Он мне чужой!»

«Но ведь он воспитывал меня, поставил на ноги. Советовал только хорошее, совсем, как философ, ставший философом от страданий. А мать? Что она дала мне?..»

«Уф... Кому верить?.. Кому? Отцу? Или словам «Благовестника» и письму матери? Кто прав и кто неправ?!»

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ОДЫШКА

**Радостные дни. — Чаша мечтаний, разбитая
вдребезги. — «Может быть, Якуб обиделся?»**

Наконец выздоровел и Изя. Рита с Якубом привезли его из больницы домой. В тот вечер навестить Изю

пришли Атаев с женой Сарвинисо. Вот тогда Якуб и исповедался им во всем случившемся.

Атаев слушал его молча, потом, как бы сожалея, покачал головой:

— Если бы ты не таился и рассказал это сразу же, может быть, дом твой не был бы так беспокоен. И ты скрывал... и отец твой скрывал происходящее. — Он с укором посмотрел на Изю. — Но все равно нашелся этот «Благовестник», который занимался под маркой торговых дел пачкотней... этот самый Лейзор Гольдман.

— А откуда вы его знаете? — удивился Якуб. Изя тоже побледнел от неожиданности. — Почему вы мне не говорили об этом?

— Бесполезно было говорить тебе. Ты тогда ничего не слышал и не хотел слышать. А что касается Гольдмана, то тогда я получил письмо от своего боевого товарища, польского богатыря Анжея... Он и написал все, что знал о Гольдмане... Кстати, сам Анжей скоро приезжает в Ташкент. Можешь услышать все из первых уст.

В представлении Якуба перед ним сидел не просто директор техникума, а некий всезнающий волшебник. Он обнял его и сказал:

— Простите меня, папа.

Когда Якуб вышел помогать Рите на кухню, Атаев попросил Изю, для семейного благоденствия, рассказать историю его развода с Цирой сыну. Но тот повел головой.

— Не могу, — шептал он... — Совесть не позволит... А потом, он, кажется, многое узнал от этого Гольдмана. Эх, Узбекхан-ака, я ведь Циру помню еще ту, до нашей женитьбы, и помню до сих пор. А остальное я вычеркнул из памяти и считаю, что во всем виновата война. Так пусть и сын вспоминает мать как чистую и святую женщину...

В это время Якуб занес полный ляган плова и разговор прервался...

* * *

Рыбка, выплеснувшаяся из воды, блеснет в лунном свете и опять уйдет в бездну вод. Таким мимолетным было и успокоение Якуба от выздоровления отца и беседы с Атаевым...

Он впервые после стольких недель садился за общий стол с отцом, женой, любимой дочерью Цилией, которая давно выздоровела и ласково льнула к Якубу. Он по-

просил прощения у жены и отца за то, что когда-то неловким словом или действием обидел их. Якуб дышал так же легко, как летает птица.

И с этой радостью он ходил в техникум и заканчивал свой научный труд.

В одну из суббот Якуб, уходя на работу, обещал вернуться пораньше и пойти с Ритой в театр. Кроме того он собирался переговорить с Атаевым о предоставлении ему за свой счет отпуска с первого числа предстоящего месяца, чтобы отдохнуть с женой и дочерью в каком-нибудь санатории. Эту мысль поддержал и Изя.

Когда Якуб вышел из дому, небо было пасмурно. Не обращая внимания на погоду, он с радостным настроением шел к воспитанникам. Вскоре начался дождь. А он с удовольствием подставлял ему лицо и упивался тяжелым, влажным воздухом...

К полудню он перешел в ливень, и именно в это время Якуб, как золотая рыбка, выплеснувшаяся из воды, опять упал в ее бездну... К Якубу, только что закончившему занятия, подошел дядя Исак и, сообщив, что приходили какие-то люди, которые интересовались его социальным происхождением, и тем, есть ли у него родственники за границей, тут же исчез. Особенно его взбесили слова:

«Якуб считает своим отцом предателя, а, стало быть, и сам встал на путь предательства». Якубу казалось, что эти слова стали достоянием всех в техникуме... Коллеги действительно смотрели на него с удивлением, не зная, что с ним происходит.

И чтобы избавиться от таких взоров, он поспешил в кабинет Атаева.

Тот выслушал нервную просьбу Якуба об отпуске и сказал:

— Сам знаешь, сейчас не время отпусков. Началась учеба... Но ты и впрямь должен отдохнуть... Надо бы посоветоваться. — И он стал звонить новому заместителю директора, пришедшему вместо Аронбаева — Исмаилу Мурадовичу, и попросил его зайти. — Да, сынок. мы тебе разрешим отдохнуть. Тем более, что ты, кажется, никак не придешь в себя после случившегося. Начинаешь быстро сердиться... Это признак того, что нервы у тебя сдают. Кстати, ты когда-нибудь видел человека, который попал в болото?

— Нет, а что?

— Просто нервничающий человек очень похож на

попавшего в болото. Чем быстрее он пытается освободиться от трясины, тем быстрее в ней утопает.

Якуб обычно любил слушать аллегории и притчи Атаева с неожиданными сравнениями, поговорками, но сейчас его раздражала назидательность директора. Тот почувствовал раздражение и замолк. В это время в кабинет вошел сухощавый Исмаил Мурадович и, тепло поздоровавшись с Якубом, вдруг спросил:

— Ваши руки дышат огнем. У вас нет случайно температуры?

— Мы как раз говорили об этом, — упредил Якуба Атаев. — Ему действительно нездоровится. К тому же и болезнь отца сказалась на нем. Вот просит отпуск за свой счет. Что вы скажете?

— Я не против, — Кадыров подошел к расписанию, висевшему на стене. Потом обернулся и сказал: — Думаю особых трудностей не будет. По истории шесть часов в неделю, по физкультуре — два. Можно выйти из положения...

Атаев, как только Кадыров вышел, обратился к Якубу:

— Ты особо не переживай. С отпуском все решилось. Кстати, где ты его хочешь провести? В санатории или на курорте?

— Хорошо бы! — загорелся Якуб. — Но даже если поеду, то не один. Отец, Рита, дочь... Дело в том, что и Рита берет отпуск...

— Вот оно как! Всей семьей, говоришь? Ну хорошо... И Изя должен отдохнуть...

Атаев куда-то позвонил. Сказал, что срочно понадобилось три путевки. Потом написал записку и передал ее Якубу.

— Вот, сынок, все сделано. Только в отпуск придется идти через полтора месяца: на ближайшее время путевок уже нет. Поедешь по этому адресу и встретишься с Каримовой. А получишь путевку, — посмотришь, с какого числа, и напишешь заявление...

* * *

Якуб задумчиво шел по шумной улице, на которой в ряд стояли сверкающие витринами магазины. Внезапно его кто-то задел, то ли нечаянно, то ли намеренно, но во всяком случае, он чуть не упал. Якуб еще не успел

опомниться, как услышал сзади чей-то вызывающий голос:

— Чего зенки растопырил, ублюдок!

Он невольно сжал кулаки, но когда обернулся, не смог определить в толпе, кто его назвал ублюдком.

Когда Якуб вернулся домой, Рита была уже в своем праздничном платье. Но лишь увидев мужа, тут же поняла, что радоваться нечему. Как фарфоровая чаша, оставшаяся на морозе, вдруг со звоном трескается, так треснуло ее желание пойти в театр. Но все же, через силу улыбаясь, она вышла навстречу мужу.

— Что с тобой? Что ты хмуришься, дорогой? Ведь ты пришел вовремя, — сказала она ласково.

Якуб погладил жене волосы, плечи. От этого Рита еще более ласково поглядела ему в глаза. А потом, видно, вспомнила что-то и вдруг зарделась.

— А знаешь, милый, — сказала она со всей искренностью, — пришла какая-то женщина и сказала соседям, что ты, дескать, собираешься в Израиль, а отец будто бы говорит: «Нет, иначе станет известно всем, что я Якубу не родной» — и не пускает...

Якуб вдруг оттолкнул жену и бросился в спальню, чтобы опрокинуться на кровать. Кровать заскрипела и замолкла.

Рита стала гладить ноющее плечо. Посмотрелась в зеркало — платье ее было помято и хранило следы сильных пальцев мужа. И тогда на глаза женщины, решившей поднять настроение мужу, навернулись слезы...

* * *

Якуб, не зная, как освободиться от всяких сплетен, всю ночь ворочался с боку на бок. Утром, завтракая с семьей, вдруг встрепенулся от кашля отца. Взглянув на гневные и в то же время печальные глаза отца, понял, что сейчас услышит еще что-то неприятное и по его коже пробежали мурашки. Чтобы поскорее встать из-за стола, он разом выпил остывший чай, и вставая, сказал Рите, испуганно глядевшей то на свекра, то на него...

— Накорми быстрее дочь и одень ее. Я должен идти за путевками.

— Ты вышел в отпуск?

Не успел он улыбнуться на этот полный радости

и удивления вопрос Риты, как послышался твердый и в то же время упрасивающий голос Изя:

— Сядь! Поешь хорошенько, а потом пойдешь куда тебе нужно. — Видя, что Якуб пропустил его слова мимо ушей, Изя продолжил: — Я с детства твердил тебе: завтрак съешь сам, обед подели с другом, ужин отдай врагу. Разве ты забыл, какой в этом смысл?

Изя часто любил объяснять смысл этой поговорки и особенно в части, касающейся ужина. Обычно он заканчивал словами: — Сон — это сила человека. А, стало быть, есть на ночь — лишать себя сил!

Якуб хотел перевести все в шутку и улыбнулся:

— Нет, отец, помню и чу!

Этой улыбкой он очаровывал и старых и молодых, но сейчас эта улыбка показалась Рите какой-то жалкой, вымученной. Она перепугалась. Изя был раздражен. Якуб же, погладив по головке дочь, продолжил:

— От чрезмерной пищи человек становится неповоротлив... А у меня день такой, что...

— Не морочь голову! — прервал Изя. — Скажи: не хочу есть и все! Или опять виделся с Гольдманом?

Якуб со страхом поглядел на отца и покачал головой.

— А что случилось с тобой? Был уже как человек. А вчера опять набычился. Жену обещал в театр сводить, она и с работы по этому поводу отпросилась. С каких это пор ты стал таким?

Якуб давно не слышал подобных слов от Изя. С тех самых пор...

...Тогда в день страшного ташкентского землетрясения, когда вся Кашгарка оказалась в руинах, Изя требовал, чтобы вынесли его шкаф, и лишь тогда он был согласен сам выйти на улицу. Когда же в числе первых они переезжали из палаток в новую квартиру, случилось еще одно происшествие. Поводом тому послужило полшутливое замечание Риты и Якуба: «Зачем вам этот допотопный шкаф, он будет портить нам интерьер! Лучше его сдать в музей...» Услышав это, Изя побледнел и гневно сказал: «Вот умру — делайте что хотите. Но пока я жив, мои вещи принадлежат мне!». Потом он все время бурчал одно и то же: «Кто не ценит старые вещи, тот не ценит и старых родителей», — и первым ввез в свою комнату этот шкаф. Тогда Якуб счел это за блажь, но, узнав от дяди Моши, что шкаф достался отцу не только от его отца в Египте, но даже от деда, понял, в чем дело...

Якуб вспомнил об этой истории и решил, что отец изменился в лице не просто так... Поэтому он с удивлением думал, что же должно произойти теперь.

— Чего уставился и не отвечаешь? Я тот же Изя, если думаешь, что перед тобой незнакомый. И ты тот же Товбис. Мой сын... А раз так... — У Изя кольнуло сердце и он на мгновение побледнел и понизил голос: — Имею право допрашивать тебя. Худо ли, бедно — а воспитывал тебя я...

— Хватит! — отрезал Якуб с дрожью в голосе. — К чему эти слова? Я ничего вам еще не сказал.

— Ах, так?! — Голос Изя приобрел прежнюю громкость. — Тогда слушай...

Рита, пугаясь нового скандала, стала быстро вытирать рот ребенка и встала с места.

— Деда, — сказала она, подражая Цилии, — я поела свою кашу, можно вас потеловать?

Изя муру поглядел на невестку с дочерью, но, увидев тянущиеся к нему ручки внучки, не смог сдержать улыбки. Цилия обняла его и, потершись о его колючую бороду, стала хихикать. Растроганный лаской, старик прижал внучку к себе и, поцеловав ее, сказал: «Смотри, не плачь в яслях. Ты уже большая девочка...»

После ласкового прощания внучки с дедом, Рита попросила Якуба:

— Помоги одеть ребенка.

Но Изя сказал:

— Доченька, одень ее сама. Я хочу с ним поговорить, — и Рита вышла с дочерью в другую комнату.

— Так что я тебе говорил? Да, вспомнил... — вздохнул Изя. — Ты хоть и ничего не говоришь ни жене, ни мне, но прекрати дуться. Я понимаю, что тебе теперь наплевать на мои слова. И все равно, даже если не веришь мне, то верь своей жене, верь Атаеву. Они тебе никогда не пожелают зла. Не верь дурным словам и не нервничай по пустякам. Иначе с тобой произойдет то же, что и со мной. Почти уже тридцать лет я терплю и несу свой крест. Даже после того, как сказал тебе... Кто твой отец...

Якуб не стал ждать окончания разговора, повернулся и вышел вон.

Спустя минуту в комнату вошла Рита, проводившая мужа и дочь, и увидела опечаленного Изю.

— Папа, вам плохо, да? — спросила она, как будто ничего не подозревая. — Отдохните, я вам постель перестелила.

Изя покачал головой. Потом, как бы умоляя Риту, сказал:

— Доченька, неужели Якуб обиделся на мои слова? Кажется, я был слишком резок. Я хотел... Я думал, что его надо остудить... Но не думай, что мне это дается легко... — и на глазах Изи заблестели слезы.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

СЛУЧАЙНОСТИ

Стерва Ирма. — «На свете много добрых людей». — Телеграмма.

Якуб стремительно вышел из дому с дочкой на руках, как будто за ним кто-то гнался. Пересек улицу, затем, как будто вспомнив о чем, остановился и поставил ребенка наземь. Вытер лицо платочком, посмотрел на дочку и улыбнулся. Потом, ущипнув ее за нос, сказал:

— Странный у тебя дед. Говорит мне — не обращай внимания, а сам ничего мимо себя не пропустит. Но это оттого, что он думает о нас...

Он взял дочь на руки, и как взрослому собеседнику, стал шептать ей на ушко:

— Ничего не стоит сойти с ума, если все принимать близко к сердцу. Надо запоминать и брать в сердце только то, что нужно людям. А для этого надо быть человеком с сильной волей. Таким, как я несколько месяцев назад. Понимаешь? А сейчас... Ничего не понимаю... — Он прижался щекой к дочери, и та с визгом стала его обнимать. — Доченька, я бы мог стерпеть слово «ублюдок», когда бы оно не относилось ко всем нам, к тебе, к твоей матери. Ведь и ты однажды спросишь себя: «А почему я дочь ублюдка»? Вот и мучаюсь после каждого слова... А дед твой не хочет просить прощения за свои грубые слова о твоей бабушке, которой ты, к сожалению, не знаешь. И я не знаю... Будь здорова! — сказал он дочери, когда та внезапно расчихалась от дыхания Якуба. Он достал из ее кармашка платочек и стал вытирать ей носик. Она со смехом отняла платочек и стала тереть себе нос сама. Якуб посмотрел на нее и вдруг расхохотался:

— Ба, да ты уже взрослая девушка, смотри-ка, за эти два месяца и нос себе научилась вытирать...

И тут же он забыл все, что сейчас говорил вслух, и стал подбрасывать от радости девочку в небо. Беззаботный ее смех как бы смывал всю накопившуюся на его душе грязь...

Когда они пришли в ясли, воспитательница как обычно демонстрировала свои золотые зубы и принимала детей. Увидев Якуба с дочкой на руках, она сделала ему замечание:

— Нехорошо, нехорошо! Балуете ребенка, а потом он капризничает и не хочет оставаться в яслях.

Эта, в общем-то, добрая женщина-армянка, говорила очень быстро и много. Якуб ее плохо понимал, но, как всегда, кивал ей головой и, вставив в одну из пауз среди ее монолога, что вечером заберет дочь сам, стал протяться.

Он махал рукой дочери и пятился назад, когда внезапно кого-то задел и услышал:

— Что за мужлан такой? Все ноги отдал!..

Якуб хотел было попросить прощения, но, обернувшись, увидел... Ирму!

— Так это ты, Якуб? Куда ты пропал?

— Извини, я прощался с дочерью, и нечаянно...

— Ой-ой! Говоришь о дочери, как будто меду в рот набираешь. Чего так гордишься? У других вон и сыновья, и то молчат, а ты все — дочь, дочь...

— Родишь сама и поймешь, — сухо ответил Якуб. Он чувствовал себя неловко: ее «базарный» голос привлекал внимание прохожих. Он хотел оборвать разговор и удалиться, однако в это время ребенок, который держался за ее руку, крикнул: «Вон, воспитательница!» — но Ирма одернула и цыкнула на малыша:

— Куда, малявка! Уши надеру!

Якуб посмотрел на малыша, втянувшего трусливо голову, и ему стало жалко его.

Он язвительно спросил:

— Твой малыш?

— Больно надо! Соседский, — проворчала Ирма. Потом стала осыпать проклятиями соседей, которые вечно заняты «своими делишками», и мальчишку, «вылупившего зенки, как будто обмочился», и кончила тем, что передразнила ребенка: «Не хочу идти с вами, не люблю вас...»

— Стоило ли тогда брать ребенка?

— Они мне кое-что достают. А так пропади они пропадом! И еще дверь в дверь живут. За всем подглядывают. Больно надо, чтобы они повсюду трепались...

В это время мальчишка укусил ее за руку и бросился к воспитательнице.

Ирма взвизгнула и стала осыпать проклятиями малыша.

Якуб обернулся и увидел, как воспитательницы, принимающие детей, уже перешептываются, кивая в их сторону.

— Так и не разучилась ты сквернословить, — сказал Якуб. — Хотя бы детские уши пожалела. Сама ведь когда-то была ребенком...

— И ты не изменился, — сказала она, вдруг став серьезнее. — Все избегаешь девушку, которая любит тебя. Совсем как в школе... Как будто я тебя съем...

— Опять заводишь старую песню? — оборвал ее Якуб. — Я тебе...

— Смотри какой раздражительный. Я хотела сказать о другом: хоть и живем в соседних кварталах, а видимся так редко...

— Лучше б совсем не виделись, — сказал Якуб.

— Почему?

— Потому что наша дружба кончилась еще тогда, в школе. Тебе нечего больше сказать мне? Я опаздываю на урок. Пока.

Он обманул ее, боясь, что она увяжется за ним.

— Стой, — сказала Ирма тем же базарным голосом. — Ты уже съездил в Израиль или только собираешься? — От этих слов мурашки побежали по спине Якуба. — Чего уставился? Или отчим не разрешил поехать к родной матери?

— Дура! — сказал Якуб, скрежеща зубами. — Горбатого, говорят, могила исправит. — Он резко повернулся и пошел быстрым шагом, на ходу развязывая галстук и расстегивая верхнюю пуговицу на рубашке.

Он сам не знал, как нашел адрес, который дал ему Атаев...

Поднялся на второй этаж и, открыв нужную дверь, вошел в кабинет. У стены за машинкой сидела длинноносая красивая девушка в атласном платье, переливающимся в лучах солнца, падавших из окна.

— Простите, вы будете Каримова? — спросил Якуб.

— Ой! — вскочила девушка с места. — Неужели нельзя, входя, постучать в дверь? А потом, не стыдно

приходить сюда навеселе? Каримовой нет. И сегодня не будет!

— Простите, сестричка, но я не навеселе, — сказал Якуб.

— Если вы не выпили... то отчего в таком состоянии? — Она перестала дрожать и только грудь ее взволнованно вздымалась. — Вон, напугали как. А потом — посмотрите на себя в зеркало!

Якуб посмотрел в трюмо, стоявшее неподалеку, и не узнал себя: растрепанный вид заставил его покраснеть.

— Простите, — сказал он, приводя себя в порядок. — Рассеянность... Вы говорите, товарищ Каримова сегодня не появится? Ну да ладно, подожду попозже...

Якуб направился было к двери, но девушке показалось, что его уводит в сторону.

— Ой, вы случайно не болеете?! — спросила она и подбежала к нему, чтобы поддержать. — Посидите. Отдохните. Я вам чай поставлю. У меня есть и корвалол...

— Спасибо, сестричка, — сказал Якуб, тронутый такой заботой. — Я здоров... Только... видимо, устал... До свидания...

Когда Якуб уже выходил из двери, девушка вдруг спросила его:

— Простите, а вы не Якуб Товбис?

— Да, а что?

— А вы не по поводу путевок пришли? — и не ожидая ответа, спешно стала докладывать: — Каримова еще вчера приготовила вам эти путевки. Она их оставила мне и просила извинить, что не сама их вам вручила. — Девушка достала из стола путевки и протянула Якубу.

— Спасибо, сестра, — растрогался Якуб. — Я никогда не забуду вашу доброту...

— Да что вы, — ответила девушка, кокетливо улыбаясь. — В техникуме вас, оказывается, очень ценят. Кадыров, ваш замдиректора, уже несколько раз звонил по поводу этих путевок.

Когда он вышел из приемной, девушка подумала: «Ну вот, обрадовался человек. И как мало для этого нужно...»

Душа Якуба была полна теплых чувств, когда он вышел из кабинета Каримовой.

«Много на свете добрых людей, — думал он. — И они почему-то все похожи на Атаева. Он может и вспылить, но сердцем чист, как ребенок. Так и эта девушка. Стало

быть, надо понимать, когда и на что они сердятся. Наверное, и Каримова такая же, если незнакомому человеку оставила путевки, да еще попросила принести свои извинения, что не сама их вручила. А Кадыров? Работы по горло и все равно удосужился поинтересоваться путевками. А отец мой — Изя? Когда он говорит откровенно, я считаю его грубым, а на самом-то деле... Правду говорил Атаев, что, чем выше поднимаешься в небо, тем хуже видишь всякую мелочь.

От этих мыслей стало тепло и светло на душе.

— Утром вы обиделись, не правда ли? — спросила воспитательница.

— Да нет, отчего же?

— Из-за слов этой Ирмы, которая совсем не умеет себя сдерживать. Недавно она также пыталась нам насиплетничать про вас...

— А что она сказала?

— Отец, дескать, вам чужой: вроде он был заодно с фашистами, а потом, украв вас, приехал сюда, и еще что-то там...

— Кому это она говорила? — затрясся Якуб.

— Да не обращайтесь внимания! — стала успокаивать воспитательница. — Никто ей не верит. Просто я думала успокоить вас после утреннего разговора. Я еще никогда не видела человека, кто бы мог разбогатеть на сплетнях. Вот и Ирма пришла сегодня домой, а ее обокрали. Какой-то парень, который оставался у нее на ночь...

Но Якуб уже не слышал этих слов. Он даже забыл попрощаться с воспитательницей и со сверлящей мыслью: «Теперь все всё знают...» — вышел на улицу с Цилией на руках.

О чем-то лепетала всю дорогу Цилия, но он шел, не разбирая дороги...

И вдруг на середине мостовой Якуб услышал скрип тормозов и чей-то оглушительный крик:

— Ты что, ослеп? Или подохнуть хочешь?!

Он обернулся на голос и услышал с другой стороны:

— Что за тип: себя не жалеет, так хоть ребенка бы пожалел?! Или ребенок чужой?

— Наверняка!

Кровь хлынула к голове Якуба от этих слов и, уже не замечая «МАЗ»а, он дико посмотрел на толпу усмехающихся и как будто дразнящих его людей.

— Брат, освободите дорогу, опаздываю на объект...

Он оглянулся на этот голос и увидел совсем юного водителя, высовывающегося из бокового окна огромной машины.

Якуб смотрел на него непонимающими глазами, а тот жалобно произнес:

— Слава богу, пронесло! Считайте, повезло и вам и мне...

Якуб смотрел на него некоторое время молча, а потом пошел, не оглядываясь по сторонам.

Когда уже подходили к дому, Цилия радостно закричала:

— Ма-ма!

Занятый мыслями, Якуб поднял голову и увидел, как Рита что-то спешно кладет в сумку у почтового ящика.

— Ой, пришли? Что так рано? — и она, набросив на руку модную сумку, направилась к ним. Она ущипнула им обоим носы и взяла дочь.

Как ни старалась Рита показаться веселой, Якуб все же почувствовал по ее лицу и по бегающим глазам, что случилась какая-то неприятность.

— Ты чего здесь ждала? — спросил он сквозь зубы.

— Только что пришла с работы и заглянула в почтовый ящик. Думала, принесли «Вечерку». Нет, не принесли. Не беспокой отца, открой дверь сам. У тебя ведь есть ключ...

Якуб, раздраженный донельзя оттого, что произошло утром и вечером, вскипел, видя, как Рита пытается что-то скрыть. И он с гневом спросил:

— Что ты спрятала в сумку?

— А... Вот ты о чем?.. — Рита, не привыкшая обманывать мужа, осеклась. — Это... Телеграмму от подруги получила...

— Телеграмму... И что же в ней?

— Какое тебе дело до женских секретов?! — попробовала отшутиться Рита. — Открой-ка лучше дверь! Ты, кажется, устал...

В другое время Якуб не стал бы препираться с женой. Но сейчас он был вне себя. С нескрываемым злодством спросил:

— С каких пор в телеграммах стали делиться женскими секретами?

— Ты успокоись, если расскажу? Валентина выходит замуж. Приглашает на свадьбу. Все?

— Твоя однокурсница из Курска?.. — Якуб был не-

управляем. — Ну-ка, покажи телеграмму! Подруга, которая дважды в год выходит замуж, может быть, и тебя пытается этому обучить? — Он протянул руку к сумке, которую уже держала Цилия.

Рита оцепенела оттого, что ложь была выявлена так быстро: месяцев восемь назад они и вправду получали приглашение на свадьбу от Валентины и, не сумев поехать, были вынуждены послать подарки к свадьбе посылкой.

— А ты не можешь посмотреть попозже?

— Нет!

И ей не оставалось ничего, как протянуть ему скомканый листок бумаги.

Якуб стал разглаживать листок и, вдруг смяв его, бросил в угол: первое, что попало ему на глаза — было «Авраам».

Он быстро зашагал в сторону двери. Пытаясь попасть ключом в замочную скважину, оглянулся назад и скомканная бумага показалась ему ползущим из угла пауком.

Рита, наблюдавшая за ним с недоумением, вдруг радостно всплеснула руками и залепетала:

— А я... — она благодарно улыбнулась мужу. — А я-то думала, что прочтешь эту телеграмму и, тревожась за мать, уедешь от нас...

Услышав слово «мать», Якуб встрепенулся. Оглянулся и уставился на Риту. Но она молчала. Он прошел в угол и, подобрав телеграмму, принялся читать.

Телеграмма была от матери.

Мать сообщала в ней, что болеет и очень скучает по сыну, и если он не может приехать в Израиль, то хоть в Вену, где она собирается лечиться, мог бы навеститься, чтобы хоть раз увидеться с ней. Затем она посылала привет от Авраама. Якуб посмотрел на Риту и вдруг таинственно улыбнулся, складывая аккуратно телеграмму: в его сознании мелькнула мысль плюнуть на все эти надоевшие разговоры, пересуды и уехать за счет отпуска за границу — в Вену, чтобы все узнать у матери...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ

Анжей Поничан. — Еще одна новость от Изги. Тайна старого шкафа. — Прощание. — Тревога Атаева.

Назавтра Якуб решил посоветоваться о своей зарубежной поездке с Атаевым: ему казалось, что, получив разрешение у Атаева, будет легко уговорить и Риту, и отца.

...Когда он вошел в кабинет директора, там сидел, занимая полдивана, бородатый густобородый человек, голова которого была посажена прямо на плечи.

— Смотри, как вовремя ты пришел, сынок, — радостно сказал Атаев, протягивая руку. — Знакомься: это Анжей Поничан, мой боевой товарищ, о котором я тебе много рассказывал. — Якуб поздоровался с Анжеем, и Атаев уже на русском сказал Анжею: — А это Изин сын, вернее, — как бы в шутку добавил, — спорный между Изей и мной — наш сын Якубджан.

— Э, вон оно что, — ответил Анжей на чисто русском языке и встал навстречу. Он прижал Якуба к себе и потом, усаживая рядом с собой, стал расспрашивать: — Ну-ка расскажите, как здоровье вашего папы? Он ведь тоже мой боевой товарищ. Я слышал, он будто бы приболел. Что с ним? Или плохо бережете ветерана? — Он подмигнул при этом Атаеву.

Якуб удивленно посмотрел на Анжею, дескать, откуда вы знаете моего отца?

Атаев заметил это выражение и стал объяснять:

— Я только что слово за слово стал рассказывать о твоём отце, а он, оказывается, земляк Анжеи. К тому же, они, выяснилось, боевые друзья, потерявшие друг друга...

Якуб, удивленный еще больше, с интересом посмотрел на Анжею. И, не веря, переспросил, действительно ли это так? Спросил и тут же покраснел, поняв, что поставил в неловкое положение не только Атаева, но и Анжею.

Анжей изменился в лице: сначала взгрустнул, но потом в его глазах появились веселые искорки и он, таинственно улыбувшись, сказал:

— Да, это так... Мы были с ним вместе в концлагере, когда фашисты заняли Польшу... Да, я хорошо

знаю Изю Товбиса. Но то, что он выдержал и не погиб, узнал только что от своего друга Атаева. — Он прокашлялся и продолжил: — Говорят, всякие сплетни тут про него распускали...

Якуб побледнел. Атаев же сказал:

— Мало ли длинноязыких на свете? Не меньше чем длинноухих... — и, посмотрев на Якуба, продолжил: — Ум — венец, но не на каждую голову. Поэтому, сынок, я тебе всегда говорю: не обращай внимания на всякую чушь. Понимаешь?..

Кивавший согласно Анжей вдруг прервал Атаева и сказал:

— Простите, простите, дружище, но ведь ваше письмо об этом... Гольдмане... как раз было на эту тему...

Услышав имя Гольдмана, Якуб вздрогнул. Атаев кивнул.

Анжей встал с места и, чтобы не смотреть на поникшего Якуба, стал ходить по комнате.

— Друг мой, Якуб, — сказал он после некоторой паузы. — Жалко, что вы упустили этого Гольдмана. Его надо было отдать под суд. А вы не сказали даже своему директору, отцу. Сколько труда потратил Атаев, чтобы решить эту задачку. И даже мне письмо написал, чтобы узнать про Гольдмана. Спроси он в этом письме об Изе, я и о нем написал бы всю правду. Я — живой свидетель того, какой это человек — Изя Товбис. Будь он предателем, то тогда в Польше в первую голову предал бы меня. Поскольку до войны мы видеть друг друга не могли. А причиной тому девушка по имени Цира.

Якуб, услышав имя матери, вздрогнул: глядевший на него Атаев отвел глаза, а Анжей продолжал:

— Из-за нее я пару раз даже избивал Изю. И после этого мы постоянно враждовали. Но несмотря на то, что происхождение у нас разное, доля оказалась одной: девушка ни одному из нас не досталась. Когда я бежал из концлагеря, я узнал, что она исчезла с каким-то гитлеровским офицером.

Анжей резко притянул стул к себе и сел.

— Нет, — сказал он тем же тоном, — Изя не предатель. Если бы он был предателем, то не взорвал бы гитлеровскую машину с оружием и их штаб. Не садился бы со мной на электрический стул. Да, нас подружили общие страдания, нас побратала война. Мы боевые друзья.

Атаев, как бы говоря: «Ну что, я прав?» — посмотрел на Якуба, но тот, не зная что ответить, понуро опустил голову.

— Вижу, вы многим похожи на Изю. Задумчивы, молчаливы. Не знаю, слышали вы о нашей боевой дружбе от отца или нет, но Изя, как и вы, любит больше молчать, чем говорить... Я помню первую операцию... Я был членом подпольной организации «Освобождение», созданной в Польше сразу после фашистской оккупации. Через неделю после завоевания гитлеровцами Кракова, я получил задание взорвать их штаб. Мне был назначен помощник. И представьте мое удивление, когда в назначенном месте я увидел своего «соперника» — Изю. Я не знаю, как чувствовал себя он, но я был готов отказаться от задания, я думал, что Изя мне отомстит за Циру и операция сорвется. Но все равно пошел. А потом все задания мы стали выполнять вместе. И даже в тюрьму мы попали вместе — после взрыва фашистской машины с боеприпасами. Месяц находились вместе в концлагере. Потом его увели из барака... Через два месяца я бежал и опять соединился с партизанами... Я долго интересовался его судьбой, но следов не нашел. Его никто из членов нашей организации не видел. Мы сочли его расстрелянным... Вот и остался он в моей памяти человеком бескорыстным и боевым...

Якуб, хотя и услышал хорошие слова об отце, но радоваться им не мог: Анжей, не зная, что Цира его мать, сказал между прочим о ее побеге с немцем. «Ганс фон Штоф... Неужели он и есть тот немец, о котором говорит Анжей?.. Нет, это какое-то недоразумение... Ведь отец и мать жили в Каире вместе... Может быть... отец мой бежал в Каир из Польши в форме гитлеровца?.. Тогда, выходит, Гольдман прав... И потом, почему отец называл меня «сыном Ганса фон Штофа?..»

— Вы сказали Цира... — пробурчал побледневший Якуб. — Ее фамилия не Раунштейн?

Теперь настал черед удивляться Анжею, который задумчиво сказал:

— Раунштейн?.. Цира Раунштейн... Кажется, так и есть... Да, именно, так! Погодите-ка, а она вам случайно не мать?! — Анжей вскочил с места. — Ну Изя!.. Смотри, какой ловкач... Так ваша мама жива-здорова? Стало быть, я увижусь со старыми друзьями? Вот это сюрприз, сюрприз Атаева!

— Увы, — сказал Атаев с сожалением. — Цира Ра-

унштейн не здесь, а в Израиле. — Анжей удивленно посмотрел на него. — Тот продолжал: — Это Цира руками Гольдмана внесла смятение в покой и благоденствие Изи...

— Неужели?... Неужели это та — красотой Зулейха, умом — Соломон? Не умещается такое в сознании... — Анжей обернулся к Якубу: — Да, кстати, почему они развелись?

— Это тайна похлеще тайны сфинкса, — ответил вместо Якуба Атаев. — Да и жизнь самого Изи загадка, которую не может разгадать никто. Даже его дядя Моша, который был с ним в Египте, и тот ничего не мог сказать. А о том, что он был в концлагере, как-то случайно проговорился сам. Но за что, с кем, как освободился, — ни слова... А о партизанстве его я слышу вообще впервые от вас.

— Я хочу все это выяснить, встретившись с матерью, — сказал хмуро Якуб. Он решил изложить причину своего прихода при Анжее, который, оказывается, знал отца и мать. — Я получил телеграмму от матери. Она больна. Со следующего месяца едет на лечение в Вену. Я хочу провести отпуск именно там. Вот... Об этом я и хотел посоветоваться.

От неожиданности Атаев опешил.

— А что говорят твои, жена и отец? — спросил он, переглянувшись с Анжеем.

— Отсоветовали, — ответил Якуб.

— По-моему, правильно сделали, — сказал Атаев. — Я тоже не советую тебе одному ехать туда.

Надежды Якуба лопнули и он нахмурился. Между бровей появилась глубокая складка. В разговор вмешался Анжей.

— Увидеться с матерью, конечно, большое счастье. Но я тоже присоединяюсь к совету своего товарища. Не стоит ехать в Вену именно в эти дни. Дело в том, что сионистская организация СОХНУТ сейчас, после Израильской агрессии шестьдесят седьмого года, развернула небывало активную деятельность. К тому же, судя по словам Атаева, мама ваша явно на коротке с отъявленным сионистом Гольдманом...

— Стало быть... я не получу и визу за границу?!

— Глупый! — Атаев, рассердившись, снял и заново одел тубетейку. — Мы тебе «А», а ты нам «Б» ...Кто тебе говорит, что ты не получишь визы? Тем более, если

мать больна. Мы говорим о другом: если поедешь за границу один и если мать твоя связана с сионистскими кругами, ты можешь попасть в переплет...

— Что? Неужели я не знаю, кто такие сионисты? Или вы мне не верите? И отец, и Рита тоже...

— Нет, сынок, мы тебе верим. Но ты можешь почувствовать себя там одиноким. Поэтому и советуем тебе еще раз переговорить дома. Может быть, есть смысл поехать туда вместе с туристической группой. Или пригласить мать сюда и предложить ей лечение здесь...

Якуб задумался.

— Вы, кажется, правы. Но... — он помялся. — Но я не могу пригласить мать сюда. Отец будет недоволен. А потом и она вряд ли захочет приехать... И туристом я не могу поехать, поскольку хочу быть с матерью, пока она не выздоровеет... К тому же... я хочу узнать у нее всю правду об отце...

— Слушай, сынок, — сказал Атаев, крутя карандашом. — Этого нельзя делать с бухты-баряхты... Пусть мать сначала приедет в Вену. Если действительно захочет увидеть тебя, то даст еще одну телеграмму. А ты обдумай все хорошенько. К тому времени и я вернусь из поездки. Тогда и посоветуемся. Ну, что ты на это скажешь?

Якуб кивнул, хотя подумал: «Приедет она или нет, но я должен в первых числах следующего месяца быть в Вене».

— Ты чего так смотришь на меня? — спросил Атаев. — Да, кстати, через два часа мы с Анжеем должны лететь за границу. Будем судить соревнования по борьбе. Временно директором остается Кадыров. Кстати, ты сегодня свободен? Можешь проводить нас до аэропорта?

— Да, — ответил Якуб.

— Тогда поехали.

— А разве домой заезжать не будем?

— Нет, — сказал Атаев. Он достал из шкафа свой походный чемоданчик. — С домашними мы попрощались еще с утра. Соревнования должны были начаться через неделю, а вечером пришла внезапно телеграмма из Москвы. И вот, как видишь, летим. Хорошо, я приготовился загодя.

Атаев по ходу зашел в кабинет Кадырова и дал последние инструкции.

По пути в аэропорт, сидя в такси, Анжей вспоминал

истории об Изе, а потом сказал, что на обратном пути намерен пробыть в Ташкенте неделю: тогда он обязательно увидится с Изей. Прощаясь, добавил:

— Если я вам показался чересчур назойливым, то простите. Старость — не радость, — и подмигнул при этом Атаеву.

Атаев усмехнулся и продолжил его мысль:

— Но, сынок, не забывай одного, хворост вспыхивает разом и тут же гаснет. А старый пень горит и греет долго. Поэтому, когда начинаем говорить мы, старики, то, считай, что начинает гореть пень... — А потом, по-серьезнев, добавил: — А на слова всяких могильных крыс внимания не обращай. Они вроде тех, кто пытается остановить чистый поток и кое-где лишь взбаламутят его — и все!.. Ну ладно, передай привет Изе. Через пару недель мы вернемся, тогда и посоветуемся. Пусть отец ждет гостей...

На следующий день Якуб стал действовать по принципу: «А Васька слушает, да ест...»

* * *

В первый день нового месяца Рита встала спозаранку. Просмотрела еще раз одежду, которую решила взять в санаторий для Цилии. Убедившись, что ничего не забыла, поцеловала Якуба в веки, разбудила его и приготовила завтрак.

Во время завтрака Якуб с улыбкой сказал:

— Такси я вызвал. К восьми будет подано. Отвезет прямо к санаторию. В этот раз вам придется отдыхать без меня...

Уставшая за эти дни от перепадов в настроении мужа Рита вдруг впала в отчаяние:

— А ты? Что с тобой?!

— Я! Я... поеду в следующий раз... А сегодня, к сожалению, не смогу даже проводить вас...

— Почему? Вызывают на работу в техникум?

Он повел головой.

— Уезжаю. Три-четыре дня хочу побыть в Москве, встретиться с руководителем по поводу своей работы. А потом проведу отпуск за границей, в Австрии. Я должен уже ехать, такси, наверняка, подошло...

Он встал было, но вдруг из рук Изи, который хмуро слушал разговор мужа и жены, упала на пол пиала и вдребезги разбилась.

— Ах, злосчастный! — сказал он хриплым голосом,

отпихивая от себя стул. — Значит, все-таки едешь... за границу?! Зачем... зачем ты нас водишь за нос... говоря, что будешь отдыхать за границей? Я чувствую... чувствую, что ты хочешь увидаться с матерью... Умм... — Изя схватился за сердце и, шатаясь, побрел в свою комнату.

Рита с ревом бросилась на шею мужу.

— Не езжай! Слышишь, не езжай туда! Останься с нами, мильй.. Ведь Цилия будет скучать...

Якуб гладил волосы жены и думал: а не бросить ли всю эту затею? Но... Он с силой освободился из ее объятий и сказал: «Не могу. Я получил еще одну телеграмму от мамы. Она больна. Надо ехать»... — и вошел в спальню, поцеловал спящую дочь и вытащил из-под кровати пригоровленный на дорогу чемоданчик. Потом поцеловал Риту, стоящую рядом. Проходя мимо комнаты Изя, хотел попрощаться и с ним. Заглянул к нему. Лежавший на кровати отец, не меняя позы, вздохнул:

— Едешь? Ну что ж... убирайся! — отвернулся, но в то же мгновение вскочил с кровати и во весь голос закричал: — Стой! Рита! — и его схватил приступ кашля.

Рита, перепугавшись голоса свекра, нехотя зашла в комнату.

— Слушаю, папа...

Изя, не раскрывая глаз, хриплым голосом сказал:

— Возьми из моего шкафа... тетрадь...

Рита направилась к шкафу, потом остановилась и спросила:

— Как же мне его открыть, ведь ключа у меня нет?

— А?! Ключа нет, говоришь? Ну ладно, не надо... я сам... — он попытался встать, но потом как будто расхотел — махнул рукой. И вдруг неожиданно схватился за цепочку, висевшую у него на шее, и резким движением вытянул медальон, из которого достал красивый золотой ключ. — На... открой сама... теперь нет необходимости скрывать от вас свою тайну... пусть Якуб теперь узнает, кто его мать... на самом деле. — Якуб побледнел, но, не желая обижать старика перед самым отъездом, промолчал. — Я... дурак, столько времени прятал это...

Рита подошла к шкафу, который был по-восточному изыщен, хотя староват и очень тяжел.

Изя хрипло сказал:

— Ну что, открыла? Теперь на нижней полке... есть кнопка... нажми ее и... сдвинется панель... Там... меха-

низм... Набери цифру 1940... А потом 23 и 1... — Он жалобно посмотрел на Якуба и прошептал: — Это день нашего венчания с твоей матерью...

Рита исполнила сказанное и вытащила тетрадь с черной обложкой и маленький узелок, обернутые в непромокаемую бумагу.

— Узелок дай мне... — сказал Изя, не раскрывая глаз, — а тетрадь... мужу... — и потом спешно открыл глаза, посмотрел на Якуба и сказал: — Прочти это до отъезда... Обязательно до... Я здесь написал то... что никогда не осмелился бы рассказать тебе, как отец, о твоей матери...

Якуб взял тетрадь. На обложке красной тушью на идише было написано:

«Кто найдет эту тетрадь после моей смерти, прошу уничтожить ее, не читая! Если можно, похороните ее со мной! В узелке — мой подарок за услугу».

Он не успел все прочесть, как зазвонили в дверь. Это был шофер такси. Якуб взял свой чемоданчик и положил тетрадку на столик. Потом глухо сказал:

— Приеду, прочту.

Изя всплеснул руками. Глаза его заслезились.

— Нет... нет, сынок!... Если сейчас торопишься... то возьми с собой... прочтешь по дороге... но обязательно прочти до встречи с матерью! Вот это тебе... — он протянул узелок. — Здесь одна серьга... вторая у нее... Забери ее, пригодится... Привезешь Рите... Это подарок моей матери... Возьми и вот это... Ведь ты не знаешь своей матери... — Он полез в карман пиджака, висевшего на спинке стула, и достал из записной книжки фотографию.

Подгоняемый шофером, Якуб посмотрел на карточку и, увидев удивительно красивую молодую женщину, подумал с нежностью: «Так вот она какая, моя мама!» Затем он хмуро посмотрел на Изю и положил карточку в карман. Вслед за этим развязал узелок и увидел настоящее чудо ювелирного искусства — серьгу с двумя рубинами.

— У нее, — услышал он голос Изю, — в серьге нет рубина и одной жемчужинки... Потеряны...

Якуб завернул серьгу в узелок и положил на стол.

— Обо мне не беспокойтесь, — сказал он с напускной веселостью. — Если мне придется увидеть мать, то обязательно привезу вторую серьгу. И обе при вас подарю вашей невестке, — и он выбежал из комнаты.

Рита, бросившаяся за мужем, так и осталась, лепеча: «Может быть, я до аэропорта провожу...»

* * *

...Вернувшийся из-за границы Узбекхан Атаев вместе с другом Анжеем Поничаном вечером вошел в свой дом. Поздоровался с женой, детьми и, познакомив с ними гостя, стал интересоваться здоровьем Изи.

Постаревшая и поседевшая за последние годы его жена, мать восьмерых сыновей и одной дочери, в прошлом директор знаменитой фабрики, но все такая же добрая и обаятельная женщина — Сарвинисо-опа, сказала:

— Ничего, — потушилась. Потом, видя, что муж еще хочет что-то спросить, добавила: — Я сейчас, — и вышла из комнаты.

Когда Узбекхан-ака нахваливал Анжею груши, посаженные им и сыном Изи — Якубом, и просил ответить, Сарвинисо-опа вернулась с чайником.

— Так что случилось? Почему не отвечаешь толком?

— Отдышитесь сначала, предложите гостю пиалу чая. А я тем временем принесу плов.

Атаев некоторое время говорил с гостем, и все же не вытерпев, попросил у него прощения и вышел на кухню.

— Вай, вы посмотрите на него, гостя оставил одного! — всплеснула руками жена.

— Говори, что случилось с Изей? Якуб жив-здоров? А Рита, Цилия?

— Никак не успокойтесь, пока не выпытаете все! Хорошо, скажу. Но с одним условием, — шутливо произнесла она. — Только после плова.

— Ну не мучь меня, мать.

Жена почувствовала, что если она не скажет, то муж сейчас же направится к Изе.

— Изя болел. Сейчас ему лучше, только...

— Что только?..

— Только Якуб... поехал за границу...

— За границу? Зачем?

— Не знаю. И не попрощался. За день до того я была у них. Но он ничего не сказал...

— А Изя? Рита?

— Все дело в том, что Якуб им, оказывается, раньше говорил о своей поездке, но, когда Изя не разрешил, тот перестал об этом и заикаться. А в день отъезда в санато-

рий взял и объявил им об отъезде. Изя говорит, что он теперь не вернется... даже если сам захочет — мать его не отпустит...

Атаев потер лоб и направился в гостиную. Через некоторое время он вышел вместе с Анжеем.

— Мать... мы быстренько ходим к Изе, — сказал богатырь.

— Ну и привычка у вас, — укоризненно сказала Сарвинисо-опа, держа тарелку с рисом для плова. — Ну вы-то известное дело... Пусть бы хоть гость немного отдохнул... Плову бы поели сперва.

— Разве полезет плов после слов, которые я услышал, — сказал Атаев. — Ничего, придем и поедим...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

БОЕВЫЕ ДРУЗЬЯ

Изя ждет гостей. — Слова Изи о Цире. — Гольдман, или еще раз о сионизме. — Жертва сионистов.

Изя Товбис проснулся в хорошем настроении. Прощелся по комнатам, как будто выздоровел окончательно. Вышел во двор, несмотря на предупреждения Риты. Обошел цветник, посаженный им в прошлом году.

К сожалению, цветник, радовавший взор прохожих с весны и по самую осень, теперь был гол и Изя печально подумал, что все это схоже с человеческой жизнью. Он стоял и долго искал, и находил соответствия этого цветника жизни человека, поскольку и сам теперь был похож на эти голые и печальные кусты.

«Но нет, — подумал он, внезапно озаренный другой мыслью, — а плоды, которые остаются, цветы, которые благоухают, цветник, который расцветает и дает наследство, что украшает жизнь человеческую... Но ведь и я живу, как живет на свете мой сын Якуб, и жизнь человеческая продолжается, как продолжается и жизнь этого цветника...»

Изя почувствовал прилив сил от этих мыслей. С удовольствием вдохнул полную грудь воздуха. Была у него песня, которую он напевал, когда становилось особенно хорошо. Вернее, это было стихотворение, которое сочинил давным-давно сам. И он его спел...

Я думал. годы детства. как вулкан.
но мне сказали: юность. словно речка...

Когда он вернулся домой, Рита уже кормила Цилию. Девочка, увидев деда, соскочила со стула и побежала с визгом обнимать его. Изя прижал малышку к себе и, выведя к столу, дал ей шоколадку

— Балуετε, — улыбнулась Рита.

— Она умница, хорошая девочка, — сказал Изя, поглаживая головку девочки. — Не как ее папа...

— Ваш сын не настолько плох, как вы говорите...

Изя посмотрел на невестку. На глазах у Риты выступили слезы. «Трудно бедняжке, — подумал Изя. — Как будто ей не хватает своего: еще я пытаюсь перевалить на нее свои горести... Совсем побледнела...»

И вправду, Рита в последние дни выглядела измученной...

Когда Изя с горечью приговаривал: «Якуб больше не вернется. Я знаю эту коварную женщину, она его не отпустит...», Рита пыталась его успокоить: «Нет, он обязательно придет. Разве может он бросить дочь?», — но мало-помалу и в ее душу стало закрадываться сомнение... И она начала мучиться, думая, что больше не увидит мужа...

И хоть душа ее волновалась, виду она не подавала. Поначалу пыталась уговорить Изю ехать самим в санаторий, чтобы путевки не сгорели, но тот отказался наотрез. Тогда она стала приносить книги Шолом-Алейхема и читать Изе вслух...

— Доченька, не думай постоянно о Якубе, — сказал Изя, глядя на Цилию. — Он обязательно вернется. Не слушай меня. Ты ведь вчера сама слышала, как говорил и Узбекхан-ака, и Анжей. — И вдруг он стал подгонять Риту: — Поторопись, доченька. Глядишь, и вечер подойдет. Как бы не стало стыдно перед гостями. Ведь ты одна хозяйка. За Цилию не беспокойся, я посмотрю.

Рита была удивлена разговорчивостью и трезвым умом старика, который целыми днями только стонал и проклинал своего сына. Но вскоре хорошее настроение завладело и ее душой.

— Деда, я поправила вам постель, — сказала она. — Вы ложитесь, а Цилия будет играть около вас. Я быстро сбегаю на базар. Потом приберусь.

— Спасибо, доченька. Только побыстрей. Понимаешь, я с Анжеем был в концлагере тридцать лет назад.

С тех пор мы не виделись. Эх, жалко, что Якуба нет! Он многое мог бы узнать у Анжея...

— Но ведь Анжей сказал, что будет в Ташкенте целый месяц. Увидятся еще...

— Да будет так, как ты сказала...

Рита оделась и уже собиралась выходить, как пришла Сарвинисо-опа. Рита обняла ее с несказанной радостью, приговаривая:

— Как хорошо, мамочка, что вы пришли, я сама хотела забежать после базара к вам. Боялась, что одна не управлюсь...

— Что ты говоришь? Разве мы тебя когда-нибудь оставляли одну?! Ты хотела на базар? Раздевайся, ничего не нужно. Сейчас твои братишки все занесут. Я им сказала, чего надо взять. А где же моя внучка? У деда?

Пока Сарвинисо-опа здоровалась с Изей и Цилией, Рита переоделась, и в четыре руки они принялись готовиться к встрече гостей...

А повод к тому был большой.

Вчера вечером пришли к Изе Атаев и Анжей. Вошли и опешили: на кровати лежал Изя и вздыхал так, что грудная клетка ходила ходуном, а рядом с ним сидел «Его Высочество господин Доктор» и что-то давал ему нюхать. Здесь же стояла Рита, держа стакан с водой и какие-то лекарства.

Атаев, кашлянув, двинулся к ним.

Доктор посмотрел на Атаева и, указывая на Изю, покачал головой... Затем, не здороваясь с пришедшими, стал говорить с больным:

— Стыдно, стыдно, уважаемый больной Товбис, переживать только потому, что сын поехал за границу. Радоваться этому надо — отдохнет и вернется. Вот к вам пришел товарищ Атаев и еще один товарищ, а вы...

Услышав про Атаева, Изя открыл глаза и стал его искать взглядом. Но, увидев перед собой Анжея, удивился.

— Друг, ты не узнаешь меня? — спросил Анжей, осторожно пытаясь обнять Изю. — Я Анжей, Анжей из Кракова...

— Анжей! Это ты? — Изя чуть приподнялся. — Я слышал, что ты приехал, но не верил...

— Ну, боевой товарищ, ты теперь стал таким недоверчивым? Лежи, лежи, не шевелись. Я сяду рядом.

— Разве я не говорил, что только радоваться нуж-

но, — сказал Доктор Атаеву, нащупывая пульс Изи. — Вот, сразу и выздоровели...

...Изя, несмотря на увещевания окружающих, встал, чтобы провести их в гостиную, но в это время Доктор шепнул Атаеву:

— Дай бог, чтобы он и впрямь выздоровел, мне что-то не нравится такое «выздоровление»...

И все же доктор доверил больного Атаеву и они допоздна сидели и беседовали, вспоминая молодость, годы, друзей. Как только Анжей вспомнил Циру, Изя нахмурился и неожиданно сказал: «На следующий же день после своего освобождения мы поженились. А через день с помощью немецкого офицера отправились в Турцию, оттуда в Каир, к моим родителям. В Каире родился Якуб. После этого Цира умерла. Конечно, только для меня. На самом деле... после одного скандала... она укатила в Америку.» — И тут, переведа разговор на своего сына, Изя стал жаловаться на его необдуманный поступок, все больше впадая в уныние. Анжей с Атаевым пытались успокоить его и рассказали о последней встрече с Якубом. Это несколько обрадовало Изю.

Когда друзья встали, Изя пригласил их в гости и на завтра. Те согласились. И Атаев, и Анжей понимали, что Изя нуждается в поддержке.

...Вот какова была подоплека сегодняшней беготни...

Прежде всего пришли Анжей Поничан и Атаев. Некоторое время спустя подошел «личный доктор Изи» — уважаемый и «покорный слуга» Леви. Здороваясь со всеми, он успел рассказать про все новости света. При этом он достал из кармана шоколадку и красное яблоко и дал их самому большому человеку, надежде всех остальных — Цилии-ханум, которая сидела на коленях дяди Анжея и щекотала его.

Когда все собрались и началась беседа, вдруг зазвонил звонок. Оказалось, пришел почтальон. Рита взглянула на него и сердце ее ошалело забилося. Письмо было из Москвы, из Министерства иностранных дел. Не вытерпев, она раскрыла конверт по дороге и стала читать письмо. Потом вошла в спальню и вдруг безудержно разрыдалась. От этих рыданий замолкла даже Цилия. В тишине донесся ее истошный голос:

— Отец, Якуб уехал... к матери... в Израиль...

— Ох-х... — лицо Изи перекосилось и он схватился за грудь. Не отрывавший от него глаз доктор бросился к нему.

— Сумку, скорее сумку, — кричал он плакавшей Рите, а потом, махнув рукой, стал копаться в кармане своего пиджака. Достал какое-то лекарство и дал понюхать Изе. Валидол подложил ему под язык, приговаривая: «Хорошо хоть карман оказался при тебе, «Господин Доктор», не то опозорился бы на весь свет!»...

Атаев взял письмо у Риты и посмотрел его. Потом прочел вслух:

«Товарищ И. Товбис!

Ваш сын Якуб Товбис, выехавший для проведения отпуска в Вену, как выяснилось, сразу же по прибытии в Вену имел встречу с представителями сионистской организации СОХНУТ и без получения разрешения Советского правительства, а также «го представительства в Вене — Советского посольства выразил желание выехать к матери Цире Гольдман в Израиль... числа настоящего месяца 1969 года письмо об отречении его от Советского государства, от Вас, его отца, было оставлено в Советском посольстве неизвестным лицом...»

Изя бил себя кулаками и рыдал:

— Ох-х... Наконец добились своего...

Кого он при этом имел в виду — Циру или Лейзора Гольдмана — знал он сам. Но Атаев понял по-своему.

— Нет, так быть не может, — сказал он, сжимая кулаки. — Здесь какая-то тайна.

— Его заставили, — сказал хмуро Анжей. — Его заставили сионисты. С каждым разом они становятся все наглее...

Изя опустил руки и безнадежным голосом спросил:

— О ком вы говорите? О сионистах? Это Гольдман, что ли, который выкрал у меня сына?! Они... фашисты евреев... Якуб попал в их сети...

Изя откинулся на спинку кресла. Закрыв глаза.

— Верно, — сказал доктор. — Лично мне кажется, что это самые настоящие нацисты, позорящие нашу древнейшую культуру, попирающие элементарные моральные нормы, выработанные веками... Они могут переступить через все... разлучить отца с сыном... разбить семью...

— Умм... Теперь я понял... — Изя, не раскрывая глаз, как бы говорил сам с собой. — Я понял, почему Гольдман вертелся, увивался вокруг Якуба... ведь в телеграмме сказано... Цира Гольдман? Стало быть... Цира... стало быть... она все же вышла за него замуж... — Изя тяжело вздохнул и добавил: — Ах, подлец!..

Атаев многозначительно посмотрел на Анжея:

— Вчера после прихода сюда мы долго разговаривали об изменениях в поведении Якуба. Анжей, оказывается, хорошо знает самого Лейзора Гольдмана. Он многое мне рассказал. Анжей, если не трудно, будь добр, повтори рассказ.

Анжей поерошил бороду, вздохнул.

— Да, я, к несчастью, хорошо знаю этого международного преступника и подлеца Лейзора Гольдмана. Его имя стало впервые мне известно в ту пору, когда мы с Изей пребывали в концлагере. Я видел его и когда бежал из концлагеря, но отомстить тогда не смог. Не только я один — но евреи и не евреи, партизаны, что называется остались с пустыми руками, он всех провел и исчез в одну ночь. — Анжей обвел взглядом всех сидящих и продолжил: — Вчера Атаев показал мне книжку Якуба «Проделки сионизма». В ней много того, о чем думал и я. Самое главное — Якуб показал, что надо различать сионистов и простых евреев.

Устроившись удобно в кресле, Анжей прокашлялся и продолжил.

— Сейчас в странах Западной Европы, в Америке, особенно в самом Израиле пытаются представить, что сионизм — политическое движение в среде евреев, единственный представитель евреев, который боролся против нацизма во Второй мировой войне. И этим пытаются выставить сионизм единственным «идейным движением» в среде евреев всего мира, а всех, кто выступает против этой «теорийки», того сразу же считают «антисемитом» — то есть врагом всего еврейского народа.

Хорошо, что в последнее время обнародовано много материалов по политике нацистской Германии в отношении евреев. Но во многих из них дело представляется таким образом, что фашисты, дескать, хотели физически уничтожить еврейскую нацию. А на самом деле? На самом деле фашисты до войны еще лишили евреев сначала гражданских прав, лишив тем самым их места в экономике Германии. А потом были совершенно незаметные нюансы отношения наци к евреям. Так, они побуждали богатых евреев эмигрировать за большие деньги. Именно в этом пункте сионисты и фашисты нашли общий язык. Поэтому Изя отчасти прав, когда считает сионистов «фашистами» евреев. Они, и только они, выступили в 1933 году перед фашистским правительством с просьбой о признании их в качестве един-

ственных и полномочных представителей еврейского населения.

— Я многое изучал по сионизму, но этого не знал, — признался Доктор, продолжавший наблюдать за Изей.

Анжей усмехнулся и продолжил:

— Знаменитые сионисты Ион и Давид Кимхе приводят интересные факты в своих мемуарах. В 1938 году два агента сионистов Пино и Бар-Гилад заключили договор с СС и гестапо, согласно которому им было разрешено свободное перемещение по Германии для создания отряда завоевателей Палестины. Бар-Гилад при встрече с Эйхманом напрямую заявил, что его интересуют прежде всего «первые из первых» — молодые. Были созданы специальные военные лагеря для такой молодежи. Даже у нас в Польше. — Глаза Анжея налились кровью и руки невольно сжались в кулаки. — Тем временем тысячи евреев страдали в гетто. В Польше была создана сионистская организация «Совет евреев», имевшая исполнительные органы в этих гетто. Лейзор Гольдман был членом одного из таких советов, и в то же время руководителем еврейской полиции, которая целиком находилась под контролем гитлеровцев. Гольдман был тем, кто выполнил приказ своего шефа из Вильнюса Якоба Генса об уничтожении 410 больных в гетто. Сотни других евреев погибли от рук этого палача. Наш партизанский отряд заочно приговорил его к смерти, но в 1941 году он внезапно исчез. После того, как я получил письмо от Атаева с упоминанием его имени, я навел справки о дальнейшей жизни Гольдмана.

Изя при этом широко раскрыл глаза и уставился сначала на Атаева, потом на Анжея, но Поничан, не обращая внимания, продолжал:

— Сначала он оказался в Америке, потом, после создания Израиля, перебрался туда. Долгие годы он скрывался под чужой фамилией...

— Да, — сказал внезапно Изя. — Польские партизаны сделали многое для спасения евреев. Я сам тому свидетель...

— Было, было, — задумчиво поддержал Анжей. — Поляки, не боясь наказаний, вплоть до смертной казни, все равно спасали и укрывали в своих семьях евреев. Да и в нашем отряде евреев было предостаточно. Вот и Изя... Впрочем, разве там различали национальность, главным было разбить фашистов... Если не считать таких, как Гольдман, которые агитировали евреев бе-

жать в Палестину, где «можно остаться живым»... Вот они какие, эти сионисты...

— Не попади обрывки письма в мои руки, то и Атаев вам вряд ли бы написал письмо, и мы бы остались в неведении, — вмешался простодушно в разговор доктор.

Изя с благодарностью посмотрел на доктора.

— Так, стало быть, вы... взяли то письмо? А я... не нашел его...

— А как же?! — ответил доктор. — Смотрю, валяются обрывки. Пока вы не могли проснуться, я их и собрал. А потом с Атаевым мы и прочли...

— Как выяснил Атаев, — прибавил Анжей. — Гольдмана признали «персоной нон грата» и выдворили из СССР.

— Спасибо вам, — прошептал Изя. — Вы сделали мне много добра. — Он всплакнул и продолжил: — нет, я сам во всем виноват... Сам виноват! Я не знал, что Гольдман такой палач, но как-никак я его знал... Он отнял у меня любимую жену... Я должен был... задушить его собственными руками... здесь... Нет, я сам виноват, что скрыл это от всех... скрыл, что Цира изменила мне... Даже когда, Узбекхан-ака, вы попросили меня рассказать всю правду Якубу, я скрыл... Всю жизнь я заблуждался... И вот в итоге он уехал к матери и... больше никогда не вернется...

— Почему вы так говорите? — спросила молчавшая до сих пор Сарвинисо-опа. — Он обязательно вернется. Он воспитывался у нас, не сможет привыкнуть к их нравам...

— Верно, — поддержал ее Атаев. — Якуб обязательно вернется к нам.

— Может быть, и не вернется... — прошептал Изя, — может быть, и вернется... Мне теперь все равно... Теперь у меня нет никакой радости в жизни... Но историю... но проделки его матери... наконец истинное лицо этого Гольдмана он так и не узнал... — Изя стал колотить себя кулаками и рыдать. — Теперь он станет верить матери и будет проклинать меня, он откажется от меня... И даже дни, проведенные мной в концлагере, теперь не помогут... Теперь мы все для него превратимся в прихлебателей фашистов: и я, и дядя Моша, и мой отец...

— Ну, вы слишком, — заметил Атаев сердито. — Якуб не такой болван, чтобы верить чему попало...

— О-о, — Изя повел головой, — вы не знаете Циру...

— Нет, Изя, — сказал задумчиво Анжей. — Правду нельзя закопать в могилу. Он узнает, как ты вышел из концлагеря и как женился на Цире...

— Тогда из лап смерти меня вытащила Цира... — Изя жалобно улыбнулся. — Я не знал тогда, что она заодно с Гольдманом, что... продалась фашистам...

Все удивленно посмотрели на него. Даже Анжей привскочил с места. Изя же откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Все ждали его рассказа. Он долго сидел, тяжело вздыхая. Потом вдруг раздался его хриплый голос:

Я думал... годы детства как... вулкан.
но мне... сказали: юность, словно река...
Спросил я: как смывается позор...
а мне сказали: он теперь навечно...

Он снова замолк. Потом резко вскинул голову, бесцветными глазами обвел присутствующих и, остановившись на Рите, сказал:

— Рита... доченька, вынеси... черную тетрадь... Я хранил тайну... Я не хотел, чтобы Якуб мучился... Теперь нет нужды... Если он вернется, то расскажете ему...

Он расстегнул рубашку и, достав медальон, не смог его открыть.

— Рита, возьми сама... — попросил он.

Спустя мгновение раздался скрип дверцы шкафа и Рита принесла черную тетрадь.

Изя долго рассматривал, потом, подвинув ее к доктору, прошептал:

— Доктор, прочтите вы. Вы ведь читаете на идише...

Доктор был обеспокоен состоянием Изя и, не глядя на тетрадь, стал прощупывать пульс своего пациента. Потом попытался поднять его под мышцы.

— Дорогой Изя, отдохните немного, вы устали...

Изя осторожно отвел его руку и едва слышно прошептал:

— Оставьте, доктор... Я посижу здесь... с вами, с моими друзьями... в тяжелую для себя минуту... Когда... я вас еще увижу... Лучше прочтите... то... Дайте еще раз увидеть... свою молодость...

Леви, недовольно отчитывая его, дал выпить таблетку. Потом приготовился было читать, но зазвонил телефон.

Рита вскочила и бросилась к трубке: схватила ее

в надежде услышать голос мужа, в худшем случае опровержение телеграммы.

— Алло?!

— ...

— Да, здесь. Сейчас... — она протянула трубку Атаеву. — Папа, вас спрашивает сын дяди Исака — Самуэль. Он сейчас у вас и оттуда звонит.

Атаев посмотрел на жену и пожал плечами, как бы говоря: «Странно, у Самуэля не было таких привычек. Может быть, что случилось? Ведь уже поздно...»

— Да?

— ...

— Что? Не может быть...

— ...

— Когда вы приехали из командировки?

— ...

— А сейчас дядя Исак дома?

— ...

— Хорошо. Что-нибудь предпримем...

Атаев положил трубку. Несколько раз снимал и снова надевал тубетейку и, уже садясь на стул, сказал:

— Исак и Сара едут в Израиль.

Потом прокомментировал Анжею:

— В техникуме есть сторож — дядя Исак. Перед нашим отъездом подал заявление об увольнении. Сын его — большой ученый. Я просил Исака потерпеть, пока тот не вернется из командировки. Он тогда согласился. А потом все-таки стал приходить на работу... Сегодня вернулся Самуэль и застал отца за сборами. Говорит, что отец всех прокликает и материт, и даже Самуэля прогнал из дому. Все кричит: «Вы хотите, чтобы меня арестовали на старости...»

Атаев хлебнул чаю и замолчал.

«Ну, старик, — думал он. — Ведь эта трагедия похлеще, чем у Якуба. Что же его заставило отречься от своего обещания? А еще это: «арестуют на старости». Странно, что у него нашелся родственник в Израиле, от которого пришел, мол, вызов... Как бы то ни было, надо поскорее переговорить с ним самим...»

Расстроенный, Атаев встал было с места, когда Изя, задыхаясь, вдруг поднял голову. Глаза его сверкали.

— В Из... Израиль говорите... Я прошу... вас... отдайте эту тетрадь ему... пусть отвезет... сыну... — он дрожащими руками протянул тетрадь Атаеву. — Только скорее... пока не не... у ... ехал...

Занятый своими мыслями Атаев не сразу понял слова Изи. Когда же понял, тетрадь уже была в руках Анжея.

— Будь спокоен, Изя, — сказал Поничан. — Атаев немедленно передаст ее Исаку. Все, что ты тут написал, прочтет твой сын. — Он протянул тетрадь Атаеву, чтобы успокоить Изию.

— Спа...сибо... но про... чтет ли?.. — Изя вдруг откинулся на спинку кресла, схватившись за сердце. Голова его упала на плечи. Все вскочили. Державший Изию за предплечье доктор вдруг бросился в комнату больного.

Атаев заставил Изию выпить чай и тот приоткрыл глаза. Еще раз жалобно оглядел стоявших вокруг него людей и еле-еле прошептал:

— Если... я... слышу Якуб...пр... чт... тетрадь... сп... кно...

— Не переживайте, — сказал спешно Атаев, пугаясь его побледневшего лица и судорожно схватив его за голень. — Якуб обязательно получит тетрадь. А как получит, так немедленно вернется к вам...

— Дай... бог...

И тут запыхавшийся Леви впихнул трубку от кислородной подушки в бесчувственный рот Изи...

Каир — Ташкент

НЕ УТРАТИВ КРЕПОСТЬ ДУХА...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Советское общество вступило в новый, революционный по своему характеру, этап исторического развития, начало которому положено стратегическим курсом партии, выработанным на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС. Крупным завоеванием, как было отмечено на I Съезде народных депутатов СССР, является широко развернувшаяся демократизация жизни страны. Главной целью перестройки является построение гуманного социализма. Такие человеческие ценности, как патриотизм, интернационализм, любовь к родине, наполнились в настоящее время новым содержанием.

В контексте этих мыслей хотелось бы поделиться некоторыми наблюдениями, которые возникли у меня по прочтении трилогии узбекского писателя Абдумаджида Шамирзаева «Тревога».

Первая книга трилогии — «Якуб Товбис» (1983 г.), вторая — «Один месяц у ангела» (1985 г.) и третий роман — «Изгнанник из рая» (1987 г.), опубликованные издательством «Ёш гвардия» на узбекском языке, получили успех, читаются с интересом. Трилогия затрагивает острый, животрепещущий вопрос. В ней раскрываются деяния сионизма — буржуазно-националистического течения, которое организационно оформилось в 1897 году в Базеле (Швейцария) на I конгрессе Всемирной сионистской организации (ВСО).

Главной целью ВСО являлось и является по сей день поощрение систематического переселения (алия) в Израиль евреев, руками которых буржуазия намеревалась осуществлять политику на Ближнем Востоке. Свои подлинные цели сионисты всегда маскировали лживыми обещаниями собрать всех евреев мира в одном государстве, создать «рай для евреев» — без социальных конфликтов и классовой борьбы. Одновременно сионистские лидеры осуществляли кампанию по затемнению сознания евреев пропагандой мифов об исключительности еврейства, его «богоизбранности», «праве» и даже «обязанности» руководить всеми народами.

Основатель политического сионизма, первый президент Всемирной сионистской организации Теодор Герцль враждебно относился к социализму. В своих

«дневниках» Т. Герцль писал: «Мы повсюду боремся против революционеров и отводим молодых студентов и еврейских рабочих от социализма и нигилизма тем, что предлагаем им более чистый национальный идеал»¹. И по сей день Всемирная сионистская организация придерживается этой политики.

С 1952 года правительство Израиля ввело в практику так называемую «выборочную иммиграцию». При этом основную ставку сионисты делают на талантливую, одаренную молодежь. В течение многих лет они стараются переманивать из Советского Союза молодежь, имеющую ученые степени, звания в области физико-математических, технических, медицинских наук...

Здесь представляет интерес первая часть трилогии — роман «Якуб Товбис». Писатель раскрывает классовую, реакционную сущность международного сионизма, призывая отличать сионистов от простых трудолюбивых евреев. Эта идея красной нитью проходит через все три романа. Изображая жизнь советских людей, писатель возвышает интернациональную дружбу, показывает жизнь евреев в Узбекистане, акцентируя внимание на дружбе между узбеками и евреями и указывая на ее исторические корни.

Главный герой романа — молодой ученый Якуб Товбис — работает над докторской диссертацией. Якуб говорит: «...когда мы ехали сюда, то, оказывается, спасая мою мать, погибла одна белоруска... Да и когда приехали в Ташкент, даже в самые голодные дни, никто не отвернулся от нас. Опять нас приняли добрые советские люди. И даже когда умерла мама, они взяли нас к себе...» А отец Якуба, Изя Товбис, говорит: «Польские партизаны сделали многое для спасения евреев. Я сам тому свидетель».

Наряду с яркими запоминающимися положительными образами Якуба Товбиса, Изи Товбиса, Узбекхана Атаева и его семьи, Анжея Пониचना показаны и отрицательные персонажи. Особенно хочется отметить Лейзора Гольдмана, который верой и правдой служит сионизму и прилагает все усилия, чтобы Якуб Товбис покинул СССР и переехал на постоянное жительство в Израиль. Но все его ухищрения обречены на провал.

Второй роман трилогии, «Один месяц у ангела», показывает сегодняшнюю жизнь Израиля, который явно

---

¹ Дневники Теодора Герцля. Нью-Йорк, 1962, с. 9.

пытается убедить весь свет, что только здесь евреев ждет настоящий рай. Перед взором читателя один за другим возникают новые образы — богатая и всеми уважаемая госпожа Цира, советник мэра, один из руководителей израильской спецслужбы полковник Бергман, активный член «Сохнута» Викторина Меир, слуга—Мириам и другие. Автор умело описывает тупиковые ситуации, в которые попадает главный герой романа, тут и попытки сионистов привлечь его на свою сторону, и хитрости госпожи Цири, проницательность израильской разведки и полицейского управления, издевательства и испытания, которые выпадают на его долю в тюрьме...

Пройдя через все круги ада, Якуб Товбис не утратил крепость духа: он — советский гражданин, он верен родине, своему народу, семье.

Писатель выводит интересные образы. Это, к примеру, бывший сионист, участник арабо-израильской войны 1967 года Авраам, французский еврей Шарль, воевавший против немецко-фашистских захватчиков, антисионист Лиов Алони, простой рабочий Нави, коммунист Нахман и другие. Каждый из них своей судьбой и путем, избранным в жизни, еще больше углубляет конфликт, усиливает драматизм произведения. Вот эпизод в бою при Эль-Кунейтре: раненого Авраама спасает врач-араб, сделав ему операцию...

В образе Нахмана убедительно показано, как трудящиеся Израиля борются за свободу. Для меня, читателя, очевидно, что автор тщательно изучил многовековую историю евреев, их обряды, этнографию, обычаи, традиции, национальную психологию, характерные образы и умело использовал все это в своей трилогии. Научно-исторические сведения органично вплетаются в сюжет. Легенды, сказки, анекдоты убедительны в ткани повествования.

Трилогия призывает к политической бдительности, к активной борьбе за мир, за укрепление дружбы между народами.

*Давид НИЯЗОВ,
кандидат филологических наук, ответственный секретарь Совета по бухарско-еврейской литературе при Союзе писателей Узбекистана. член Философского общества СССР.*

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. Радость и горечь	11
Глава вторая. Биография	22
Глава третья. «Ваша мама нашлась, мама!»	29
Глава четвертая. Трудный день	36
Глава пятая. Рука со змеевидным перстнем	44
Глава шестая. «Ангел» призывает к себе	57
Глава седьмая. Зальмон Акилович	68
Глава восьмая. Дядя Исак остался в одиночестве	78
Глава девятая. Кажется, нашелся конец нити	85
Глава десятая. Хозяева и гости	94
Глава одиннадцатая. «Неизлечимая» болезнь дяди Исака	108
Глава двенадцатая. Они встретились снова	121
Глава тринадцатая. Письмо, раскрывшее тайну	126
Глава четырнадцатая. Одышка	136
Глава пятнадцатая. Случайности	143
Глава шестнадцатая. Поездка за границу	150
Глава семнадцатая. Боевые друзья	159
Д. Ниязов. Не утратив крепость духа... Послесловие	170

Ш 19

Шамирзаев Абдумаджид.

Тревога: Роман/ Пер. с узб. А. Исмоили.— Т.: Ёш гвардия, 1990.—176 с.

В своем остросюжетном романе автор повествует о сложной судьбе Якуба Товбиса, который, попавшись на удочку сионистских посулов, вынужденно отправился на «землю обетованную». Роман ранее выходил в свет на узбекском языке в нашем издательстве.

Уз2

Литературно-художественное издание

АБДУМАДЖИД ШАМИРЗАЕВ

ТРЕВОГА

Роман

Книга 1. Якуб Товбис

Перевод с узбекского Абдулхамида Исмоили

ИБ № 2776

Редактор **Н. Красильников**

Художник **Б. Шарипов**

Художественный редактор **Н. Абдуллаев**

Технический редактор **В. Демченко**

Корректоры **З. Наджатова, З. Коломиец**

Сдано в набор 28.04.89 г. Подписано в печать 1.08.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Печ. л. 5,5. Усл. печ. л. 9,24. Уч.-изд. л. 8,95. Усл. кр-отт. 9,66. Тираж 30000 экз. Договор № 158—89. Цена 60 коп. Заказ 3411.

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана «Еш гвардия»,
700113, Ташкент, Чиланзар, квартал 8, ул. Катаргал, 60.

Ордена Трудового Красного Знамени
типография издательства ЦК Компартии Узбекистана.
г. Ташкент, ул. Газеты «Правда», 41.